

БИККИНИН Ирек Анасович
БЛИННИКОВ Сергей Анатольевич
ПУДОВОЧКИН Юрий Евгеньевич

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И
НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА:
сравнительно-правовые и уголовно-правовые аспекты**

Ростов-на-Дону, 2004

ББК 67.408

Б 60

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор Зырянов В.Н.

кандидат юридических наук, доцент Сорокин И.О.

Б 60 Биккинин И. А., Блинников С. А., Пудовочкин Ю. Е.
Обеспечение территориальной целостности и неприкосновенности
Российского государства: сравнительно-правовые и уголовно-правовые
аспекты. Монография. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический
институт Российской правовой академии Минюста России, 2004. – 216 с.

В монографии авторы, опираясь на обширный эмпирический и
нормативный материал, предприняли впервые в отечественной
уголовно-правовой науке попытку сравнительно-правового и
догматического анализа проблемы обеспечения единства и целостности
территории государства.

Монография адресована широкому кругу практических и научных
работников, преподавателей и аспирантов, а также студентов
юридических вузов и факультетов.

ББК 67.408

© РЮИ РПА МЮ РФ

© Биккинин И.А., Блинников С.А., Пудовочкин Ю.Е.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	
Глава I. Теоретические и сравнительно-правовые аспекты изучения проблем уголовно-правового обеспечения территориальной целостности и неприкосновенности Российского государства	
<i>§ 1. Территориальная целостность и неприкосновенность государства как объект уголовно-правовой охраны</i>	
<i>§ 2. Эволюция отечественного уголовного законодательства об обеспечении территориальной целостности и неприкосновенности государства</i>	
<i>§ 3. Эволюция международно-правовых норм о защите территориальной целостности и неприкосновенности государств</i>	
<i>§ 4. Охрана территориальной целостности и неприкосновенности государства по законодательству зарубежных стран</i>	
Глава II. Ответственность за нарушение территориальной целостности и неприкосновенности государства по современному Российскому законодательству	
<i>§ 1. Ответственность за приобретение территории путем угрозы силой или ее применения</i>	
<i>§ 2. Ответственность за нарушение неприкосновенности государственных границ</i>	
<i>§ 3. Ответственность за сепаратизм, инспирирование и поддержку сепаратистских движений</i>	
Заключение	
Библиография	
Приложения	

ВВЕДЕНИЕ

Сложившаяся в России на рубеже веков социально-политическая ситуация характеризуется традиционной для всякого общества переходного периода нестабильностью и напряженностью, что проявляется и в динамичной трансформации положения Российского государства на международной арене, и в продолжающемся реформировании политической и экономической систем общества, и в изменении устоявшихся показателей уровня жизни. Положение в государстве осложняется резкой активизацией криминогенных факторов, их системным воздействием на сферу общественных отношений, приводящим к увеличению уровня и темпов роста преступности, изменению ее структурно-криминологических характеристик и утяжелению социальных последствий.

Однако, несмотря на сложную международную обстановку и трудности внутреннего характера, Россия в силу значительного экономического, научно-технического и военного потенциала, уникального стратегического положения на Евразийском континенте объективно продолжает играть важную роль в мировых процессах, остается сильной мировой державой.

Как отмечается в Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию на 2003 год, «Весь наш исторический опыт свидетельствует: такая страна, как Россия, может жить и развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой. Во все периоды ослабления страны – политического или экономического – перед Россией всегда и неотвратимо вставала угроза распада».¹

Несмотря на предпринимаемые шаги, распад государства все еще продолжает оставаться реальной угрозой национальной безопасности России. Он стимулируется сегодня, как минимум двумя факторами. С одной стороны, - это нерешенность всех вопросов федеративного устройства России, обостряющаяся наличием полярных политических позиций в вопросах соотношения этнической и территориальной компонент государственности,

¹См.: Российская газета. 2003. 17 мая.

диктатом двух агрессивных тенденций: национал-унитаризма и национал-сепаратизма.² С другой стороны – это глобализация преступности, характеризующаяся проникновением ее во все поры общества и институты государственной власти, приводящая к дестабилизации глобальной системы управления и возникновению реальной угрозы существованию государства.

Совокупное действие этих факторов заметно усиливает действие каждого из них в отдельности. Эти факторы тесно связаны и взаимно пересекаются, поскольку, с одной стороны, преступность (особенно экономическая и политическая) способствует активизации сепаратистских настроений, а с другой стороны, сепаратизм зачастую приобретает формы конкретных преступлений против государственной или общественной безопасности.

Сегодня становится очевидным, что разрушительное действие сепаратизма и преступности, как факторов, преимущественно, внутригосударственного порядка, дополняется агрессивной, а порой, просто «преступной» политикой отдельных государств, инспирирующих или стимулирующих действие дестабилизирующих факторов в других странах. По словам А. Н. Харитонов, «на политической карте мира появились государства, которые с полным основанием можно назвать государствами криминального типа».³

Все это вместе взятое образует комплекс внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов, создающих реальную угрозу преступного разрушения государства. Как справедливо отмечает Ю. В. Голик, «формы этой угрозы могут быть разными: распад государства на более мелкие государственные или псевдогосударственные образования, введение внешнего управления и утрата государством своего суверенитета, аннексия территории или ее части другими более мощными или более «наглыми»

²См.: Абдулатипов Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000. С. 11.

³Харитонов А. Н. Государственный контроль над преступностью. Омск, 1997. С. 3.

государствами и т. д. общим является одно: государство как суверенное образование прекращает свое существование».⁴

В силу сказанного становится очевидным, что сохранение государственной целостности и единства РФ, обеспечение ее передовых позиций в международном сообществе, прогрессивное развитие демократии и прав человека настоятельно требуют преодоления сепаратистских тенденций, противодействия преступности и адекватного внешнеполитического курса. Указанная задача представляется весьма сложной. Оценивая ее, Президент РФ указал, что «на всем протяжении нашей истории Россия и ее граждане совершали и совершают поистине исторический подвиг. Подвиг во имя целостности страны, во имя мира в ней и стабильной жизни. Удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире – это не только огромный труд. Это еще и огромные жертвы, лишения нашего народа».⁵

Решение задачи обеспечения единства и целостности Российского государства предполагает, в первую очередь, охрану его территориальной неприкосновенности. Принцип территориальной целостности и неприкосновенности государства считается сегодня одним из основных принципов международного права, соблюдение которого является гарантией международного мира, безопасности и государственного суверенитета. Он закреплен в целом ряде международных правовых актов и деклараций, а потому в соответствии со ст. 15 Конституции России выступает в качестве правовой основы формирования и реализации ее внутренней и внешней политики. Преломление указанного принципа во внутреннем законодательстве сопровождается созданием ряда конкретизирующих правовых предписаний, к числу которых относятся и положения Уголовного Кодекса России, направленные на охрану территориальной неприкосновенности и целостности государств.

⁴Голик Ю. Глобализация преступности и преступность глобализации // Федерализм. 2002. № 1. С. 135.

⁵См.: Российская газета. 2003. 17 мая.

Уголовно-правовые проблемы обеспечения территориальной целостности и неприкосновенности Российского государства, несмотря на их очевидную социальную значимость, к сожалению, не получили адекватного решения в уголовно-правовой науке, в России не было поведено ни одного комплексного исследования, посвященного данной проблеме. Тем не менее, объективная потребность в научном анализе становления, эволюции, современного состояния и возможных перспектив развития уголовно-правовых предписаний, охраняющих неприкосновенность и целостность государственной территории, существует, что актуализирует и объясняет выбор темы настоящего исследования, делает его социально оправданным.

Степень научной разработки проблемы, к сожалению, нельзя признать достаточной. Как было отмечено, отечественная наука к настоящему времени не рассматривала уголовно-правовые аспекты обеспечения территориальной целостности и неприкосновенности государства в качестве самостоятельного объекта исследования. Нам не известно ни одной монографии, диссертации или научной статьи, где бы был проведен их комплексный теоретический анализ.

Однако отдельные сегменты обозначенной темы, безусловно, получили освещение на страницах юридической печати. Так, проблемы конструирования и квалификации преступлений против мира и безопасности человечества, и в частности, агрессии, были в центре внимания Д. Донского, И. И. Карпеца, Ю. А. Решетова, П. С. Ромашкина, А. Н. Трайнина и др. Вопросам противодействия преступлениям против государственной власти, и в частности, мятежу и призывам к действиям против строя, были посвящены работы С. В. Дьякова, А. А. Игнатьева, В. С. Клягина и др. Изучение уголовно-правовых средств обеспечения неприкосновенности Государственной границы проводилось В. И. Земцовым, Н. М. Ивановым и В. П. Овчинниковой, П. Ф. Тельновым и др.

Указанные работы содержат богатый в познавательном отношении материал. Они сыграли заметную роль в процессе реформирования

российского уголовного законодательства, моделируя ряд предложений по его совершенствованию. Однако, в них, во-первых, отсутствует понимание территориальной неприкосновенности и целостности государства как самостоятельного объекта, требующего всесторонней охраны, во-вторых, не создана целостная концепция уголовно-правового обеспечения неприкосновенности государственной территории; в-третьих, отсутствует сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства. Кроме того, указанные работы были выполнены на основе ранее действовавшего уголовного и международного законодательства, в иных внутри- и внешне- социально-политических условиях; а потому содержащиеся в них рекомендации могут быть восприняты современной законодательной и правоприменительной практикой лишь частично.

Восполняя имеющийся пробел в научном осмыслении проблем уголовно-правового обеспечения территориальной целостности и неприкосновенности Российского государства, мы стремились: обосновать ценность неприкосновенности и целостности государственной территории в качестве объекта уголовно-правовой охраны; определить систему уголовно-правовых норм о защите территориальной неприкосновенности и целостности государства, исходя из содержания соответствующего международно-правового принципа; проследить эволюцию нормативных предписаний относительно защиты неприкосновенности и целостности территории государства в отечественном уголовном законодательстве и в международном праве; охарактеризовать систему норм о защите неприкосновенности и целостности государственной территории по законодательству зарубежных стран; дать толкование действующего российского законодательства об ответственности за агрессию, призывы к агрессии, мятеж, организационную и призывную деятельность, направленную к совершению мятежа, незаконное пересечение и изменение Государственной границы; разработать предложения по усовершенствованию

отечественного законодательства в части регламентации ответственности за преступления против территориальной неприкосновенности и целостности.

Считаем, что нам удалось достичь определенных результатов. Представленная работа может служить теоретическим обоснованием концепции уголовно-правовой охраны территориальной целостности и неприкосновенности Российского государства, поскольку в ней через призму учения об объекте преступления раскрыто содержание одного из основных принципов современного международного права; определен круг уголовно-правовых норм, направленных на его охрану; проведен компаративный анализ данной группы правовых предписаний; определено соответствие российского уголовного законодательства мировым стандартам и социальным потребностям в части обеспечения неприкосновенности государственной территории; решены вопросы уголовно-правовой квалификации соответствующих преступлений; намечены ориентиры совершенствования российского уголовного законодательства.

Работа может быть полезна представителям властных (как законотворческих, так и правоприменительных) структур, а также ученым, аспирантам и студентам юридического профиля.

Глава I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

§ 1. Территориальная целостность и неприкосновенность государства как объект уголовно-правовой охраны

Россия является одной из крупнейших стран мира с многовековой историей и богатыми культурными традициями. Несмотря на сложную международную обстановку и трудности внутреннего характера, она в силу значительного экономического, научно-технического и военного потенциала, уникального стратегического положения на Евразийском континенте объективно продолжает играть важную роль в мировых процессах. При этом, как отмечает С. Н. Бабурин, «Русская цивилизация предполагает гармоничное сочетание двух элементов: духовного (культурного) и земного (территориального, пространственного). Первый предполагает, прежде всего, русский язык, русскую культуру, второй – Русскую землю, ту территорию, которую в течение столетий осваивали и защищали русские люди, ту государственную общность, что сложилась на этой территории».⁶

Территория Российской Федерации, наряду с такими понятиями, как «государственная власть» и «народ», образует формулу существования государства, один из основных его признаков. «Без территории немислимо существование государства. Как жизнь человека невозможна без тела, так и полноценная жизнь государства неосуществима вне территории».⁷ Государство предполагает территорию как часть государственной организации, необходимое, естественное условие его существования,

⁶Бабурин С. Н. Современные проблемы Российской государственности: территория и гражданство // Государство и право. 1996. № 11. С. 3.

⁷Барциц И. Н., Левакин И. В. Территориальная целостность Российской Федерации: вопросы теории // Журнал Российского права. 2002. № 10. С. 11.

материальную предпосылку/основу жизни организованного в государство общества.⁸

Понятие территории государства относится к области международного и конституционного права, и достаточно глубоко разработано отечественной наукой.⁹ Не углубляясь в анализ существующих теорий понимания территории государства, тем более что такая задача уже неоднократно решалась,¹⁰ отметим, что под территорией государства следует понимать ту часть земного шара, которая принадлежит в соответствии с общепризнанными принципами международного права определенному государству как субъекту международного права и в пределах которой политическая организация власти этого субъекта осуществляет свое территориальное верховенство. Понимание государственной территории мало изменилось на протяжении XX столетия. Л. А. Камаровский и В. А. Ульяницкий в 1908 году писали, что «под государственной территорией разумеется пространство земли, воду и воздуха, подчиненное исключительно верховной власти одного данного государства – его территориальной власти, которая выражается в исключительном господстве его над определенной территорией и над всем тем, что на ней находится».¹¹ Аналогичным образом понятие государственной территории определяется и Законом РФ «О государственной границе» от 01. 04. 1993 г.¹² Согласно ст. 1 Закона граница устанавливает пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть «пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации».

⁸Дюги Л. Конституционное право. М., 1908. С. 128.

⁹См.: Барсегов Ю. Г. Территория в международном праве. М., 1958; Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. М., 1974; Клименко Б. М., Порк А. А. Территория и граница СССР. М., 1985; Бабурин С. Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997 и др.

¹⁰Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. М., 1974. С. 28 – 37; Барциц И. Н., Левакин И. В. Территориальная целостность Российской Федерации: вопросы теории // Журнал Российского права. 2002. № 10. С. 11 – 13.

¹¹Камаровский Л. А., Ульяницкий В. А. Международное право. М., 1908. С. 58.

¹²Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594.

Необходимым условием правильного понимания сущности государственной территории является дополнительное решение двух вопросов: вопроса о наличии у государства юридического права на территорию и вопроса о разграничении понятий территориального верховенства и юрисдикции государства.

Первый вопрос достаточно широко обсуждался представителями объектной, патримониальной концепции территории. В итоге возобладала теория, согласно которой «права территориального верховенства сводятся к совокупности публичных прав, а не частной собственности».¹³ Иными словами у государства (как аппарата публичного управления) нет права собственности на территорию в его гражданско-правовом понимании. О праве государства на территорию можно рассуждать лишь, рассматривая государство как субъект международного права. И с этой точки зрения не вызывает возражений позиция Ю. Г. Барсегова о том, что «соответствие фактического территориального владения государства праву наций на самоопределение дает последнему юридический титул, право на владение и распоряжение территорией».¹⁴ И, следовательно, несоответствие принадлежности территории воле населения, проживающего на ней, лишает данное государство права на территорию.¹⁵

В рамках второго вопроса заметим, что территориальное верховенство власти как составная часть государственного суверенитета означает, что на определенной территории эта высшая власть осуществляется системой специально созданных органов (законодательных, исполнительных, судебных), деятельность ее исключает деятельность на этой же территории публичной власти другого государства, и распространяется она как на своих, так и на иностранных граждан. Понятие же юрисдикции государства означает обычно права судебных и административных органов по разрешению и

¹³Камаровский Л. А., Ульяницкий В. А. Международное право. М., 1908. С. 59.

¹⁴Барсегов Ю. Г. Территория в международном праве. М., 1958. С. 89.

¹⁵Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. М., 1974. С. 26.

рассмотрению каких-либо дел в соответствии с их компетенцией.¹⁶ Понятие юрисдикции уже в плане функциональных возможностей государства. В тоже время юрисдикция государства может распространяться и на районы, в которых государство не осуществляет территориального верховенства, что позволяет говорить о больших пространственных пределах юрисдикции государства по сравнению с пространством его территориального верховенства.

Территория государства как пространственный предел его суверенитета, и территориальные границы его юрисдикции определяется, как правило, в Конституции этого государства. В Российской Конституции наиболее полное определение территории содержится в ч. 1 ст. 67, согласно которой «Территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними». В тоже время ч. 2 этой статьи установила, что «Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права».

Приведенные положения составляют юридический стержень универсального понятия «территория». В данном контексте территория представляется не только как пространственный предел функционирования общества, некая основа существования социального организма, а как политическое пространство, пределы осуществления власти внутри страны и пределы, за которыми государство выступает как иностранная, внешняя сила.¹⁷ При этом Конституция четко выделяет два вида пространства: собственно территорию, в которой Российская Федерация осуществляет абсолютную юрисдикцию; и пространства, на которых она осуществляет

¹⁶Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 696.

¹⁷Бабурин С. Н. Взаимосвязь территории и гражданства государства как фактор Российской геополитики // Вестник Омского университета. 1996. Вып. 2. С. 104.

некоторые суверенные права (континентальный шельф¹⁸ и исключительную экономическую зону¹⁹).

В территорию России включаются:

1. сухопутная территория;
2. водная территория, включающая внутренние воды РФ и территориальное море;
3. земные недра в пределах сухопутной и водной территории;
4. воздушное пространство до его границ с космосом.

Понятия и статус каждой из составляющих определен международными и национальными нормативными актами.

Так, согласно Закону РФ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» от 31. 07. 1998 г. (с посл. изм.)²⁰ внутренние морские воды Российской Федерации – это воды, расположенные в сторону берега от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря РФ. Внутренние морские воды являются составной частью территории РФ. К ним относятся воды: портов РФ, ограниченные линией, проходящей через наиболее удаленные в сторону моря точки гидротехнических и других постоянных сооружений портов;

¹⁸Континентальный шельф Российской Федерации включает в себя морское дно и недра подводных районов, находящиеся за пределами территориального моря РФ на всем протяжении естественного продолжения ее сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка. Подводной окраиной материка является продолжение континентального массива РФ, включающего в себя поверхность и недра континентального шельфа, склона и подъема. Определение континентального шельфа применяется также ко всем островам РФ. Внутренней границей континентального шельфа является внешняя граница территориального моря; внешняя граница континентального шельфа находится на расстоянии 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, при условии, что внешняя граница подводной окраины материка не простирается на расстояние более чем 200 морских миль. Если подводная окраина материка простирается на расстояние более 200 морских миль от указанных исходных линий, внешняя граница континентального шельфа совпадает с внешней границей подводной окраины материка, определяемой в соответствии с нормами международного права. (см. ст. 1 Закона РФ «О континентальном шельфе Российской Федерации» от 25. 10. 1995 г. (с посл. изм.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 49. Ст. 4694).

¹⁹Исключительная экономическая зона Российской Федерации – есть морской пояс, находящийся за пределами территориального моря РФ и прилегающий к нему с особым правовым режимом, установленным федеральным законом, международными нормам и договорами РФ. Определение исключительной экономической зоны применяется ко всем островам РФ, за исключением скал, которые не пригодны для поддержания жизни человека или для осуществления самостоятельной хозяйственной деятельности. Внутренней границей исключительной экономической зоны является внешняя граница территориального моря. Внешняя граница исключительной экономической зоны находится на расстоянии 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, если иное не предусмотрено международными договорами РФ. (см. ст. 1 Закона РФ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» от 17. 12. 1998 г. (с посл. изм.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6273).

²⁰Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3833.

заливов, бухт, губ и лиманов, берега которых полностью принадлежат РФ, до прямой линии, проведенной от берега к берегу в месте наибольшего отлива, где со стороны моря впервые образуется один или несколько проходов, если ширина каждого из них не превышает 24 морские мили; заливов, бухт, губ и лиманов, морей и проливов с шириной входа в них более чем 24 морские мили, которые исторически принадлежат РФ, перечень которых устанавливается Правительством РФ и публикуется в «Извещениях мореплавателям». Территориальное море Российской Федерации, согласно этому же закону, - есть примыкающий к сухопутной территории или к внутренним морским водам морской пояс шириной 12 морских миль, отмеряемых от установленных исходных линий, иная ширина территориального моря может быть установлена в соответствии с международными нормами. Внешняя граница территориального моря является Государственной границей Российской Федерации. Внутренней границей территориального моря являются исходные линии, от которых отмеряется ширина территориального моря.

Конституция РФ не перечисляет недра в составе территории России. Тем не менее, по сложившейся практике они также входят в понятие государственной территории. В соответствии с законом РФ «О недрах Российской Федерации» от 03. 03. 1995 г. (с посл. изм.)²¹ недрами признается часть земной коры, расположенная ниже уровня почвенного слоя, а при его отсутствии – ниже земной поверхности и дна водоемов и водотоков, простирающаяся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения.

Воздушное пространство Российской Федерации согласно общепринятым международным нормам простирается ввысь на расстояние 100 – 110 км от уровня моря, то есть до того уровня, за которым искусственные аппараты могут свободно вращаться без существенного торможения и сгорания в земной атмосфере. Боковые границы воздушного

²¹Собрание законодательства РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

пространства РФ ограничены вертикальной плоскостью, проходящей через линию государственной границы.

К территории России некоторыми юристами причисляется и так называемая арктическая территория, не упоминаемая отдельно в ст. 67 Конституции.²² Заметим, что понятие арктической территории, являясь географическим, включает в себя как территории некоторых субъектов РФ, континентальный шельф и исключительную экономическую зону, с правовым статусом которых не возникает проблем, так и пространства Северного Ледовитого Океана, международно-правовой и конституционно-правовой статус которого определен не достаточно полно. Вопрос советской арктической зоны был урегулирован в Постановлении Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» от 15 апреля 1926 г. Постановление ЦИК объявляло, что территорией Союза ССР являются все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, не составляющие к моменту опубликования настоящего Постановления признанной Правительством Союза ССР территории каких-либо иностранных государств, расположенные в Северном Ледовитом океане к северу от побережья Союза ССР до Северного полюса в пределах между меридианом 32 градуса 4 минуты 35 секунд восточной долготы от Гринвича, проходящим по восточной стороне Вайда-губы через триангуляционный знак на мысу Кекурском, и меридианом 168 градусов 49 минут 30 секунд западной долготы от Гринвича, проходящим по середине пролива, разделяющего острова Ратманова и Крузенштерна группы островов Диомида в Беринговом проливе.²³ Однако со статусом этой территории дело обстоит не так просто, проблема Северного Ледовитого океана выводится из разности подходов к определению этого участка земного шара. С одной стороны, он может рассматриваться как открытое море со всеми вытекающими из этого

²²Барциц И. Н., Левакин И. В. Территориальная целостность Российской Федерации: вопросы теории // Журнал Российского права. 2002. № 10. С. 16.

²³Собрание законодательства СССР. 1926. № 32. Ст. 203.

понимания международно-правовыми последствиями, поскольку находится за пределами государственной границы и за границами территориального моря. С другой стороны, Северный Ледовитый океан в своей значительной части представляет ледяную поверхность, а посему может рассматриваться как особый вид государственной территории пяти прилегающих стран мира (Российской Федерации, США, Канады, Дании и Норвегии), которые и разделили океан на полярные сектора, а все земли и острова, а также ледяные поверхности, находящиеся в пределах полярного сектора той или иной страны, входят в состав государственной территории.²⁴ В решении вопроса об определении статуса арктической территории положительную роль может сыграть принятие Государственной Думой соответствующего закона «Об арктической зоне Российской Федерации».

Большая же часть территории России является сухопутным пространством площадью 17075,4 тыс. кв. км. Сухопутная территория России в пределах ее государственной границы складывается из территорий ее субъектов. При этом наибольшие правовые сложности и политические спекуляции при определении Российской территории возникают в связи с соотношением территории России и территорий ее субъектов. М. В. Баглай и В. А. Туманов пишут, что отношение между этими понятиями простое: территория России включает в себя территории ее субъектов.²⁵ О. Е. Кутафин пишет, что «Российская Федерация имеет свою территорию, которая складывается из территорий ее субъектов».²⁶ И. Н. Барциц и И. В. Левакин, напротив, говорят, что территория России не есть простое сложение территорий ее субъектов.²⁷

Основанием для различного понимания соотношения территории России и ее субъектов во многом служит и сам текст Конституции РФ. Как

²⁴Барциц И. Н. О правовом статусе российского арктического сектора // Право и политика. 2000. № 12 (Интернет – версию см.: http://www.law-and-politics.com/paper.shtml?a=12_2000&o=476831).

²⁵Баглай М. В., Туманов В. А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. С. 457; Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. Учебник для юридических вузов и факультетов. М., 1997. С. 296.

²⁶Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации. Учебник. М., 1995. С. 243.

²⁷Барциц И. Н., Левакин И. В. Территориальная целостность Российской Федерации: вопросы теории // Журнал Российского права. 2002. № 10. С. 14 – 15.

справедливо замечает В. Г. Вишняков, в Конституции не фиксируется положение о том, что территории субъектов Федерации, «включаемые», согласно п. 1 статьи 66 Конституции в состав территории Российской Федерации, образуют единую территорию единого государства.²⁸ Не вносит ясности в этот вопрос и текст Конституций и Уставов субъектов Российской Федерации.

Территориальный и конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации определяется их основными законами (Конституциями и Уставами). Нами были проанализированы тексты Основных Законов субъектов РФ,²⁹ в основном все они признают себя и свою территорию неотъемлемой частью Федерации, утверждают целостность своей территории. Приведем соответствующие положения Конституций и Уставов субъектов Южного Федерального округа. Так, согласно Конституции Республики Ингушетия, возвращение политическими средствами незаконно отторгнутой у Ингушетии территории и сохранение территориальной целостности Республики Ингушетия – важнейшая задача государства (статья 10). В соответствии со ст. 3 Конституции Кабардино-Балкарской Республики, она основана на единстве равноправных народов Кабардино-Балкарии и неделима. Действия, нарушающие мирную совместную жизнь народов Кабардино-Балкарии, являются антиконституционными; ст. 5 Конституции гарантирует целостность и неприкосновенность территории Кабардино-Балкарской Республики, объявляет защиту государственности Кабардино-Балкарской Республики важнейшей функцией государства. На основании ст. 1 Конституции Карачаево-Черкесской Республики ее территория является единой и неделимой, и составляет неотъемлемую часть территории Российской Федерации, ее границы не могут быть изменены без согласия народов Карачаево-Черкесской Республики. Согласно ст. 9 Конституции

²⁸ Вишняков В. Г. К вопросу о понятиях «территория», «территориальная целостность», «самоопределение народов» в Конституции Российской Федерации // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1997. № 1 (18). С. 78.

²⁹ Тексты Конституций и Уставов субъектов Российской Федерации представлены в сети Интернет по адресу: www.legislature.ru/ruconst.html.

Республики Северная Осетия – Алания территория Республики едина и неделима, а действия, направленные на отторжение территории Республики Северная Осетия – Алания, недопустимы и преследуются по закону. Конституция Республики Адыгея в ст. 4 установила, что территория Республики целостна и неделима, а ст. 55 закрепила, что она является неприкосновенной и не может быть изменена без согласия Республики Адыгея. Согласно ст. 69 Конституции Республики Дагестан его территория едина, ее статус и границы не могут быть изменены без волеизъявления дагестанского народа. В соответствии со ст. 1 Конституции Чеченской Республики ее территория является единой и неделимой и составляет неотъемлемую часть территории Российской Федерации. Согласно ст. 1 Конституции Республика Калмыкия есть равноправный субъект Российской Федерации, является ее составной, неделимой частью. А в соответствии со ст. 6 территория и статус Республики Калмыкия не могут быть изменены без ее согласия. Территория Республики Калмыкия используется и охраняется как основа жизни и деятельности народа Калмыкии. На основании Устава Ставропольского края (ст. 1) край является равноправным субъектом Российской Федерации, ее неделимой частью и не имеет права выхода из состава Российской Федерации. В соответствии со ст. 18 Ставропольский край как субъект Российской Федерации имеет собственную территорию, которая является неотъемлемой частью территории Российской Федерации и определена существующими административными границами. В соответствии со ст. 2 Устава Ростовская область неотделима от Российской Федерации, на всю территорию Ростовской области распространяется суверенитет Российской Федерации. Согласно ст. 1 Устава Краснодарского края он является неотъемлемой составной частью Российской Федерации, на территорию края распространяется суверенитет Российской Федерации, на ней действуют Конституция Российской Федерации и федеральные законы. Пропаганда сепаратизма и агитация за выход края из состава Российской Федерации запрещены. Статья 2 также определяет, что Краснодарский край

является исторической территорией формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа, составляющего большинство населения края; территория края обладает внутренней целостностью и делится на административно-территориальные единицы; создание национально-государственных и национально-территориальных образований на территории Краснодарского края не допускается, свобода национального развития обеспечивается иными средствами. В соответствии со ст. 1 Устава Астраханская область является равноправным субъектом Российской Федерации, на территорию которого распространяется суверенитет Российской Федерации. Территория Астраханской области согласно ст. 3 Устава является неотъемлемой частью территории Российской Федерации и не может быть изменена без согласия граждан Российской Федерации, проживающих в области, выраженного через областной референдум. Волгоградская область в соответствии со ст. 1 Устава имеет свою территорию, которая является неотъемлемой частью территории Российской Федерации. Она определена границами, существующими на момент подписания Федеративного договора.

В тоже время некоторые субъекты решают проблему определения статуса своей территории несколько иначе. Так, ст. 1 Конституции Республики Тыва определила, что Тыва – суверенное демократическое государство в составе Российской Федерации, имеет право на самоопределение и выход из состава Российской Федерации путем всенародного референдума Республики Тыва. Республика Тыва признает свое нахождение в составе Российской Федерации на основе Федеративного договора и договорных отношений как в федеративном, демократическом, правовом государстве, признающем и поддерживающем Декларацию о государственном суверенитете Республики Тыва, ее право на самоопределение. Основой государственного суверенитета является право республики на свою территорию, природные богатства, определение государственного устройства, внешней и внутренней политики. Республика

Татарстан в ст. 61 своей Конституции установила, что она – суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией – Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения.³⁰ Конституция Татарстана содержит также статью, объявляющую территорию республики «неприкосновенной» (статья 60).

Для окончательного решения вопроса о соотношении понятий территория России и территория субъекта РФ, необходимо обращение к понятию государственной территории, под которой, как мы уже говорили, в теории государства понимается правомерно находящаяся под его суверенитетом часть земной поверхности (включая сушу, воду, недра под ними и воздушное пространство над ними). И когда статья 4 (пункт 3) Конституции закрепляет положение, согласно которому Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории, то имеется в виду не только неприкосновенность внешних границ государства, но и целостности государства, недопустимость разделения на самостоятельные части государственной территории. Россия — не сумма частей, а единое, целостное государство. И понятие государственная территория выражает политическую природу и суть самого государства, которое не может иметь территории, принадлежащие различным субъектам власти. Российская Федерация обладает всей полнотой государственной власти на всей территории Федерации, и никакая другая власть на территории России не может, согласно п. 4 статьи 3 Конституции, присваивать власть федеральных органов, а тем более ставить себя над ними.

Статья 71 (п. «б») Конституции Российской Федерации относит к исключительному ведению России территорию Российской Федерации. Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию

³⁰Определением Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 92–О положения статьи 61 Конституции Республики Татарстан признаны не соответствующими Конституции РФ, в части придания республике статуса субъекта международного права в качестве суверенного государства.

(п. 1 ст. 4 Конституции). Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность территории.

Принцип государственной целостности не может быть поставлен под сомнение в связи с федеральным характером Российского государства. Территориальная целостность является приоритетной по отношению к федеративному устройству Российской Федерации, где подчеркивается п. 3 статьи 5 Конституции: «федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти».³¹

Изложенное позволяет установить, что для федеративных государств правовое закрепление своей территории имеет не только международно-правовое, но и внутреннее, государственно-правовое значение, поскольку непосредственно связано с такими понятиями как целостность территории и целостность государства. Как отмечается в Концепции национальной безопасности России, интересы государства на сегодняшний день, наряду с иными, состоят в незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России.³²

Понятие территориальной целостности государства вобрало в себя и международно-правовые и государственно-правовые аспекты. Российская Конституция неоднократно упоминает термины «целостность и неприкосновенность территории» (ч. 3 ст. 4), «целостность Российской Федерации» (ч. 5 ст. 13), «государственная целостность» (ч. 2 ст. 80). Хорошо известны эти понятия и международному праву. Устав ООН (1945 г.) в п. 4 ст. 2 провозглашает, что «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций». Декларация

³¹Вишняков В. Г. К вопросу о понятиях «территория», «территориальная целостность», «самоопределение народов» в Конституции Российской Федерации // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1997. № 1 (18). С. 80.

³²Собрание законодательства РФ. 1997. № 52. Ст. 5909; 2000. № 2. Ст. 170.

о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (1970 г.), в числе первых закрепила принцип, согласно которому «каждое государство в своих международных отношениях обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, не совместимым с целями Организации Объединенных Наций».

Неприкосновенность и целостность государственной территории принадлежит к числу основных принципов современного международного права. Его называют «ведущим принципом международного права».³³ «Принцип территориальной целостности и неприкосновенности создает политическую и юридическую базу для обеспечения независимого развития государств, сохранения целостности их территории и неприкосновенности их границ. Он служит правовой основой для борьбы за сохранение единых, жизнеспособных государств, могущих дать отпор агрессивным силам».³⁴

Содержание принципа территориальной целостности и неприкосновенности государств достаточно подробно проанализировано отечественными специалистами. Так, Б. М. Клименко указывает, что данный принцип накладывает на государства четыре обязательства:

1. не приобретать чужой территории путем угрозы силой или ее применения;
2. уважать неприкосновенность государственных границ;
3. не использовать иностранной территории без согласия ее суверена;
4. не использовать своей территории таким образом, чтобы этим наносился ущерб территориям других государств.³⁵

Несколько подробней раскрывает содержание принципа Л. И. Волова, выделяя в нем ряд обязательств и запретов. В частности автор указывает, что

³³Моджорян Л. А. Становление и развитие демократических принципов международного права. М., 1969. С. 75.

³⁴Волова Л. И. Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве / Отв. ред. В. К. Собакин. Ростов, 1981. С. 22.

³⁵Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. М., 1974. С. 24; 43 – 74.

анализируемый принцип накладывает на государства следующие обязательства:

1. не совершать нападения, вторжения в пределы территории других стран и оккупации чужих территорий;
2. воздержаться от насильственного захвата всей или части территории иностранного государства (аннексии);
3. не осуществлять насильственного расчленения какого-либо государства;
4. не признавать территориальных изменений, явившихся результатом применения силу или угрозы ее применения;
5. не нарушать извне национального единства страны;
6. не инспирировать и не поощрять сепаратистских движений с целью искусственного раздела территории вопреки государственным и национальным интересам;
7. не использовать свою территорию таким образом, чтобы этим наносился ущерб территориям иностранных государств.

Одновременно, пишет Л. И. Волова, принцип территориальной целостности и неприкосновенности государств устанавливает запреты на: размещение вооруженных сил одного государства на территории другого вопреки требованию правительства и народа; использование иностранной территории без согласия суверена; создание военных баз на чужих территориях без согласия государства принадлежности этих территорий; предоставление своей территории другому государству для нарушения территориальной целостности третьего государства; нарушение границ; засылку банд и наемников на территорию иностранного государства; все виды подрывной деятельности; угрозы и применение силы с целью понуждения государства к отказу от своей территории.³⁶

Проанализировав приведенные теоретические позиции, замечаем, что принципиальных отличий между ними не имеется. Л. И. Волова детализировала некоторые положения теории Б. М. Клименко, дополнив их

³⁶Волова Л. И. Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве / Отв. ред. В. К. Собакин. Ростов, 1981. С. 26 – 27.

одним принципиально новым положением – о недопустимости организации и поддержки сепаратистских движений. Указанное дополнение приобретает особую значимость в условиях современной России. Сепаратизм, понимаемый как выдвижение какой-либо национальной или этнической группой требования об отделении, деятельность, направленная на создание одной из наций или этнических групп самостоятельной государственности на национальной почве или этнической основе путем выхода из состава государства без учета каких-либо иных правовых оснований, а также интересов других народов региона,³⁷ стал угрозой не только национальной безопасности России, но и одним самых мощных дестабилизирующих факторов во всем мире. Б. М. Клименко высказал мнение о том, что «территориальным конфликтом является и сепаратизм».³⁸ Л. И. Волова же полагает, что инспирируемые извне сепаратистские движения являются не территориальными конфликтами, а своеобразным видом посягательства на единство государств и целостность их территории.³⁹ Вместе с тем, при любом понимании, очевидно, что сепаратизм существенным образом нарушает территориальную целостность и неприкосновенность государств.

В итоге можно сказать, что требования принципа территориальной целостности и неприкосновенности состоят в следующем:

1. не приобретать чужой территории путем угрозы силой или ее применения (то есть отказаться от завоеваний как средства приращения территории государства и решать все территориальные споры исключительно мирными средствами);

2. уважать неприкосновенность государственных границ (то есть считать незыблемой саму линию государственной границы на местности, не

³⁷См: Волова Л. И. Нерушимость границ – новый принцип международного права / Отв. ред. А. М. Аваков. Ростов, 1987. С. 54; Клименко Б. М. Мирное решение территориальных споров. М., 1982. С. 13.

³⁸Клименко Б. М. Мирное решение территориальных споров. М., 1982. С. 13.

³⁹Волова Л. И. Нерушимость границ – новый принцип международного права / Отв. ред. А. М. Аваков. Ростов, 1987. С. 70.

допускать пересечения границы без разрешения властей и вне установленных правил, не допускать пограничных инцидентов);

3. не инспирировать и не поддерживать сепаратистских движений (то есть не допускать пропаганды сепаратизма, не создавать сепаратистские организации и не поощрять их деятельность, не оказывать помощи сепаратистским движениям);

4. не использовать иностранной территории без согласия ее суверена (то есть полностью подчиняться национальному законодательству при транзите товаров, услуг, разработке природных ресурсов и т. д. в каком-либо государстве);

5. не использовать своей территории таким образом, чтобы этим наносился ущерб территориям других государств (то есть осуществление суверенных прав на собственной территории, как то разработка природных ресурсов, возведение и эксплуатация промышленных, ирригационных и иных объектов и т. п., не должно причинять ущерба суверенным правам соседних государств на использование международных рек, на чистый воздух и т. д.).

Нормативными источниками приведенных положений могут служить следующие международно-правовые акты: Устав ООН (1945 г.), Резолюция Ассамблеи глав государств и правительств ОАЕ «Пограничные споры между африканскими государствами» (1964 г.), Декларация о принципах международного права (1970 г.), Декларация об укреплении международной безопасности (1970 г.), документ под названием «Принципы сотрудничества между СССР и Францией» (1971 г.), Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «О неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия» (1972 г.), Стокгольмская Декларация «Об окружающей человека среде» (1972 г.), Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.), Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях (1987 г.) и некоторые другие.

В науке было высказано мнение о том, что принцип территориальной целостности гарантирует территориальное верховенство государство только от посягательств извне.⁴⁰ В тоже время, как справедливо замечает Б. С. Эбзеев, конституционная норма о защите территориальной целостности России отражает не только внешнеполитический аспект суверенитета государства, но и имеет принципиальное внутригосударственное значение, сущность которого заключается в следующих положениях: «1) в юридической невозможности уступки Российской Федерацией, ее органами и должностными лицами части территории России иностранным государствам; 2) в запрете на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на нарушение целостности Российской Федерации; 3) в обязанности органов государственной власти по принятию необходимых мер для охраны суверенитета России, ее независимости и государственной целостности, обороны страны, государственной безопасности; 4) в невозможности выхода субъекта Российской Федерации из ее состава; 5) в возможности «федеральной интервенции» в случаях угрозы территориальной целостности, исходящей от субъекта РФ».⁴¹

Таким образом, можно утверждать, что и в сфере международных отношений, и во внутривнутриполитической жизни государства, принцип территориальной целостности охраняет первейшее право каждого государства – исключительное право на его территорию. «Правам государства на владение, пользование и распоряжение территорией, - пишет Б. М. Клименко, - соответствует обязанность других государств уважать эти права. Эта обязанность является содержанием принципа неприкосновенности и целостности государственной территории».⁴²

Как видим, принцип территориальной целостности и неприкосновенности напрямую связывается с правом государства на

⁴⁰Кочкаров Р. М. Конституционные основы суверенитета народов и наций и единство Российской государственности. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 123.

⁴¹См.: Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации. / Отв. ред. В. В. Лазарев. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2001. С. 40.

⁴²Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. М., 1974. С. 24.

территорию и с правом наций на самоопределение, также получившим свое закрепление в Уставе ООН (1945 г.), Декларации о принципах международного права (1970 г.) и других нормативных актах. В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Уставе, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава. Способами осуществления народом права на самоопределение являются создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединению с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом. Каждое государство, указывается в Декларации, обязано воздерживаться от любых насильственных действий, лишаящих народы, о которых говорится выше, в конкретизации настоящего принципа, их права на самоопределение, свободу и независимость. В своих действиях против таких насильственных мер и в сопротивлении им эти народы, добиваясь осуществления своего права на самоопределение, вправе испрашивать и получать поддержку в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций. В тоже время, указывается в Декларации, ничто из указанного выше, не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи.

Соотношение принципов территориальной целостности и права наций на самоопределение – одна из сложных задач наук международного и

конституционного права.⁴³ При этом основная сложность их совмещения видится в том, что право наций на самоопределение (согласно упомянутой выше Декларации 1970 г.) предполагает отделение от государства национальной территории и тем самым нарушение его территориальной целостности. Однако, отделение – не единственная форма реализации права на самоопределение. Как правильно полагает Л. И. Волова, «отделение – в какой-то мере исключительный вариант, применяемый в особых случаях, когда имеются насильственные, искусственные связи между частями территории, разрыв которых необходим для свободного развития данного народа в направлении прогресса».⁴⁴ В подобных случаях резонно возникает вопрос о юридическом праве государства на территорию, которая требует отделения. Отсутствие такого права лишает государство на незыблемость территории, а, следовательно, и противоречия между правом на самоопределение и территориальной целостностью в данном случае не возникает. Основанием права на территорию для государства, как было указано выше, является соблюдение права проживающих на этой территории наций на самоопределение.

Проблема кажущейся «несовместимости» международно-правовых принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности, по нашему мнению, в определенной мере преодолевается важным положением упомянутой Декларации «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества в соответствии с Уставом ООН», в которой недопустимость расчленения или нарушения территориальной целостности суверенных государств ставится в прямую зависимость от соблюдения ими в своих действиях принципа равноправия и самоопределения народов. Иначе говоря, если государство не удовлетворяет справедливые требования части

⁴³Ее решению, среди прочих, посвящены следующие работы: Барсегов Ю. Г. Самоопределение и территориальная целостность. М., 1993; Мигранян А. Н. Конфликт между двумя принципами. Россия и современный мир. М., 1994.

⁴⁴Волова Л. И. Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве / Отв. ред. В. К. Собакин. Ростов, 1981. С. 123.

населения, народа, нации на его социально-экономическое развитие, то они могут выдвинуть вопрос изменения своего политического статуса.⁴⁵

Следовательно, если какое-либо государство не соблюдает принцип равноправия народов и разными средствами препятствует их самоопределению даже в границах этого государства, то стремление компактно проживающего там народа на самоопределение в соответствии с одним из международно-правовых способов не может быть истолковано как нарушение принципа территориальной целостности суверенного государства.⁴⁶

При этом, однако, необходимо четко отграничивать самоопределение как законный способ территориальных преобразований от мятежа и иных противоправных действий, подрывающих территориальную целостность и безопасность государства; а также отграничить территориальные изменения, происходящие по согласию между соседними государствами, от насильственной деятельности по изменению территории суверенного государства, осуществляемой в результате агрессии, аннексии и т.п.

В решении вопросов об отграничении законных незаконных способов изменения территории государства, наряду с международно-правовыми документами и практикой, немалую роль играет национальное и международное уголовное законодательство.

Заметим, что территориальная целостность и неприкосновенность государства не рассматриваются действующим российским уголовным законодательством в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Тем не менее, нормы, направленные на защиту территориального верховенства Российского государства в УК РФ все же существуют.

В ст. 2 УК РФ при определении задач уголовного законодательства в качестве объектов охраны называет конституционный строй Российской Федерации, мир и безопасность человечества. Как известно, территориальная

⁴⁵См.: Карапетян Л. М. Грани суверенитета и самоопределения народов // Государство и право. 1993. № 1.

⁴⁶Кочкаров Р. М. Конституционные основы суверенитета народов и наций и единство Российской государственности. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 125.

целостность и неприкосновенность государства, согласно ч. 3 ст. 4 Конституции России относится к числу основ ее конституционного строя, как составная часть суверенитета; а согласно ст. 1 и 2 Устава ООН обеспечение территориальной целостности и неприкосновенности государств является одним из условий их мирного сосуществования, залогом безопасности человечества. Таким образом, можно утверждать, что охрана территориальной целостности и неприкосновенности Российской Федерации является одной из задач отечественного уголовного законодательства.

Для достижения этой задачи УК устанавливает в том числе, какие опасные для территориальной целостности и неприкосновенности государства деяния признаются преступлениями и устанавливает виды и размеры наказаний за их совершение.

Нормы, направленные на охрану территориальной целостности и неприкосновенности государства, в УК РФ не сконцентрированы в какой-либо одной главе, не объединены по признакам общности родового объекта. Тем не менее, территориальная целостность и неприкосновенность рассматривается УК РФ в качестве объекта дополнительного (либо обязательного, либо факультативного). Такое положение вещей не вызывает особых возражений, учитывая, что, в конечном итоге, не структура законодательства, а качество нормативно-правовых предписаний определяет степень защищенности того или иного объекта уголовно-правовой охраны.⁴⁷

Выделение из массива уголовно-правовых норм предписаний относительно защиты территориальной целостности и неприкосновенности государства целесообразно осуществлять на основе описанного ранее содержания соответствующего международно-правового принципа.

Так, *ответственность за приобретение территории путем угрозы силой или ее применения* установлена ст. 353 УК «Планирование, подготовка

⁴⁷См.: Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 51.

и развязывание агрессивной войны», ст. 354 «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны».

Ответственность за нарушение неприкосновенности государственных границ определена в ст. 271 «Нарушение правил международных полетов», ст. 322 «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации», ст. 323 «Противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации».

Ответственность за сепаратизм, инспирирование и поддержку сепаратистских движений предусмотрена в ст. 279 «Вооруженный мятеж», ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремисткой деятельности», ст. 282² «Организация деятельности экстремисткой организации».

Ответственность за использование Российской территории без согласия территориального суверена может быть возложена на виновного на основании ст. 256 «Незаконная добыча водных растений или животных» ст. 258 «Незаконная охота», ст. 260 «Незаконная порубка деревьев и кустарников», ст. 261 «Уничтожение или повреждение лесов».

Ответственность за использование Российской территории в ущерб территориям других государств может быть реализована на основании ст. 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики», ст. 220 «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами», ст. 236 «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил», ст. 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ», ст. 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов», ст. 248 «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами», ст. 249 «Нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений», ст. 250 «Загрязнение вод», ст. 251 «Загрязнение атмосферы», ст. 252 «Загрязнение морской воды», ст. 254 «Порча земли».

Отмеченная выше взаимосвязь международно-правовых и национально-правовых аспектов понятия территориальной целостности и неприкосновенности государства заставляет обратить внимание на тот факт, что нарушение территориальной целостности и неприкосновенности государства может угрожать не только национальным, но и международным интересам. Это дает возможность все указанные преступления условно подразделить на две группы: преступления, угрожающие миру и безопасности человечества (первая группа); и преступления, угрожающие интересам внутренней безопасности (вторая – пятая группы).

Как видим, указанные преступления являются достаточно разноплановыми, имея в виду содержание их видового (непосредственного) объекта.⁴⁸ При этом в преступлениях, включенных в первую и во вторую группы, территориальная целостности и неприкосновенность всегда нарушаются в результате совершения преступления, иными словами, с позиций деления объектов преступления «по горизонтали», выступает в качестве обязательного дополнительного объекта преступления. В случае совершения преступления, включенных в третью группу, территориальной целостности государства может быть причинен вред, поскольку ее нарушение рассматривается законом в качестве одной из целей действий виновных, иными словами, территориальная целостность и неприкосновенность в данных преступлениях выступает в качестве альтернативно-обязательного основного объекта. Наконец, при совершении преступлений, включенных в четвертую и пятую группу, территориальная целостность и неприкосновенность государства лишь может быть нарушена. Такая ситуация возможна: а) при совершении преступлений четвертой группы при условии, что эти преступления совершаются иностранными гражданами и лицами без гражданства, не проживающими постоянно в России, поскольку для лиц, принадлежащих к категории народа Российской Федерации, не существует

⁴⁸Мы придерживаемся классификации объектов преступного посягательства «по вертикали», предложенной Н. И. Коржанским, согласно которой только объект отдельного, реально совершенного деяния может называться непосредственным, тогда как в статье УК закреплены признаки видового объекта. См.: Коржанский Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Волгоград, 1976. С. 21 – 29.

понятия неприкосновенности собственной территории; б) при совершении преступлений пятой группы, при условии, что последствия совершенных преступлений обнаруживают себя на территории иностранных государств, при этом субъектом совершаемых преступлений должен выступать гражданин России или лицо без гражданства, постоянно проживающее на ее территории, поскольку только эта категория лиц при совершении преступления «использует свою территорию». Но и в том, и в другом случае нарушение территориальной целостности и неприкосновенности не рассматривается УК в качестве обязательного или дополнительного признака составов соответствующих преступлений, иными словами, она выступает в данном случае в качестве факультативного объекта, причинение вреда которому способно повысить степень общественной опасности преступления.

Учитывая сказанное, считаем необходимым отметить, что проблема защиты территориальной целостности и неприкосновенности Российского государства в ситуации использования ее территории в ущерб территориальной целостности иностранных государств и в ситуации использования ее территории без согласия самой России, имеет две стороны. С одной стороны – это проблема криминологической обоснованности соответствующих уголовно-правовых норм, четкости формулировок диспозиций и адекватности санкций общественной опасности деяний. С другой стороны – это проблема непосредственной реализации уголовной ответственности, связанная в первую очередь с определением пределов действия уголовного закона Российской Федерации в пространстве и по кругу лиц. Считая, что эти проблемы носят самостоятельный характер и их всестороннее освещение в рамках настоящей работы практически невозможно,⁴⁹ мы ограничим в дальнейшем предмет научного поиска

⁴⁹Изучению поставленных проблем посвящены работы: 1) Жевлаков Э. Н. Экологические преступления и экологическая преступность. М., 1996; Дубовик О. Л. Экологические преступления: комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 1998; Лопашенко Н. А. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 УК РФ. СПб., 2002 и др.; 2) Тилле А. А. Время, пространство, закон. Действие советского закона во времени и пространстве. М., 1965; Шаргородский М. Д. Уголовный закон. М., 1948; Бойцов А. И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб., 1995; Медведев А. М. Пределы

исключительно нормами о тех преступлениях, где территориальная целостность и неприкосновенность российского государства выступают в качестве основного или дополнительного объекта посягательства.

Анализируемые преступления в структуре современной российской преступности представлены крайне неравномерно (см. приложение 1, 2). Располагая статистическими данными о динамике каждого из перечисленных преступлений и числе лиц, выявленных за их совершение, невозможно в должной степени охарактеризовать рассматриваемый сегмент преступности, поскольку они не отражают данных о целях, правовом статусе субъектов и месте наступления последствий совершенных преступлений. Тем не менее, общая тенденция роста рассматриваемых преступлений, безусловно, имеет место. Кроме того, следует иметь в виду, что часть данных преступлений имеет столь чрезвычайную общественную опасность, угрожая миру, безопасности человечества и безопасности Российского государства, что рассуждать об актуальности их научной разработки, исходя из количественных данных о фактах их совершения, ненаучно. Следует помнить, что одной из функций уголовного законодательства является функция предупреждения преступлений, одним из средств реализации которой выступает криминализация наиболее опасных для личности, общества и государства деяний. Обеспечение качества реализации этой функции предполагает и разработку теоретической модели составов преступлений и алгоритма их квалификации.

§ 2. Эволюция отечественного уголовного законодательства об обеспечении территориальной целостности и неприкосновенности государства

Обеспечение территориальной целостности и неприкосновенности государства является наиважнейшей задачей на любом этапе его исторического развития. Ее решение во многом зависит от уровня развития

экономической, политической, правовой систем, уровня национального самосознания, международной обстановки и развития международных отношений. Принимая во внимание внутри- и внешнеполитический, внутри- и международно-правовой аспект рассматриваемой проблематики, для оптимального решения поставленных в исследовании задач имеет смысл выделить два направления научного поиска: во-первых, эволюция российского законодательства (в первую очередь, уголовного) об обеспечении целостности и неприкосновенности территории страны; и, во-вторых, развитие международного законодательства о гарантиях неприкосновенности государственной территории и ответственности за ее нарушение. При этом методологические требования исследования историко-правовых проблем уголовно-правового обеспечения территориального единства и целостности России состоят в необходимости обращения не только к сугубо правовым источникам, но и источникам по политической и социальной истории государства и международных отношений. Исследование историко-правовых аспектов темы представляется необходимым и оправданным, поскольку «история всегда современна и злободневна. Каким бы отдаленным отрезком времени она не занималась, через него она видит путь к сегодняшнему дню, а через сегодняшний день – в будущее».⁵⁰

В истории России с определенной цикличностью сменяли друг друга этапы территориального единения и раздробленности государства. Каждый из указанных периодов отличается границами государства, решением вопроса о форме его государственного устройства, правовыми источниками и уровнем развития правовой и политической систем.

Не вдаваясь в подробности возникновения первых государственных образований на территории России, отметим, что к X веку здесь существовало одно из крупнейших государств средневековой Европы – Киевская Русь во главе с великим князем. Явившись результатом объединения племен и племенных союзов, Киевская Русь изначально

⁵⁰Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981. С. 272.

вынуждена была решать проблему единения государства и преодоления сепаратизма местных властей, особенно важную, учитывая геополитическое положение древнерусского государства.

На первых порах существования государственной власти задача обеспечения территориальной целостности и неприкосновенности государства была сродни задаче его собственного укрепления и развития. А поскольку сама власть была еще достаточно слаба, меры, принимаемые государством для укрепления своей целостности, зачастую носили характер либо войн (особенно в плане обеспечения внешней безопасности и неприкосновенности территории), либо уступок традициям родоплеменного строя и обычаям (преимущественно во внутренней политике).

Война, будучи «нормальным» явлением древней (впрочем, как и средневековой, и новой) истории во многом способствовала расширению территории русского государства и укреплению безопасности его границ. В тоже время следует заметить, что политико-правовая мысль Древней Руси осуждала и не приветствовала войну как способ решения государственных проблем. В одном из первых политических сочинений на Руси – «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона – автор на основе выводимой им идеи равенства всех христианских народов утверждает, что ни один народ не может быть «обидим» от другого. «Превознесение одного народа в ущерб другому рождает только зависть, злобу, чувства, не совместимые с моральными идеалами христианства. Идея универсальности учения и равноправия людей, его воспринимающих, провозглашается им как осуждение идеи избранничества и национальной ограниченности».⁵¹ Обеспечение мира и проведение всевозможных мероприятий по предотвращению войн – одна из основных задач правителя, по Иллариону. Аналогичные идеи высказывались и самими правителями, в частности Владимиром Мономахом в его «Поучении к детям», «Письме двоюродному брату Олегу Черниговскому». Мономах считал, что нет таких споров,

⁵¹Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985. С. 15.

которые нельзя было бы решить «добром». «Пусть недовольные князья, утверждал он, напишут грамоту с правдой, и спор будет решен мирно, без пролития крови, а с теми, кто хочет войны, ему не по дороге, ибо он не хочет видеть ни погубленных христианских душ, ни сел горящих».⁵² В тоже время миролюбие славянских народов и правителей не мешало им вести весьма кровопролитные войны, отстаивая свои внешнеэкономические и политические интересы.

В области внутренней политики применение силы также имело место в процессе укрепления и расширения единого государства. Однако иной раз политическое благоразумие заставляло руководство страны идти на уступки местному населению ради сохранения единства страны. Примером уступок со стороны княжеской власти местному населению может служить законодательная деятельность Ярослава и его сыновей. Так, после известных событий, развернувшихся в Новгороде в 1015 году, Ярослав составляет один из первых кодифицированных актов Древней Руси – Правду Ярослава, суть которой состояла в том, чтобы путем выдачи определенных правовых гарантий Новгороду, предохраняющих новгородцев от насилий, творившихся дружиной, обеспечить поддержку Новгорода в предстоящей борьбе за Киев и великокняжеский престол.⁵³

Как видим, деятельность великокняжеской власти на Руси в IX – XI веках состояла преимущественно в укреплении позиций самого государства: формировании его территории и юрисдикции (в отношении понимания последней большую роль играют Договоры Руси с Византией 911 и 944 годов). На этом этапе в силу объективных причин не были выработаны специальные уголовно-правовые нормы о защите территориального верховенства государства, происходило лишь формирование его территории и укрепление власти. Как справедливо заметил В. А. Рогов «правовая

⁵²Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985. С. 21.

⁵³Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. С. 98.

регламентация антигосударственной преступности происходит уже в эпоху развитой государственности».⁵⁴

К XII веку развитие древнерусского государства приводит к тому, что представители династии, получавшие от великого князя отдельные области государства в управление, заметно усиливают свои позиции и постепенно превращают свои вассальные владения в «отчины». Политическая система Руси приобретает полицентричный характер при сохранении символического значения Киева, обладание которым было формальным признаком старейшинства среди русских князей. В период феодальной раздробленности (удельный период), на первый взгляд, не имеет смысла говорить о территориальном единстве русского государства. Однако, в историческом процессе XII – XIII веков действовали одновременно как центробежные, так и центростремительные силы. «Полной феодальной раздробленности не было. Дело в том, что экономические тенденции, ведшие к развитию отдельных княжеств в известном обособлении друг от друга, не совпадали с оказавшимися очень сильными идеологическими тенденциями, в конечном счете, также определявшимися экономически, но требовавшими сохранения государственного единства Руси, в первую очередь, в отношениях с внешним миром».⁵⁵ Идеология компенсировала шаткость деления русской земли на отчины. Поэтому сознание единства Руси не прерывалось ни в одно из последующих десятилетий и, напротив, резко обострялось в периоды внешних поражений Руси. Оригинальным с художественной точки зрения и значительным в политическом отношении выражением идеи единения всех русских земель служит «Слово о полку Игореве». Основная патриотическая идея Слова – идея единства земли русской, кровной связи всех ее частей, общности их интересов перед лицом внешней угрозы. Логика единства русской земли, пронизывающая «Слово о полку Игореве» должна была привести и привела к исторически оправданной идее единовластия и сильной

⁵⁴Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. М., 1995. С. 90.

⁵⁵Лихачев Д. С. К вопросу о политической позиции Владимира Мономаха. В сб.: Из истории феодальной России. Статьи и очерки. Л., 1978. С. 35.

княжеской власти, способной воссоздать территориальное единство и целостность русского государства. «С точки зрения национальной, - пишет М. Ф. Владимирский-Буданов, - вся Русская земля представлялась уже единым целым даже в глазах враждующих князей».⁵⁶

Идея национального единства стала идеологическим основанием объединения русских земель вокруг Москвы в XV веке. В процессе централизации происходило преобразование всей политической системы. На месте множества самостоятельных княжеств образуется единое государство; изменяется система сюзеренно-вассальных отношений (бывшие великие князья сами становятся вассалами московского великого князя); складывается сложная иерархия феодальных чинов; развивается всероссийский рынок.

В XV веке процесс собирания русских земель вокруг Москвы был фактически завершен: оформились границы государства, сформирован центральный аппарат управления, определены взаимоотношения центральной и местной властей, денежная система сосредотачивается в руках государства, устанавливаются единые торговые пошлины, унифицируется система налогообложения. Все эти факты требовали обновления законодательства, которое бы закрепило сложившийся уклад отношений и установило санкции за его нарушение. Такими актами стали Судебник, изданный в 1497 году и получивший название Судебника Ивана III, и Судебник 1550 года – Судебник Ивана Грозного.

Являясь комплексными источниками не только процессуальных, но и материальных уголовно-правовых предписаний, Судебники содержали в себе и ряд интересующих нас предписаний относительно защиты единства и целостности территории государства.

Именно в Судебниках впервые появляется понятие «крамолы», то есть антигосударственного деяния. Первоначально крамола выражалась главным образом в «отъездах» князей и бояр, пытавшихся сохранить свою самостоятельность. Но по мере укрепления великокняжеской власти крупные

⁵⁶Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 90.

бояре стали прибегать к прямой измене, заговорам, восстаниям и иным действиям, направленным против власти и жизни самого великого князя. Повышенная общественная опасность крамолы обусловила и то обстоятельство, что крамольник, покушавшийся на государственный строй или особу государя, наказывался даже за голый умысел.⁵⁷ Интересно отметить, что состав крамолы, означавшей раздор в правящих кругах, не мог быть инкриминирован представителям низших сословий, выступавших против господствующего класса. Для обозначения подобных действий использовалось понятие мятежа, которое «характеризовало массу и не чисто политических, но крайне опасных действий, способствующих развалу государства, влекущих нестабильность, побуждение к мятежу».⁵⁸

Наиболее распространенной формой антигосударственных преступлений, подрывающих его внешнюю безопасность, был тайный перевет, то есть разного рода сношения с врагами князя. Зародившись еще в XI веке, состав измены был существенно уточнен в XV веке в связи с так называемыми крестоцеловальными записями. В них давалось обязательство «никуда не отъехать», «служить князю, княгине и их детям», «в правду, безо всякие хитрости», «лиха не мыслити, ни думати, ни делати» и «о готовящемся на государя лихе известить».⁵⁹ Следовательно, измена князю, сношение с его врагами для ослабления русского государства стало одним из самых опасных государственных преступлений, которое каралось даже в случае обнаружения умысла. Измена могла быть выражена и в форме завладения государством, узурпации власти путем самозванства.

В целом же оценивая значение Судебников в деле охраны единства и целостности Российского государства, следует отметить, что они, являясь первыми кодифицированными актами централизованного государства, закрепили сложившуюся систему государственного управления, создали

⁵⁷ Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1986. С. 165.

⁵⁸ Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. М., 1995. С. 92.

⁵⁹ Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. М., 1995. С. 165 – 166.

централизованную систему суда, установили составы наиболее опасных государственных преступлений.

XV – XVII века - период укрупнения территории государства и разрастания государственного аппарата, характеризующийся тем, что «центральная власть все более отдалялась от подданных как географически, так и организационно – посредством создания между собой и обществом буфера в виде многоуровневой системы приказов».⁶⁰ Это приводит к тому, что преступления против государства уже не имеют такой непосредственной связи с преступлениями против личности князя, власть, управление, территория, суверенитет страны становятся самостоятельными и не менее важными объектами уголовно-правовой охраны.

Выразителем новых отношений, характерных для развитого централизованного государства, стало Соборное Уложение 1649 года (Уложение Алексея Михайловича), впервые осуществившее классификацию всех преступных деяний в зависимости от объекта посягательства.

Большое внимание в Уложении было уделено государственным преступлениям (Глава II). «Объективно Уложение впервые в истории русского законодательства дало систематическое определение государственных преступлений, придав им политический характер и установив процесс по ним. Вплоть до Воинских Артикулов Петра I глава II была единственным общим сводом законов по политическим преступлениям, не утратившим своего значения и в последующее время».⁶¹

Весьма подробно в Уложении был разработан состав государственной измены (ст. 2, 3, 4). Так, ст. 2 гласила: «Также будет кто при державе царьского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть, и для того своего злово умышленья начнет рать збирать, или кто царьского величества недруги учнет дружитца, и совестными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругом по

⁶⁰Чучаев А. И., Кизилов А. Ю. Уголовно-правовая охрана представителей власти в XI – XVII вв. // Государство и право. 2001. № 6. С. 94.

⁶¹Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии / Руков. авт. кол. А. Г. Маньков. Л., 1987. С. 145.

его ссылке Московским государством завладеть или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщется про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнить смертию». ⁶² В указанной статье, как видим, предусмотрено два средства завладения государством: сбор рати, то есть вооруженный мятеж, и дружба с недругами царя, причем ими могли быть не только внешние противники, но и внутренние претенденты на престол. «Инкриминируя преступнику стремление самому быть государем, законодатель не мыслил иного вида власти, кроме монархической, формой же осуществления такого замысла в соответствии с политическими событиями начала XVII века могло быть самозванство или узурпация власти кем-либо из представителей боярских верхов». ⁶³

На охрану единства и целостности государства были направлены и нормы, предусматривающие ответственность за частные виды измены – сдачу города врагу (ст. 3) и поджог города с целью сдачи его врагу (ст. 4).

Указанные преступления рассматривались как наиболее опасные деяния. Объективно они причиняли вред территориальной целостности российского государства, вносили смуту, способствовали развязыванию войн и вооруженных столкновений внутри страны.

Особое место в системе нормативного материала Уложения занимали нормы о скопе и заговоре (ст. 20, 21, 22). Так, ст. 21 устанавливала: «а кто учнет к царьскому величеству, или на его государевых бояр, и околничих, и думных, и ближних людей, и в городех и в полнех на воевод, и на приказных людей, или на кого ни буди приходити скопом и заговором, и учнут кого грабити или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то по тому же казнити смертию безо всякие пощады». ⁶⁴ Как видим, «субъектом» данного преступления является большая совокупность лиц, объединенных предварительным соглашением. Именно на эти исходные моменты и приходится центр тяжести рассматриваемого преступления, а не на

⁶²Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии / Руков. авт. кол. А. Г. Маньков. Л., 1987. С. 20.

⁶³Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии / Руков. авт. кол. А. Г. Маньков. Л., 1987. С. 147.

⁶⁴Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии / Руков. авт. кол. А. Г. Маньков. Л., 1987. С. 21.

стремление грабить и убивать. Но поскольку народные восстания, существовавшие в то время, зачастую сопровождалась грабежами и убийствами, законодатель предусмотрел их в качестве признаков состава преступления. В анализируемой норме обращает на себя внимание то обстоятельство, что согласно буквальному пониманию текста статьи, скоп и заговор был направлен не против государственного устройства и порядка, а против конкретных лиц: царя, бояр и др. С одной стороны, это свидетельствует о том, что Уложение брало под защиту не только особу царя, как монарха, но и весь государственный аппарат в целом, а с другой, что устойчивость короны стала ассоциироваться с государственной стабильностью, что характерно уже для начал самодержавия.

К указанным предписаниям Уложения примыкает и ст. 13 Главы XXII «Указ за какие вины кому чинить смертная казнь и за какие вины смертию не казнить, а чинить наказанье». В ней предусматривалась ответственность за призывы к смуте: «а которые воры чинят в людех и затевают на многих людей своим воровским умышлением затейные дела, и таких воров за такое воровство казнити смертию».⁶⁵ Статья носила превентивный характер и имела целью недопущения волнений в народе по политическим причинам.

Централизация государственного аппарата обусловила и появление в Уложении ряда иных преступлений, нарушающих основы единства государства. Защищая интересы власти и освещенный временем и традициями порядок службы, Уложение предусмотрело в ст. 11 самостоятельную ответственность за отъезд на службу к другому государю, не осложненный признаками, указанными в ст. 2 – 4. такой отъезд квалифицировался как измена и сопровождался конфискацией вотчин, поместий и имущества, но он не влек за собой применения смертной казни, более того, в случае возвращения изменника допускалось прощение его вины и возврат вотчин по воле государя.

⁶⁵Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии / Руков. авт. кол. А. Г. Маньков. Л., 1987. С. 130.

Как было отмечено ранее, Соборное Уложение оставалось практически единственным источником норм светского уголовного права вплоть до Артикулов Петра I. Артикулы не замени собой Уложение, а действовали параллельно с ним. И хотя Артикулы официально и не распространялись на все суды и были предназначены для применения в судах военных, их значение для общей судебной практике чрезвычайно велико, поскольку они не только служили образцом понимания закона, но и непосредственно находили применение в гражданских судах.

Эпоха Петра знаменует собой качественно новый этап в истории России, характеризующийся утверждением ее как империи. Применительно к предмету исследования это нашло выражение в пристальном внимании Петра к проблемам регламентации государственных преступлений. Поскольку Уложение 1649 года недостаточно полно и точно определяло составы государственных преступлений, границы формулы «государево слово и дело», ее официальное толкование было дано в специальном Указе Сената в январе 1714 года. В нем говорилось: «кто напишет или словесно скажет за собой государево слово или дело, и тем людям велено писать и сказывать в таких делах, которые касаются о здравии царского величества или высокомонаршей чести или ведают бунт или измену».⁶⁶ Таким образом, посягательства на жизнь и здоровье монарха, а также бунт и измена стали признаваться исключительной важности государственными преступлениями.

Свое развитие указанная группа посягательств обнаруживает в Артикулах воинских 1715 года, где государственные (политические) преступления были сосредоточены в 3, 16, 17 главах.

Артикул 19 определял состав государственный измены: «есть ли кто подданный войско вооружит или оружие предпримет против его величества, или умышлять будет помянутое величество полонить или убить, или учинит ему какое насилство, тогда имеют тот и все оные, которые в том вспомогали, или совет свой подавали, яко оскорбители величества, четвертованы быть, и

⁶⁶Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 314.

их пожитки забраны». Артикул говорит о государственной измене, уравнивая ответственность за вооруженное выступление против царя и за преступные действия, направленные непосредственно против монарха. Различая главных виновников и соучастников, он, тем не менее, предписывает для всех них одинаковое наказание. Такое же наказание следовало и за голый умысел на государственную измену, согласно толкованию к артикулу: «такое же равное наказание чинится над тем, котораго преступление хотя и к действию не произведено, но токмо его воля и хотение к тому было, и над оным, который о том сведом был и не известил».⁶⁷

Охране целостности государственной власти и территории были посвящены и положения главы 17 «О возмущении, бунте и драке» (хотя нарушение территориальной целостности и неприкосновенности государства не объявлялось в качестве признака соответствующих составов преступлений). В ней особое значение имел артикул 137 и толкование к нему. Согласно закону «всякий бунт, возмущение или упрямство, без всякой милости имеет быть виселецею наказано. Толкование: в возмущении надлежит виновных на месте и в деле самом наказать и умертвить. А особливо, ежели опасность в медлении есть, дабы чрез то другим страх подать, и оных от таких непристойностей удержать (пока не расширитца) и более б не умножилось».⁶⁸ Являясь преемницей норм Уложения о скопе и заговоре, данная норма имеет и некоторые специфические особенности. В частности, имея целью локализацию и устранение бунтовщических выступлений, закон допускает не только применение смертной казни, но и непосредственные репрессии без суда и следствия – «виновных на месте и в деле самом наказать и умертвить». Наряду с запретом самого бунта, артикул 135 устанавливал ответственность за призывы к нему: «никто б ниже словом, или делом, или писмами, сам собою, или чрез других, к бунту и возмущению, или иное что учинить, притчины не давал, из чего бы мог бунт произойти.

⁶⁷Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 331.

⁶⁸Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 352.

Ежели кто против сего поступит, оный по розыску дела, живота лишитца, или на теле наказан будет».

В рамках Главы 16 «О измене и переписке с неприятелем» также формировался ряд составов преступлений, направленных в том числе и против территориальной целостности государства – государственная измена, выражающаяся в содействии неприятелю и разглашении государственной тайны (арт. 124), в сообщении пароля или лозунга неприятелю, о подаче последнему знака (арт. 125).

Положения Соборного Уложения и Уставов Петра I оставались источниками российского уголовного права вплоть до середины XIX столетия, когда значительные кодификационные работы привели к созданию Свода законов 1832 года, а затем и к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.

В Уложении 1845 года⁶⁹ и в последующем Уголовном Уложении 1903 года⁷⁰ нормы о защите территориальной целостности и неприкосновенности России получили наибольшее развитие. Законы отдельно выделили группу государственных преступлений, имеющих своим объектом «самое существование государства, ненарушимость его бытия, целости, независимости».⁷¹ Детальная проработка составов данных преступлений в законе и в научных трудах обусловлена активизацией антиправительственных выступлений в России в конце XIX – начале XX века, причем как в национальных окраинах, так и в центральных губерниях.

Так, Глава 3 Уложения 1903 года «О бунте против Верховной Власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов императорского Дома» содержала ст. 100, согласно которой «виновный в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленных Законами Основными образа правления или порядка

⁶⁹Здесь и далее ссылки на источник приводятся по изданию: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. СПб., 1845.

⁷⁰Здесь и далее ссылки на источник приводятся по изданию: Уголовное Уложение 22 марта 1903 года. Издано Н. С. Таганцевым. СПб., 1904.

⁷¹Малянтович П. Н., Муравьев Н. К. Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. СПб., 1910. С. 123.

наследия Престола или на отторжение от России какой-либо ее части» наказывался смертной казнью. Эта норма дополнялась положениями о наказуемости приготовления к бунту (ст. 101) и о запрете на участие в сообществе, организовавшемся для совершения бунта (ст. 102), причем в ст. 102 содержалась и часть третья, устанавливавшая ответственность за «подговор к составлению сообщества».

Важнейшей особенностью законодательного материала этого времени стало четкое обособление посягательств на территориальную целостность государства изнутри от различного рода государственных измен. Обосновывая это решение, Н. С. Таганцев писал: «отделение какой-либо области является посягательством на внутренний быт государства, на одно из существенных условий государственной организации – целостность государственной территории, и только разве в весьма немногих случаях попытка такового отделения может оказаться особым видом оказания услуги иноземным врагам государства; поэтому деяние этого рода отнесены к мятежу, а не к измене».⁷²

Комментируя эти нормы, Н. С. Таганцев также указывал, что для квалификации упомянутых преступлений безразлично, будет ли отторгнутая часть территории присоединена к какому-либо иностранному государству или будет сделана попытка создать в отторгнутой части самостоятельное политическое целое.⁷³ Им же обращено внимание на содержание термина «посягательство» в составе бунта, которым охватывались «как довершенное, так и недовершенное злодеяние».⁷⁴ В итоге, нетрудно заметить, что в ст. 100 – 102 Уложения законодатель криминализировал подстрекательство к приготовлению, приготовление, покушение к бунту и собственно бунт, состав которого был сформулирован по типу формального.

Само по себе изменение системы правления в России преступлением не считалось. Основным признаком, определяющим преступность мятежа, и

⁷²См.: Уголовное Уложение 22 марта 1903 года. Издано Н. С. Таганцевым. СПб., 1904. С. 187.

⁷³См.: Уголовное Уложение 22 марта 1903 года. Издано Н. С. Таганцевым. СПб., 1904. С. 187.

⁷⁴См.: Уголовное Уложение 22 марта 1903 года. Издано Н. С. Таганцевым. СПб., 1904. С. 188.

отличающим его от реформ, был насильственный характер изменений. Комментаторы закона справедливо указывали на возможность изменений существующего строя «сверху» и «снизу». «По общему правилу насилие предполагается физическое, и без такового физического насилия, так называемая «революция снизу», от управляемых, едва ли может быть осуществлена. Но как скоро речь заходит о революции сверху, от управляющих, тогда вполне мыслимо осуществление ее путем морального давления, так как политические власти и учреждения смогут действовать однако силою их служебного положения. В подобном случае условию насильственности переворота вполне будет соответствовать идея злоупотребления властью».⁷⁵ Таким образом, по субъекту преступления и характеру насилия проводилось весьма четкое отграничение насильственного бунта, направленного на изменение существующего государственного строя, от превышения власти и злоупотребления властью, также направленными на изменение строя.

Весьма подробно в уголовно-правовой науке и практике разрабатывались понятие и признаки преступных сообществ, поскольку в них видели движущую силу различного рода политических выступлений. Они определялись как «длящееся и организованное соучастие нескольких лиц в достижении общественно-политической цели преступными средствами».⁷⁶ В качестве признаков сообщества рассматривались: наличие нескольких лиц; периодичность собраний, спаянность воли всех участников, формирование на этой основе коллективной воли; наличие умысла на изменение существующего строя, изменение порядка наследования Престола или отторжение какой-либо части территории России за счет совершения таких преступлений как бунт. Уложение четко отличало «политическое» преступное сообщество от шайки – организованной группы для совершения общеуголовных преступлений; отличие это выступало в первую очередь в

⁷⁵Малянтович П. Н., Муравьев Н. К. Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. СПб., 1910. С. 129 – 130.

⁷⁶Малянтович П. Н., Муравьев Н. К. Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. СПб., 1910. С. 150.

том, что для шайки преступление было конечной целью формирования, а для сообщества – лишь средством достижения общественно-политической цели. Таким образом, в Уложении достаточно четко были заложены основы современного социологического понимания терроризма и террористической организации.

Охране территориальной целостности и безопасности государства были посвящены и традиционные нормы о государственной измене. Согласно ст. 108 Уложения 1903 года «российский подданный, виновный в способствовании или благоприятствовании неприятелю в его враждебных против России действиях», наказывался каторгой. Уложение 1903 года, как и Уложение 1845 знало несколько разновидностей государственной измены: измена вообще, военная измена и измена дипломатическая.⁷⁷

Единство и целостность территории государства защищались и положениями главы V Уголовного Уложения «О смуте». Так ст. 121 устанавливала ответственность за «участие в публичном скопище, заведомо собравшимся с целью выразить неуважение к Верховной Власти или порицание установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола, или заявить сочувствие бунту или измене или лицу, учинившему бунтовщическое или изменническое деяние, или учению, стремящемуся к насильственному разрушению существующего в государстве общественного строя, или последователю такого учения». В ст. 123 предусматривались квалифицирующие признаки этого деяния: сопряженность его с насильственным сопротивлением властям; с захватом склада оружия, железных дорог, монетного двора; с освобождением арестантов; с использованием взрывных устройств. В отличие от сообществ скопище не предполагало заранее подготовленной деятельности всех его участников и являло собой случайное, непредвиденное скопление людей, соединение их в общем действии, направленном против существующей

⁷⁷Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 332.

власти. В рассматриваемой норме мы обнаруживаем аналог современного запрета массовых беспорядков, совершенных с политическими целями.

Указанные государственные преступления, подрывающие основы государственного порядка, расшатывающие устои власти, привносящие смуту в народ, были составлены законодателем достаточно точно и грамотно. Они в полной мере отвечали политической ситуации (хотя иногда и грешили несоблюдением некоторых уголовно-правовых принципов). Спецификой государственных преступлений являлась возможность назначения в качестве наказания за них наряду с казнью, такого вида наказания как конфискация всего имущества в доход государства. Как справедливо отметил А. Лохвицкий, конфискация выполняла важную восстановительную функцию, особенно в ситуациях, когда государство конфисковывало земли политически неблагонадежных землевладельцев в пограничных губерниях с целью сохранения единства и целостности территории государства.⁷⁸

Нормы уголовного законодательства о защите единства России дополнялись положениями предупредительного законодательства. В частности, Устав предупреждения и пресечения преступлений (Т. XIV Свода Законов Российской империи) предусматривал в качестве приложения Положение о мерах к охране государственного порядка и спокойствия. Ст. 4 этого Положения гласила, что «в тех случаях, когда проявления преступной деятельности лиц, злоумышляющих против государственного порядка и общественной безопасности, принимают в отдельных местностях столь угрожающий характер, что вызывают необходимость особых мероприятий, направленных к прекращению сих проявлений, местности эти объявляются в исключительном положении»⁷⁹. Это влекло за собой расширение круга обязанностей и пределов власти существующих административных установлений, а равно усиление ответственности частных и должностных лиц за неисполнение гражданских обязанностей.

⁷⁸Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 345.

⁷⁹Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. Т. 14.

Несмотря на то, что к XIX веку понятие государственной территории было окончательно определено и оформлена большая часть границ России с иностранными государствами,⁸⁰ Уложение 1845 года уделяло недостаточное внимание вопросу ответственности за незаконное пересечение и противоправное изменение границы. Объяснения этого факта очевидно. Существование крепостного права и паспортной системы существенным образом затрудняло передвижение российских подданных не только за границу, но и в пределах империи, в связи с чем вопрос о незаконном пересечении границ практически не возникал. Законодателя в большей степени беспокоила проблема перехода российских подданных в подданство других государств, поступление российских подданных на службу в иностранные государства, отказ возвратиться из-за границы; ответственности за эти действия были посвящены ст. 354 – 357 Уложения, составлявшие главу VII «О недозволенном оставлении отечества» Раздела IV «О преступлениях и проступках против порядка управления». Что касается изменения границы, то в период господства теории естественных границ, когда само их обозначение определялось естественными, природными, физическими преградами, их изменение было ни теоретически, ни практически не осуществимо.

Тем не менее, отдельные положения о нарушении пограничных правил Уложение все-таки содержало. В частности, ст. 1182 предусматривала ответственность в виде немедленной высылки за границу иностранцев, прибывших в Россию «для поселения на землях казенных или частных, которые вопреки существующим постановлениям, не будут иметь надлежащих кордонных свидетельств». Кроме того, в казуистичной манере Уложение устанавливало ответственность: евреев «за отлучку без узаконенного дозволения» за границу в виде исключения из подданства России (ст. 1188); работников и извозчиков, за отъезд за границу с

⁸⁰Подробное описание границ с указанием ссылок на соответствующие международные документы см.: Россия: Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1898. Репринт. изд. Л., 1991. С. 1 – 5.

неисправными документами (ст. 1189); жителей Великого Княжества Финляндского за проезд в «другие области империи» без установленного паспорта (ст. 1191). Указанные положения дополнялись ст. 1180 из группы постановлений о бродяжничестве, согласно которой «те из евреев, которые сообразно с постановлением ст. 1188 сего Уложения, были навсегда исключены из подданства России ..., на основании трактатов будут переданы иностранными правительствами нашим пограничным начальствам, а равно иностранцы, которые после двукратной за границу, с воспрещением возвращаться в империю, высылки, будут снова задержаны в России, признаются бродягами».

Уложение 1903 года несколько изменило решение вопроса об ответственности за незаконное пересечение границы. В нем предусматривалось две статьи общего характера. В ст. 265 была установлена ответственность для тех лиц, которые будут подговаривать российских подданных к неразрешенному переселению в пределах России или за границу. А в ст. 270 было определено наказание за отлучку за границу без установленного вида. Причем, как указывал Н. С. Таганцев, «за нарушение правил о временном переходе и переходе за граничную черту в местах пограничных в законе не определено особого наказания. В Уложении оба эти случая включены в ст. 270».⁸¹

Как видим, относительно пересечения границы, российское государство (и в связи с этим, его с полным правом его можно назвать полицейским) в большей степени волновали вопросы реализации подданными права на свободу передвижения и выбора места жительства, нежели вопросы соблюдения порядка перехода через границу и обеспечения территориальной неприкосновенности государства.

В подобном виде система норм о защите территориальной целостности государства просуществовала до начала XX века. XX век в истории российского государства начался революционной перестройкой всего уклада

⁸¹См.: Уголовное Уложение 22 марта 1903 года. Издано Н. С. Таганцевым. СПб., 1904. С. 418.

общественной жизни и государственного порядка. Революция 1917 года кардинальным образом изменила представления о сущности государственной власти, статусе народов в составе России, статусе личности. Свержение самодержавия, провозглашение России республикой, ликвидация сословий, провозглашение равенства граждан перед законом, отделение церкви от государства, признание права наций на самоопределение, изменение территории государства, становление России как федеративного государства, необходимость вооруженной защиты завоеваний революции от внешних и внутренних угроз, сопровождавшееся пересмотром и отказом от законодательства периода империи обусловили принципиально новый подход отечественного законодателя к решению проблем обеспечения территориального единства и целостности государства.

Становление советского уголовного законодательства до принятия Уголовного Кодекса 1922 года знает целый ряд нормативных актов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Наиболее опасные «контрреволюционные» преступления впервые были сформулированы в постановлении Кассационного отдела ВЦИК РСФСР от 06. 10. 1918 г. «О подсудности революционных трибуналов» и в Положении о революционных военных трибуналах от 20. 11. 1920 г. К числу преступлений, угрожающих единству власти и целостности государства в них следует отнести: заговоры и восстания с целью ниспровержения советского социалистического строя, измену Советской республики, восстания против органов рабоче-крестьянского правительства и поставленных им властей, сопротивление проведению в жизнь требований законов Республики или постановлений и распоряжений советских властей, агитацию и провокацию, имеющие целью вызвать совершение массами или частями войск указанных выше деяний.⁸² Как видим, специальных предписаний относительно защиты именно территории государства создано не было. Это и понятно, поскольку формирующееся государство еще не имело четко

⁸²Собрание узаконений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР (далее – СУ). 1919. № 58. Ст. 549.

обозначенных территориальных пределов. Точнее пределы были (прежние границы Российской империи), но территория в этих пределах не сразу и не вся оказалась под властью новых органов власти. В силу этого после революции основная задача новой власти состояла не в том чтобы защитить территориальное верховенство (его попросту еще не было), а в том, чтобы это верховенство установить в прежних границах империи, с учетом начавшегося процесса ее распада в силу реализации народами официально предоставленного им права на самоопределение вплоть до отделения.

В более развернутом и совершенном виде система преступлений была зафиксирована в первом советском Уголовном Кодексе, который вступил в силу с 01. 07. 1922 г.⁸³

В нем впервые были даны понятия многих видов преступлений. Так, ст. 57 УК определяла понятие контрреволюционного преступления, признавая им «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче – Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабочее – Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. Контрреволюционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего деяние, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции».

К числу наиболее опасных преступлений, угрожающих целостности власти, территории и самому существованию молодого государства УК относил следующие деяния.

⁸³СУ. 1922. № 15. Ст. 153.

Высшая мера наказания предусматривалась в законе за организацию в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно за участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре или на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть ее территории, или расторгнуть заключенные ею соглашения (ст. 58). Такое же наказание следовало тому, кто совершал сношения с иностранными государствами или их представителями с целью склонения их к вооруженному вмешательству в дела республики, объявления ей войны или организации военной экспедиции, а равно для тех, кто способствовал иностранным государствам уже после объявления войны или посылки экспедиции (ст. 59).

УК РСФСР предусматривал ответственность и за участие в различного рода преступных политических организациях. Так, ст. 60 карала высшей мерой наказания участие в организации, действовавшей в целях совершения преступлений, обозначенных в ст. 57 – 59, а ст. 61 – участие в организации или содействие организации, действовавшей в направлении помощи международной буржуазии.

В УК 1922 года впервые была четко сформулирована норма об охране государственных границ. Статья 98 УК предусмотрела ответственность за выезд за границу или въезд в РСФСР без установленного паспорта или без разрешения подлежащих властей, который наказывался лишением свободы на срок до шести месяцев. Наказание существенно увеличивалось (лишение свободы на срок не ниже одного года со строгой изоляцией и с конфискацией всего или части имущества) в случае содействия переходу государственной границы без соответствующего разрешения, совершенного в виде промысла или должностными лицами. Это же деяние при отягчающих обстоятельствах могло влечь за собой применение высшей меры наказания.

УК РСФСР просуществовал относительно недолго. В связи с образованием СССР, принятием Конституции СССР, отнесением определения основ уголовного законодательства к ведению Союза и принятием Основных

начал уголовного законодательства СССР и союзных республик, потребовалось отразить произошедшие изменения в национальном уголовном законодательстве. Воплощены они были в УК РСФСР, принятом в 1926 году.

УК РСФСР 1926 года во многом повторял положения своего предшественника. Однако уже в начале 1927 года он подвергся серьезным изменениям в части установления ответственности за государственные преступления, в связи с принятием 25. 02. 1927 г. на 3-й сессии ЦИК СССР Положения о преступлениях государственных, которое было включено в Кодекс в качестве первой главы его Особенной части. На основе нового определения понятия контрреволюционного преступления (им признавалось всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции; а в силу международной солидарности трудящихся такие же действия признавались контрреволюционными и тогда, когда они были направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР (ст. 58¹ УК РСФСР)⁸⁴ законодателем были сформулированы новые и уточнены известные составы преступлений, создающих опасность развала государства.

Так, ст. 58² устанавливала ответственность в виде высшей меры социальной защиты за вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и в, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР

⁸⁴Здесь и далее ссылки на закон приводятся по источнику: УК РСФСР. Официальный текст с изменениями на 15 января 1956 г и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1956.

с иностранными государствами договоры. В отдельной статье предусматривалась ответственность за склонение иностранного государства к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза или иным неприязненным действиям против государства (ст. 58⁵).

Наряду с этими специальными составами, направленными на защиту единства государства (его территории, власти и идеологии), Кодекс предусматривал целый ряд иных общих составов традиционных контрреволюционных государственных преступлений (шпионаж, измена Родине, совершение террористических актов, массовые беспорядки), совершение которых объективно могло способствовать развалу государства.

Кодекс 1926 года несколько больше внимания, чем предшественник, уделил охране государственных границ. В разделе о преступлениях против порядка управления Кодекс предусмотрел две главы: об особо опасных для Союза ССР преступлениях против порядка управления и об иных преступлениях против порядка управления. К первой группе относилось предусмотренное ст. 59^{3д} нарушение правил о международных полетах (влет в Союз ССР и вылет из Союза ССР без разрешения, несоблюдение указанных в разрешении маршрутов, мест посадки, воздушных ворот, высоты полетов и т. п.) при отсутствии признаков измены родине или иных контрреволюционных преступлений. Ко второй группе Кодекс отнес выезд за границу или въезд в Союз ССР без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей (ст. 84). При этом данная норма сопровождалась важным примечанием, согласно которому «действие настоящей статьи не распространяется на случаи прибытия в Союз ССР без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей для использования предоставляемого ст. 12 Конституции РСФСР права убежища иностранцев, преследуемых за политическую деятельность или религиозные убеждения».

Кодекс 1926 года просуществовал достаточно долго, вплоть до реформы уголовного законодательства в середине прошлого столетия и подвергался многочисленным изменениям и дополнениям. Применительно к

предмету исследования важную роль в истории уголовного законодательства сыграл Закон «О защите мира», принятый Верховным Советом СССР 12. 03. 1951 г., в котором указывалось: «считать, что пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, подрывает дело мира, создает угрозу новой войны и является ввиду этого тягчайшим преступлением против человечества. Лиц, виновных в пропаганде войны, предавать суду и судить как тяжких уголовных преступников».

На традиционной для советского государства идеологической основе был принят в октябре 1960 г. Верховным Советом РСФСР УК РСФСР, заменивший собой кодекс 1926 г. В плане решения задач по обеспечению единства государства этот закон воспринял традиции своего предшественника. Вместе с тем, он имел существенные отличия в части установления принципиальных начал реализации уголовной ответственности, установления системы наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия. Этот кодекс был менее политизирован, в большей степени соответствовал целям уголовно-правовой политики и правилам законодательной техники.

Кодекс РСФСР 1960 года создавался на основе УК РСФСР 1926 года, а также с учетом общесоюзных уголовных законов, в первую очередь, Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года и Закона об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 года ⁸⁵(последний без изменений вошел в УК РСФСР 1960 года).

Закон об ответственности за государственные преступления заменил известное ранее понятие контрреволюционного преступления на понятие особо опасного государственного преступления, что объяснялось изменением социальной природы данных деяний. Однако содержание данного понятия непосредственно в законе не раскрывалось. В литературе же особо опасные государственные преступления определялись как «общественно опасные действия или бездействия, совершенные субъектами с прямым умыслом,

⁸⁵Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 8.

которые предусмотрены уголовным законом и направлены на подрыв или ослабление советского общественного и государственного строя».⁸⁶

К числу преступлений, представляющих опасность для территориального единства и целостности государства, последний советский уголовный закон относил следующие деяния.

На первое место в структуре кодекса была поставлена глава об особо опасных государственных преступлениях. Среди них единству РСФСР и СССР угрожала в первую очередь, государственная измена (ст. 64), которая определялась (в первоначальной редакции) как деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР и выразившееся в переходе на сторону врага, шпионаже, выдаче государственной или военной тайны иностранному государству, бегстве за границу или отказе возвратиться из-за границы в СССР, оказании иностранному государству помощи в поведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговоре с целью захвата власти. Дальнейшая история этой уголовно-правовой нормы связана с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30. 01. 1984 г., а также с Постановлением Конституционного Суда РФ, который в 1995 г. признал, что положение ст. 64 УК РСФСР о признании в качестве одной из форм измены Родине бегства за границу или отказа возвратиться из-за границы противоречит Конституции Российской Федерации.⁸⁷ В итоге, к началу проведения последней уголовно-правовой реформы соответствующая норма УК РСФСР предусматривала ответственность за «деяние, умышленно совершенное гражданином СССР (читай – РФ) в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, оказание иностранному государству помощи в

⁸⁶Клягин В. С. Ответственность за особо опасные государственные преступления. Минск, 1973. С. 42.

⁸⁷Собрание законодательства РФ. 1996. №1. Ст. 54

проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти».

Рассматриваемая норма защищала территориальное единство государства, в первую очередь, от всевозможных проявлений внешней преступной деятельности, в тоже время эклектичное включение в ее содержание такого признака как заговор с целью захвата власти позволяет утверждать, что она выполняла важную функцию защиты территориального единства от попыток его внутреннего изменения.

Важным дополнением рассматриваемой нормы служила статья об ответственности за антигосударственную пропагандистскую деятельность. Так, ст. 70 УК определяла ответственность за публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя или захвату власти, а равно массовое распространение материалов, содержащих такие призывы. Квалифицированными видами данного преступления закон признавал совершение его повторно либо организованной группой лиц, а особо квалифицированными – совершение указанных действий по заданию иностранных организаций или их представителей. Указанная норма получила такую редакцию после ее многочисленных изменений в конце 80 – начале 90 – х годов (до этого она предусматривала ответственность за антисоветскую пропаганду). Трансформации нормы способствовал и Закон СССР «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории союза ССР» от 02. 04. 1990 года, в котором говорилось о необходимости установить уголовную ответственность за публичные призывы к насильственному нарушению единства территории Союза ССР, союзных и автономных республик, автономных областей и округов, изложив статью 7 Закона СССР от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления» в следующей редакции: «Публичные призывы к насильственным свержению или изменению советского государственного и общественного строя или к насильственному нарушению закрепленного

Конституцией СССР единства территории Союза ССР, союзных и автономных республик, автономных областей и округов, а также распространение с этой целью материалов такого содержания – наказываются ...» Квалифицированными видами данного преступления Закон считал совершение его повторно или организованной группой лиц, а особо квалифицированным - совершение его по заданию иностранных организаций или их представителей.

Наряду с призывами, уголовный закон традиционно криминализировал действия, связанные с организационной подготовкой совершения преступлений, направленных против государства. В частности, ст. 72 УК устанавливала ответственность за организационную деятельность, направленную к подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений, созданию организации, имеющей целью совершить такие преступления, а равно за участие в антисоветской организации.

Закон о государственных преступлениях 1958 года внес коррективы и в понимание преступлений против порядка управления. Те преступления, которые Кодексом 1926 года были отнесены к группе особо опасных для Союза ССР преступлений против порядка управления, Кодекс 1960 года (вслед за Законом 1958 г.) рассматривал в качестве «иных государственных преступлений». Таким образом, объект такого преступления, как нарушение правил международных полетов (ст. 84), был существенным образом изменен, что повлекло за собой и усиление санкции в данном составе преступления до 10 лет лишения свободы с конфискацией воздушного судно или без такового.

Осознавая важность охраны государственных границ, законодатель неоднократно дополнял главу об иных государственных преступлениях двумя статьями, особенно в 1995 году в связи с предшествующим принятием Закона «О государственной границе». Так, в ст. 83 УК РСФСР была установлена

ответственность за нарушение режима Государственной границы РФ. Большая по объему статья включала несколько составов преступлений:

1) умышленное пересечение Государственной границы РФ без действительных документов на право въезда в РФ или из РФ, которое квалифицировалось такими признаками, как повторность; совершение деяния группой лиц по предварительному сговору; совершение деяния с применением оружия или угрозой применения оружия;

2) умышленное пересечение Государственной границы РФ с действительными документами на право въезда в РФ или выезда из РФ, но не в установленном месте либо минуя пограничный контроль;

3) умышленное нарушение установленных правил: следования лиц и транспортных средств от Государственной границы РФ до пунктов пропуска через Государственную границу и в обратном направлении; транзитного пролета воздушных судов через воздушное пространство РФ; плавания иностранных невоенных судов и военных кораблей при мирном прохождении через территориальные воды РФ без цели захода во внутренние воды РФ; плавания иностранных невоенных судов в российской части пограничных рек, озер и иных водоемов, осуществляемого без цели захода в порты (на рейды) РФ, если это деяния повлекло или могло повлечь тяжкие последствия;

4) ведение на Государственной границе РФ либо вблизи нее на территории РФ хозяйственной, промысловой или иной деятельности осуществляемой в соответствии с международными договорами РФ и иными договоренностями с иностранными государствами, без надлежащего уведомления пограничных войск РФ, или в неустановленное время либо в неустановленном месте, или если эта деятельность повлекла либо могла повлечь за собой нанесение вреда здоровью людей, подрыв экологической и иной безопасности РФ, сопредельных с ней и других государств или другие тяжкие последствия.

В Кодекс была введена и ст. 83¹, предусматривавшая ответственность за незаконное изъятие, перемещение или уничтожение пограничных знаков,

которая усиливалась в ситуации совершения данных действий повторно или по предварительному сговору группой либо с применением технических средств и иных специальных приспособлений.

Особенностью советского законодательства рассматриваемого периода явилось то обстоятельство, что, несмотря на глубокую, по существу лучшую в мире, теоретическую разработку концепции международных преступлений и непосредственное участие ее авторов в составлении уставов Международного уголовного трибунала, на основании которых были осуждены главные военные преступники – германские в 1946 г. в Нюрнберге, японские в 1947 г. в Токио – в действовавшем до 1 января 1997 года уголовном законе уделялось явно недостаточное внимание.⁸⁸ В частности вплоть до последнего кодекса, агрессия как самое опасное международное преступление криминализована в стране не была.

В подобном виде система уголовно-правовых норм о защите территориальной целостности государства просуществовала вплоть до последней уголовно-правовой реформы середины 90 – х годов XX века. Анализируя законодательный материал и статистические данные о практике его применения, нельзя не отметить, что группа преступлений, представляющих опасность для целостности государства, несмотря на широкий размах политических репрессий, была крайне редко применяемой на практике. Согласно официальным данным о структуре судимости по объекту посягательства, доля осужденных за все государственные преступления постоянно сокращалась и составляла в 1986 г. – 0,3%, в 1992 г. – 0,1%, в 1996 г. – 0,2% (доля же государственных преступлений в структуре преступности составляет 0,5 – 1,1%, в свою очередь доля особо опасных государственных преступлений еще меньше – 0,001%⁸⁹). Учитывая, что указанные числа образуют все осужденные за преступления соответствующего вида, независимо от мотивов и конкретного вида

⁸⁸Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учебник для вузов / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 2002. С. 342.

⁸⁹Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 74.

совершенного преступления, вычислить долю лиц, осужденных за преступления, нарушающие территориальную целостность и неприкосновенность России, не представляется возможным. Однако, ясно, что она крайне незначительна. Такой вывод следует и из анализа статистических данных, приводимых юристами. В частности, В. В. Лунев указывает, что от общего числа лиц, осужденных за особо опасные государственные преступления, доля лиц, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду, составляла порядка 51%;⁹⁰ по данным С. В. Дьякова в структуре особо опасной государственной преступности доля антисоветской агитации и пропаганды и измены Родине в сумме составляла 96,4%.⁹¹ Таким образом, на долю иных преступлений, непосредственно затрагивающих проблемы территориальной целостности и неприкосновенности государства, остается крайне незначительная часть. Свидетельством активизации сепаратистской преступности могут быть лишь данные о межнациональной преступности, ставшей на повестку дня лишь с начала 90 – х годов. По состоянию на март 1991 года на территории СССР было зафиксировано 76 разгоревшихся территориально-этнических споров и еще 80 споров находилось в латентной стадии, около 7 млн. кв. км. – треть территории СССР – оставили земли, вовлеченные в территориальный передел.⁹²

Указанные данные позволяют сделать определенный вывод о том, что решение вопроса о сохранении территориального единства Российского государства стало социально-правовой проблемой лишь с начала демократических преобразований в государстве. Это становится вполне понятным, учитывая характеристики государственного и общественного строя советского государства. Тоталитарный режим, с присущими ему контролю за взглядами и убеждениями граждан, отсутствием демократических способов формирования органов власти, системой

⁹⁰Лунев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. М., 1999. С. 185.

⁹¹Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 78.

⁹²Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 360.

назначения на руководящие посты в государстве «проверенных и благонадежных» людей, отделением граждан от решения задач управления государством, отсутствием учета мнения национальных сообществ при проведении национальной политики, жестким политическим террором, политикой изоляционизма позволял весьма эффективно подавлять не только возможные попытки изменения власти или территории в государстве, но и саму мысль о них.

§ 3. Эволюция международно-правовых норм о защите территориальной целостности и неприкосновенности государств

История цивилизаций демонстрирует нам последовательное становление и развитие принципа неприкосновенности государственной территории и отказа от применения силы в решении внешнеполитических задач. При этом следует заметить, что принцип неприкосновенности территории возникает значительно раньше, чем принцип отказа от применения силы. Как указывают Л. А. Камаровский и В. А. Ульяницкий, принцип неделимости и неотчуждаемости территории устанавливается одновременно с централизацией государственной власти на рубеже нового времени и средних веков и служит одним из характерных свойств нового взгляда на государство, сменившего средневековый, отождествляющий территориальную государственную власть и право собственности монарха на территорию.⁹³

В России взгляд на правовой статус государственной территории изменяется уже в XIV веке. В 1396 году Московское и Тверское княжества в своем договоре отметили, что «отъезд» удельного князя к другой стороне не порождает оснований для притязания на территорию, которой пользовался этот князь. Тем самым было подчеркнуто, что в правовом отношении государственная территория обладает свойствами особого рода и как таковая не является частной собственностью лиц, живущих в пределах государства.⁹⁴

⁹³Камаровский Л. А., Ульяницкий В. А. Международное право. М., 1908. С. 59.

⁹⁴Развитие русского права в XV – первой половине XVII в./ Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1986. С. 269.

Кроме того, практика заключения договоров между русскими княжествами способствовала и выработке понимания территориального верховенства государства. В междукняжеских договорах XIV – XV веков «обеспечивалась в первую очередь, политическая независимость каждого отдельного, даже небольшого владения. Этот принцип выражался в формуле «тоби знати своя отчина, а мне знати своя отчина». В договорах оговаривалась неприкосновенность суверенных прав каждого князя над территорией своего княжества».⁹⁵

Территория русского государства на всем протяжении средневековой и новой истории значительно расширялась. Известно, что с 1462 года по конец XVI века территория России выросла с 430 тысяч до 5,4 миллионов квадратных километров, то есть более чем в 12,5 раз; в XVII веке рост продолжался и уже к середине века Российское государство стало крупнейшим в мире.⁹⁶ В начале XIX века считалось, что в результате войн предшествующего столетия Россия уже достигла своих естественных границ.⁹⁷

Рост территории и развитие паритетного международного сотрудничества Русского государства с иными государствами объективно способствовало утверждению понятия государственной территории как совокупности земной поверхности, рек, озер, прибрежной морской зоны. Заслугой русской правовой мысли XV – XVII веков следует признать разработку вопроса о составе государственной территории.⁹⁸

Внутригосударственное понимание единого статуса территории России сопровождалось развитием международных отношений и формированием представлений о государственном суверенитете.

⁹⁵История дипломатии. В 5 т. Т. 1 / Под ред. В. П. Потемкина. М., 1941. С. 130.

⁹⁶История России: Учебное пособие для вузов, а также колледжей, лицеев, гимназий и школ: В 2 т. Т. 1 / М. М. Горинов, А. А. Горский, А. А. Данилов (руководитель авт. колл.) и др. М., 1995. С. 90 – 91.

⁹⁷История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 30.

⁹⁸Считается, что именно русским принадлежит первенство в определении понятия и статуса территориальных вод. См.: Развитие русского права в XV – первой половине XVII в./ Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1986. С. 269.

В собственном смысле слова регулирование международных отношений возможно лишь в случае, если в эти отношения вступают юридически равные субъекты. Суверенное равенство государств есть равенство их прав и обязанностей, а потому борьба за него представляет собой борьбу за равные права и обязанности государств в их отношениях между собой. В этом плане борьба русских княжеств и русского централизованного государства против тех, кто стремился ограничить их свободу и независимость, имеет особое значение. Борьба эта протекла не только непосредственно на поле битвы, но и на дипломатическом поприще. «Важным средством обеспечения суверенного равенства в практике на Руси стала детальная регламентация ее обязательств со своими контрагентами, другими государствами. Устанавливая в договорах длинный перечень взаимных обязательств, русские княжества тем самым сужали сферу односторонних и произвольных решений и вместе с тем объективно содействовали утверждению идеи равенства в их отношениях друг с другом».⁹⁹

С XV века неприкосновенность территории стала рассматриваться в качестве общего правила международной жизни. Причем, требование это не носило декларативного характера. «Уже тогда признавалось, что нарушение неприкосновенности государственной территории не может быть основанием для изменения территориальной ситуации. Государство, овладевшее территорией соседа вследствие нарушения запрета о территориальной неприкосновенности, «воевавшее» территорию, обязано было ее «отдати».¹⁰⁰ Тем самым в международно-правовой практике утверждалась идея целостности и неделимости государственной территории. В XVII веке идея неприкосновенности государственной территории была закреплена в договорах со Швецией от 1617, 1658 и 1661 годов, и в более поздних договорах с Польско-Литовским государством. Однако в то время она не получила всеобщего признания, поэтому датировать ее рождение в качестве

⁹⁹Развитие русского права в XV – первой половине XVII в./ Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1986. С. 259.

¹⁰⁰Развитие русского права в XV – первой половине XVII в./ Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1986. С. 270.

закона международной жизни XVII века нельзя. Но начало новым взглядам на регулирование территориальных отношений было положено.

Сразу заметим, что этой идее нисколько не противоречила практика добровольного изменения территории государства, как за счет взаимных уступок территорий между государствами, так и принятием в состав территории государства народов, обращавшихся с предложением о принятии подданства (народы Кавказа, Украины, Башкирии, Удмуртии и др.). Именно отсюда черпает свое начало принцип самоопределения народов. И как видим, изначально его становление сопровождалось утверждением идеи неприкосновенности и нерушимости государственной территории.

В тоже время наиболее распространенным способом изменения состава территории на протяжении столетий оставались войны. Как отмечают историки, «для России XIII – XVII веков состояние мира было скорее исключением, а война – жестоким правилом».¹⁰¹ Нельзя не согласиться с И. Блунчли, который писал, что «обозревая всемирную историю, всякий убедится в том, что сила принимала значительное участие в образовании государств и нередко проявлялась в форме грубого насилия, которое предписывало свои законы с мечем в руке, устраивало международные отношения при громе пушек, в шуме битв».¹⁰² При этом старое международное право считало, что «война не уничтожает юридического порядка, а лишь временно приостанавливает его в известных, определенных границах и, следовательно, является, хотя насильственной, но тем не мене, юридическою формою сношения государств».¹⁰³ Право войны рассматривалось в качестве одного из неотъемлемых прав государства, выражающего идею его свободы и суверенитета. Заметим, что речь шла не о правилах ведения войны, а непосредственно о праве применения силы. Так, немецкий юрист-международник Гефтер писал: «Ни один общественный союз не может рассчитывать на вечный мир. Народы, подобно отдельным

¹⁰¹Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I: Монография. М., 1990. С. 9.

¹⁰²Блунчли И. О значении и успехах новейшего международного права (с приложением антропологических очерков учений о праве и государстве и биографического очерка автора). СПб., 1867. С. 13.

¹⁰³Камаровский Л. А., Ульяницкий В. А. Международное право. М., 1908. С. 170.

лицам, грешат как сами в себе, так и в своих взаимных отношениях. Средством искупления и нравственного обновления служит война... Вызывая духовное движение, война, несомненно, укрепляет силы, которые во время мира или глоснут или бесполезно растрачиваются».¹⁰⁴ При этом Прудон в одном из известных своих сочинений писал, что война является законной при наличии следующих обстоятельств: поглощение народа народом, государства государством; восстановление национальностей; несовместимость религий; достижение международного равновесия, разграничения государств.¹⁰⁵

Отказ от завоеваний как средства реализации внешней политики впервые нашел свое официальное закрепление только в конце XVIII века, во Французской Конституции 1791 года, где в частности было указано: «всякая война, предпринятая по другим мотивам и для другой цели, чем защита справедливого права, является актом угнетения, который всякому великому обществу надлежит подавлять, потому что вторжение в одно государство угрожает свободе и безопасности всех».¹⁰⁶

В России этот принцип получил легальное закрепление только в начале XX века, когда II Всероссийским Съездом Советов 08. 11 (26. 10) 1917 года был принят Декрет о мире. «Декрет стал манифестом советской внешней политики, документом огромного международного значения и в то же время представлял собой важнейшую национальную акцию для народов России».¹⁰⁷

Заслуга декрета применительно к рассматриваемому предмету исследования состояла в объявлении любых империалистических войн тягчайшим преступлением против человечества и в разработке понятия аннексии. В соответствии с декретом аннексией понималось: 1) присоединение к большому и сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания

¹⁰⁴Гефтер А. В. Европейское международное право. СПб., 1880. С. 6.

¹⁰⁵Прудон. Война и мир. Исследование о принципе и содержании международного права. Пер. с франц. Том 1, 2. М., 1864. С. 167 – 173.

¹⁰⁶См.: Вопросы государства и права во Французской буржуазной революции XVIII века. М., 1940. С. 175.

¹⁰⁷Трухановский В. Г., Шакиров Р. С. Декрет о мире: история и современность. М., 1987. С. 13.

этой народности; 2) насильственное удержание какой-либо нации в границах государства вопреки ее желанию.¹⁰⁸

Декрет имел не только внешнеполитическое, но и внутригосударственное значение. Развивая его идеи об аннексии и свободе наций, советское правительство России приняло Декларацию прав народов России (12 (2) ноября 1917 года), которая объявила о равенстве и суверенности народов России, об отмене всех национальных привилегий и ограничений, о праве народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.¹⁰⁹

Практическая реализация положений этих Декретов была выражена в признании независимости Финляндии, отмене договоров с Пруссией и Австрией о разделе Польши, отмене всех иных договоров царской дипломатии, направленных на захват чужих земель и подчинение других народов.¹¹⁰

Позиция советской власти о предоставлении всем народам права на самоопределение и непризнание территориальных приобретений, сделанных путем применения силы, отчетливо проявилась на переговорах с Германией в Брест-Литовске (1918 г.), поставивших для России точку в первой мировой войне. Условия российской делегации состояли из шести пунктов: 1) отказ от насильственного присоединения занятых в период войны территорий; 2) вывод войск с этих территорий; 3) восстановление политической самостоятельности народов, лишенных ее во время войны; 4) гарантии свободного определения государственной принадлежности или государственной самостоятельности всех национальных групп; 5) обеспечение прав национальных меньшинств на культурную и административную автономию; 6) решение колониальных проблем путем самоопределения.¹¹¹ Несмотря на то, что эти условия не были в итоге

¹⁰⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 14.

¹⁰⁹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 15.

¹¹⁰ См.: История международных отношений и внешней политики СССР. В 3 т. Т. 1. 1917 – 1945. М., 1986. С. 22 – 25.

¹¹¹ См.: История дипломатии. В 5 т. Т. 2 Дипломатия в новое время (1872 – 1919 г.г.) / Под ред. В. П. Потемкина. М., 1945. С. 320.

удовлетворены, сама их постановка уже имеет большое значение для формирования нового взгляда на национальную и государственную территорию.

Формирование территории советского государства, проходившее в условиях гражданской войны, иностранной интервенции, реализацией народами России предоставленного права на самоопределение, сопровождалась и активной работой по установлению ее новых границ. Правительство заключает ряд мирных договоров с Эстонией (02. 02. 1920 г.), Литвой (12. 07. 1920 г.), Латвией (11. 08. 1920 г.), Финляндией (14. 10. 1920 г.), Польшей (18. 03. 1921 г.), Турцией (16. 03. 1921 г.), Персией (26. 02. 1921 г.), Афганистаном (27. 02. 1921 г.),¹¹² которыми была определена граница территориального верховенства нового государства.

При этом тексты договоров содержали и весьма важные гарантии территориальной неприкосновенности соседних государств. Так, по договору с Турцией стороны брали на себя обязательство не допускать на своей территории организацией или групп, претендующих на роль правительства другой страны или части ее территории, групп, имеющих целью борьбу с правительством другой страны.¹¹³ В договоре с Персией было закреплено правило: «В случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществить на территории Персии захватную политику или превратить территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам РСФСР или союзных ей держав и если персидское правительство после предупреждения со стороны Российского советского правительства само не окажется в силе отворотить эту опасность, Российское советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры. По устранению данной опасности Российское советское

¹¹²См.: История международных отношений и внешней политики СССР. В 3 т. Т. 1. 1917 – 1945. М., 1986. С. 41, 42, 93, 97, 100.

¹¹³См.: История международных отношений и внешней политики СССР. В 3 т. Т. 1. 1917 – 1945. М., 1986. С. 93.

правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии». ¹¹⁴ Таким образом были подтверждены идеи суверенитета государства в пределах его территории и заложены основы понимания самообороны в международном праве.

В рассматриваемый период в международно-правовом пространстве закладываются основы еще одного принципа – принципа решения международно-правовых споров мирным путем и отказа от войны. Это связано, в первую очередь, с работой Парижской мирной конференции 1919 года и с созданием Лиги наций.

Парижская конференция весьма осторожно подошла к вопросу о запрете войны. В частности, Комиссией конференции по вопросам ответственности за военные преступления было выработано правило, по которому «акт, вызвавший войну, не должен служить основанием для обвинения того, кто его совершил, и не может быть предметом судебного рассмотрения», поскольку война не может рассматриваться как акт, прямо противоречащий международному праву, и поскольку оценку акта войны могут дать только историки и политики, но не трибунал.

В тоже время в Уставе Лиги наций содержались несколько более смелые предписания на этот счет. В частности члены Лиги обязывались уважать и охранять от нападения территориальную целостность и политическую независимость всех членов Лиги наций; они приняли обязательства не прибегать к войне до обращения к арбитражу или посредничеству Лиги наций или при наличии решения арбитража или Ассамблеи Лиги. ¹¹⁵ Как видим, война не была окончательно запрещена, но международным сообществом были выработаны правила относительно возможности ее начала (в отличие от существовавших на тот момент правил непосредственно ведения войны), кроме того, в соответствии с Уставом Лиги

¹¹⁴См.: История международных отношений и внешней политики СССР. В 3 т. Т. 1. 1917 – 1945. М., 1986. С. 98.

¹¹⁵История международных отношений и внешней политики СССР. В 3 т. Т. 1. 1917 – 1945. М., 1986. С. 69 – 70; Менжинский В. И. Неприменение силы в международных отношениях. М., 1976. С. 20.

наций государство, прибегнувшее к войне в обход установленных правил признавалось совершившим международный деликт.

Дальнейшее развитие идеи отказа от агрессивной войны связано с несколькими международными актами: проектом Договора о взаимной помощи, принятым третьим комитетом Лиги наций (1923 г.); Женевским протоколом о мирном разрешении международных споров (1924 г.); Декларацией о запрещении международной войны, принятой Лигой наций (1927 г.).¹¹⁶ Однако эти документы не имели большого резонанса и реального воплощения. Первый реальный шаг на пути полного запрещения войны был сделан после заключения парижского Пакта, известного как Пакт Бриана – Келлога. Инициатива его подписания исходила от министра иностранных дел Франции А. Бриана, который обратился к Государственному Секретарю США Ф. Келлогу с предложением выступить с Декларацией, отвергающей войну как орудие национальной политики и провозглашающей постоянный мир и безопасность народам.¹¹⁷ После недолгих совещаний 27. 08. 1928 г. соответствующий Пакт был заключен, а 06. 09. 1928 г. к нему присоединился и СССР. Как утверждает Г. А. Шармазанашвили, Пакт установил четкий рубеж между прежним общим международным правом и современным общим международным правом, знаменуя собой рождение нового права – права мира, права предотвращения войны.¹¹⁸ С ратификацией Пакта 1928 года и последующим заключением мирных договоров «агрессивная война из «правоотношения», которым она считалась ранее, превратилась в тягчайшее международное правонарушение – преступление против мира».¹¹⁹ Однако следует заметить, что Пакт, запретив агрессивную войну, тем не менее, не дал столь необходимого определения агрессии и не установил системы санкций за нарушение его положений.

Большая заслуга в разработке определения агрессии принадлежит советской дипломатии. В 1933 году СССР внес в Генеральный Комитет

¹¹⁶См.: Менжинский В. И. Неприменение силы в международных отношениях. М., 1976. С. 21 – 22.

¹¹⁷История международных отношений и внешней политики СССР. В 3 т. Т. 1. 1917 – 1945. М., 1986. С. 136.

¹¹⁸Шармазанашвили Г. А. Право мира. Тбилиси, 1961. С. 36 – 37.

¹¹⁹Менжинский В. И. Неприменение силы в международных отношениях. М., 1976. С. 25.

Конференции по разоружению предложение принять конвенцию об определении агрессии. Суть его состояла в том, чтобы признавать нападающим в международном конфликте государство, которое первым совершит одно из следующих действий:

- а) объявит войну другому государству;
- б) вооруженные силы которого, хотя бы и без объявления войны, вторгнутся на территорию другого государства;
- в) сухопутные, морские или воздушные силы которого бомбардируют территорию другого государства или сознательно атакуют его морские или воздушные суда;
- г) сухопутные, морские или воздушные силы которого будут высажены или введены в пределы другого государства без разрешения правительства последнего или нарушат условия такого разрешения, в частности в отношении времени или расширения района их пребывания;
- д) которое установит морскую блокаду берегов или портов другого государства;
- е) окажет поддержку вооруженным бандам, которые, будучи созданными на его территории, вторгнутся на территорию другого государства или откажутся, несмотря на требование государства, подвергнувшегося вторжению, принять на своей собственной территории все зависящие от нег меры для лишения этих банд всякой помощи или покровительства.¹²⁰

При этом определение включало специальную оговорку относительно того, что никакие обстоятельства не могут быть признаны оправдывающими нападение.

К сожалению, соответствующая конвенция не была принята. Однако сформулированное определение возымело большое международно-правовое и политическое значение и получило свое официальное закрепление в Лондонских конвенциях 1933 года, заключенных СССР с Эстонией, Латвией,

¹²⁰См.: Внешняя политика СССР. Сб. документов (1925 – 1934). Т. 3. М., 1945. С. 645 – 647.

Польшей, Румынией, Турцией, Персией, Афганистаном, Югославией, Чехословакией и Финляндией.¹²¹

Советское определение агрессии официально было использовано и на Нюрнбергском процессе против нацистских преступников.

Вторая мировая война существенным образом повлияла на развитие принципов мирного сотрудничества и неприменения силы в международных отношениях. Уже на Крымской конференции (1945 г.) союзниками по антигерманской коалиции было принято решение о создании ООН, Устав которой был утвержден на проходившей 25. 04 – 26. 06. 1945 года в Сан-Франциско учредительной конференции по созданию ООН.

Являясь важнейшим международно-правовым актом, Устав ООН закрепил ряд важнейших принципов межгосударственного общения. Преамбула Устава содержит исходные начала создания ООН: «Мы, народы объединенных наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций, и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе, и в этих целях проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности, и обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах, и использовать международный аппарат для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов, решили объединить наши усилия для достижения этих целей».

¹²¹История международных отношений и внешней политики СССР. В 3 т. Т. 1. 1917 – 1945. М., 1986. С. 155.

Объединение усилий человеческого сообщества и взаимодействие его участников должно строиться, согласно Уставу, в том числе и на основе следующих принципов:

1. принцип суверенного равенства всех членов ООН;
2. принцип добросовестного выполнения принятых на себя по Уставу ООН обязательств;
3. принцип разрешения своих международных споров мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость;
4. принцип воздержания в международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций;
7. принцип невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства.

При этом применительно к предмету исследования первоочередное значение имеет принцип запрета применения силы или угрозы ее применения. Он получил дальнейшее подтверждение и развитие в ряде других нормативно-правовых актов. В частности, в Декларации принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (1970 г.), международное сообщество, подтвердив свою приверженность этому принципу, изложило его содержание следующим образом:

1. Каждое государство в своих международных отношениях обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, не совместимым с целями Организации Объединенных Наций. Такая угроза силой или ее применение являются нарушением международного права и Устава

Организации Объединенных Наций; они никогда не должны применяться в качестве средств урегулирования международных вопросов.

2. Агрессивная война является преступлением против мира, которое влечет ответственность по международному праву.

3. В соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций государства обязаны воздерживаться от пропаганды агрессивных войн.

4. Каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения существующих международных границ другого государства или в качестве средства разрешения международных споров, в том числе территориальных споров и вопросов, касающихся государственных границ.

5. Равным образом каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения международных демаркационных линий, таких, как линия перемирия, установленных или соответствующих международному соглашению, стороной которого является данное государство, или которое это государство обязано соблюдать на каком-либо ином основании. Ничто в вышесказанном не должно толковаться как наносящее ущерб позициям заинтересованных сторон в отношении статуса и последствий установления таких линий согласно их особым режимам или как нарушающее их временный характер.

6. Государства обязаны воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы.

7. Каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишаящих народы, о которых говорится в конкретизации принципов равноправия и самоопределения, их права на самоопределение, свободу и независимость.

8. Каждое государство обязано воздерживаться от организации или поощрения организации иррегулярных сил или вооруженных банд, в том числе наемников, для вторжения на территорию другого государства.

9. Каждое государство обязано воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в актах гражданской войны или террористических актах в другом государстве или от потворствования организационной деятельности в пределах собственной территории, направленной на совершение таких актов, в том случае, когда акты, упоминаемые в настоящем абзаце, связаны с угрозой силой или ее применением.

10. Территория государства не должна быть объектом военной оккупации, явившейся результатом применения силы в нарушение положений Устава. Территория государства не должна быть объектом приобретения другим государством в результате угрозы силой или ее применения. Никакие территориальные приобретения, являющиеся результатом угрозы силой или ее применения, не должны признаваться законными. Ничто в вышесказанном не должно толковаться как нарушающее:

а) положение Устава или любое международное соглашение, заключенное до принятия Устава и имеющее юридическую силу в соответствии с международным правом; или

б) полномочия Совета Безопасности в соответствии с Уставом.

В Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях (1987 г.) указанный принцип был признан универсальным по своему характеру и обязательным, независимо от политической, экономической, социальной или культурной системы или союзнических отношений каждого государства.

Принцип неприменения силы был подтвержден и в Заключительном Акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.). Кроме того, в этом документе были сформулированы и иные, имеющие отношение к рассматриваемой проблематике международные принципы, в частности принцип нерушимости границ и принцип территориальной целостности. Формулировались они следующим образом:

1. Нерушимость границ

Государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга, как и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы.

Они будут, соответственно, воздерживаться также от любых требований или действий, направленных на захват и узурпацию части или всей территории любого государства-участника.

2. Территориальная целостность государств

Государства-участники будут уважать территориальную целостность каждого из государств-участников.

В соответствии с этим они будут воздерживаться от любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника и, в частности, от любых таких действий, представляющих собой применение силы или угрозу силой.

Государства-участники будут, равным образом, воздерживаться от того, чтобы превращать территорию друг друга в объект военной оккупации или других прямых или косвенных мер применения силы в нарушение международного права или в объект приобретения с помощью таких мер или угрозы их осуществления. Никакая оккупация или приобретение такого рода не будет признаваться законной.

Утверждение принципа территориальной целостности сопровождалось официальным международно-правовым признанием права наций и народов на самоопределение. В Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.) этому праву была посвящена ст. 1: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие».¹²² В Хельсинкском акте оно было закреплено как принцип равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, в соответствии с которым «все народы всегда имеют право в

¹²²См.: Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 2000. С. 53.

условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие».

Разработка принципиальных положений, на которых должно основываться международное общение государств, сопровождалось и выработкой оснований и порядка реализации ответственности за нарушение предписаний этих принципов. Речь идет в первую очередь об определении понятия агрессии, как преступления, непосредственно направленного против территориальной целостности и политической неприкосновенности государств и нарушающего принцип неприменения силы в международных отношениях, и выработке механизма реализации ответственности за нее.

После второй мировой войны Советский Союз продолжал предпринимать последовательные усилия, направленные на выработку общеприемлемого определения агрессии. Соответствующие предложения вносились на Сан-францисской конференции, где в 1945 году был принят Устав ООН. Однако на ней этот вопрос положительно решить не удалось. С этих пор вопрос об определении агрессии вновь и вновь обсуждался как в рамках ООН, так и вне ее. На конференции в Лондоне, созванной в 1945 году, которая разработала Устав Нюрнбергского трибунала для суда над главными фашистскими военными преступниками, проект определения агрессии был представлен делегацией США.¹²³ В нем почти полностью воспроизводилось советское определение в редакции 1933 года. Хотя Трибунал не разработал определения агрессии, тем не менее, он квалифицировал ряд конкретных случаев в качестве агрессивной войны или агрессивных актов, способствуя тем самым формированию концепции агрессии как тягчайшего международного преступления, влекущего, в том числе, уголовную ответственность виновных в нем лиц.

¹²³ Донской Д. Агрессия – вне закона. Об общепризнанном определении агрессии. М., 1976. С. 9. (здесь же, на с. 6 – 18, представлен подробный анализ истории разработки резолюции 1974 года об определении агрессии)

Устав международного военного трибунала отнес к собственной юрисдикции ряд преступлений, в том числе и преступления против мира, каковыми были названы планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий.

Несколько иначе преступления против мира были сформулированы в Законе № 10 Контрольного Совета в Германии «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности», который относил к ним вторжение в другие страны и ведение агрессивных войн в нарушение международных законов и договоров, включая (но, не ограничиваясь этим): планирование и подготовку войны, развязывание или ведение агрессивной войны или войны с нарушением международных договоров, соглашений и обязательств, или участие в общем плане или заговоре для выполнения какого-либо из вышеуказанных действий.¹²⁴ Как видим, в этом законе вторжение в другие страны было выведено за пределы понятия агрессии, а круг образуемых ее действий давался примерным, неисчерпывающим образом.

По инициативе СССР вопрос об определении агрессии обсуждался на V (1950 г.) и VI (1951 г.) сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Этим вопросом занимались Комиссия международного права ООН (1951 г.) и созданный для этой цели Специальный комитет, созывавшийся в 1953 и 1956 годах.¹²⁵ Завершающий этап в работе над определением агрессии начался на XXII сессии Генеральной Ассамблеи, когда по инициативе СССР была принята резолюция «О необходимости ускорения разработки определения агрессии в свете современной международной обстановки» и создан новый Специальный комитет, напряженная работа которого на протяжении 1968 – 1974 годов дала свои положительные результаты. На состоявшейся в 1974 году седьмой сессии

¹²⁴См.: Ответственность за военные преступления и преступления против человечества. Сборник документов. М., 1969. С. 32.

¹²⁵Донской Д. Агрессия – вне закона. Об общепризнанном определении агрессии. М., 1976. С. 9.

Специального комитета предварительно согласованный текст определения был определен и на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН принят голосованием.

Достаточно долгий период разработки и нормативного закрепления определения понятия агрессии, тем не менее, не препятствовал работе Международного военного трибунала 1945 года по привлечению и реализации ответственности лиц, виновных в этом преступлении против мира и теоретическому обоснованию концепции ответственности за преступления против мира. Основная проблема в деле реализации ответственности за агрессию сводилась к определению субъекта этой ответственности.

Одним из важнейших тезисов Нюрнбергского процесса стал принцип индивидуальной ответственности за преступления по международному праву. Согласно ст. 6 Устава преступные действия, подпадаемые под юрисдикцию трибунала, должны влечь за собой индивидуальную ответственность.¹²⁶

Обоснование этого тезиса в развернутом виде представлено в приговоре трибунала: «Утверждалось, что международное право рассматривает лишь действия суверенных государств, не устанавливая наказания для отдельных лиц, и далее утверждалось, что там, где рассматриваемое действие являлось действием, совершенным государством, то лица, которые практически осуществили это, не несут личной ответственности, а стоят под защитой доктрины о суверенности государства. По мнению Трибунала, оба эти утверждения должны быть отвергнуты. Уже давно было признано, что международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства. ... Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права».¹²⁷ При этом в качестве одного из доводов в пользу

¹²⁶См.: Ответственность за военные преступления и преступления против человечества. Сборник документов. М., 1969. С. 29.

¹²⁷См.: Ответственность за военные преступления и преступления против человечества. Сборник документов. М., 1969. С. 42.

индивидуальной ответственности лиц за преступления против мира приводилась ссылка на ст. 227 Версальского договора, которая предусматривала создание специального трибунала, состоявшего из представителей пяти союзных и присоединившихся к ним держав, находившихся в состоянии войны с Германией во время первой мировой войны, для судебного преследования бывшего императора Германии «за грубейшие нарушения в области международной морали и несоблюдение святости договоров».

В приговоре было также указано, что принцип международного права, который при определенных обстоятельствах защищает представителя государства, не может быть применен к действиям, которые осуждаются как преступные согласно международному праву. Исполнители этих действий не могут прикрываться своим должностным положением, чтобы избежать наказания в надлежащем порядке.

Таким образом, можно утверждать, что именно Нюрнбергский трибунал сменил доктрину Бриана – Келлога об ответственности исключительно государств за преступления по международному праву.

С тех пор вопрос относительно соотношения ответственности государств и частных лиц за преступления против мира стал весьма популярной темой научных изысканий. Не углубляясь в подробности, отметим, что весьма убедительной в этом отношении выглядит позиция Р. А. Каламкарян, согласно которой «международная ответственность физических лиц – это форма ответственности государства, выражающаяся в ограничении его суверенитета. Подобное ограничение суверенитета, являясь формой его политической ответственности, служит необходимым условием ответственности физических лиц».¹²⁸ Весомым аргументом в ее поддержку служит само понимание преступления против мира и безопасности человечества как деяния, непосредственно связанного с деятельностью

¹²⁸Международное уголовное право. Учеб. пособие. / Под ред. В. Н. Кудрявцева. Изд 2-е, перераб. и доп. М., 1999. С. 110.

государства, его политикой и его международными преступлениями.¹²⁹ Согласно этому пониманию, когда совершается международное преступление, государство отвечает за него непосредственно, а ответственность же физических лиц является следствием и формой ответственности государства.

В настоящее время принцип индивидуальной ответственности за преступления против мира в международном праве официально закреплен в ст. 25 Римского Статута Международного уголовного суда, согласно которой: «1) Суд обладает юрисдикцией в отношении физических лиц в соответствии с настоящим Статутом. 2) Лицо, которое совершило преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, несет индивидуальную ответственность и подлежит наказанию в соответствии с настоящим Статутом. ... 4) Ни одно положение в настоящем Статуте, касающееся индивидуальной уголовной ответственности, не влияет на ответственность государств по международному праву».¹³⁰

Таким образом, анализ эволюции международно-правовых норм показывает, что к концу XX века мировое сообщество, преодолев рамки национальной ограниченности и этноцентризма, откровенную неприязнь к той или иной системе социального и политического порядка, не только выработало и закрепило ряд важнейших территориальных принципов международного права, но и определило составы наиболее опасных посягательств на него, а также разработало приемлемый механизм реализации ответственности за их выполнение. Последнее позволяет утверждать о сформировании самостоятельной отрасли международного уголовного права, нормы которого оказывают все большее влияние на содержание национального уголовного законодательства во всем мире.

§ 4. Охрана территориальной целостности и неприкосновенности

¹²⁹Наумов А. В. Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // Государство и право. 1995. № 6. С. 49.

¹³⁰Здесь и далее ссылки на данный документ приводятся по изданию: Римский Статут Международного уголовного суда (1998 г.). В кн.: Костенко Н. И. Международный уголовный суд. М., 2002. С. 190 – 263.

государства по законодательству зарубежных стран

Необходимым дополнением в исследовании сравнительно-правовых аспектов уголовно-правовой охраны единства и целостности государства в России является характеристика соответствующих преступлений по законодательству зарубежных стран. Изучение иностранного опыта, как отмечал М. Ансель, «открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, что специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права».¹³¹ Тем не менее, научных исследований, специально посвященных сравнительному анализу ответственности за преступления против территориальной целостности государств на сегодняшний день нет, а потому, не ставя целью дать всесторонний анализ проблемы, мы представим краткий очерк соответствующей части современного зарубежного уголовного законодательства.

Решение вопросов о защите территориальной целостности и неприкосновенности государства в зарубежном законодательстве определяется многими социально-политическими факторами: и типом государственного устройства, и формой правления, и определенными правовыми традициями. Вместе с тем, анализ показывает что, несмотря на имеющиеся отличия в характеристиках общественно-политического и экономического строя, государства обнаруживают определенное единство в установлении ответственности за некоторые наиболее опасные деяния, представляющие угрозу их территориального верховенства.

В целях настоящего исследования нами были проанализированы положения уголовного законодательства ФРГ, Швеции, Швейцарии, Австрии, Испании, Голландии, Сан-Марино, Франции, Польши, Китая, Республики Йемен, США, Эстонии, Латвии, а также стран Содружества Независимых

¹³¹ Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права. В сб.: Очерки сравнительного права. М., 1991. С. 38.

Государств: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана, Грузии, Казахстана, Киргизии.

Наибольшей регламентации в рассмотренных законах подвергаются нормы о нарушении территориальной целостности и неприкосновенности государства «изнутри», то есть о различного рода посягательствах, связанных с отторжением части территории государства от целого либо о подчинении территории государства территориальному верховенству другого государства (см. приложение 3).

Заметим, что из всех изученных законов общее понятие целостности государства и посягательств на целостность государства употребляется лишь в УК ФРГ.¹³² Согласно ч. 1 абз. 3 § 92 закона посягательствами на целостность Федеративной Республики Германии являются такие посягательства, субъекты которых стремятся нанести ущерб целостности Федеративной Республики Германии, в свою очередь нарушение целостности ФРГ означает потерю ФРГ ее свободы из-за господства другого государства, устранение ее государственного единства или отделение принадлежащей Федерации территории (абз. 1 § 92).

К числу наиболее опасных посягательств на целостность государства, УК ФРГ относит измену, которая, в свою очередь, имеет две разновидности, обусловленные федеративным характером государства:

1. государственная измена Федерации, которая определяется как нарушение целостности ФРГ либо изменение основанного на Конституции ФРГ конституционного правопорядка, совершенные с применением насилия или угрозой его применения (§ 81);

2. государственная измена Земле (то есть субъекту Федерации), определяемая как совершение насильственных действий по присоединению территории Земли целиком или частично к другой Земле ФРГ или отделению от Земли части ее территории, либо изменению основанного на Основном Законе Земли конституционного порядка (§ 82).

¹³²Здесь и далее ссылки на УК ФРГ приводятся по изданию: Уголовный кодекс ФРГ / Пер. с нем., предисл. А. В. Серебренниковой. М., 2001.

Традиция устанавливать ответственность за посягательства на территориальную целостность и неприкосновенность государства в статьях о государственной измене присуща и иным странам.

Так, УК Швеции в ст. 1 Главы 19 «О преступлениях против безопасности королевства» установил: «лицо, которое с намерением того, чтобы Королевство или его часть путем насилия или другими незаконными средствами или с иностранной помощью будет поставлено под иностранное господство или станет зависимым от иностранной державы, или чтобы часть Королевства была таким образом отторгнута, совершает деяние, которое составляет опасность реализации такого намерения, должно быть приговорено за государственную измену».¹³³ УК Австрии в § 242 определяет государственную измену как применение насилия или угрозу его применения в целях изменения Конституции Австрийской Республики или ее федеральных земель либо отделить от Австрийской Республики принадлежащую ей территорию.¹³⁴ При этом австрийский закон, как и немецкий, предусмотрел специальное основание освобождения от уголовной ответственности за государственную измену, если виновное лицо добровольно отказывается от совершения преступного деяния или препятствует его осуществлению. В УК Швейцарии государственная измена определена как действие, направленное, кроме прочего, на то, чтобы отделить швейцарскую территорию от Конфедерации или территорию от кантона.¹³⁵ Целостность государств в Йемене также защищена нормой об измене (ст. 102), которая определяется как действие йеменского гражданина, если оно совершено умышленно с целью причинения ущерба независимости Республики, ее единству, территориальной целостности или оборонной мощи.¹³⁶

¹³³ Здесь и далее ссылки на УК Швеции приводятся по изданию: Уголовный Кодекс Швеции / Науч. ред. Н. Ф. Кузнецова, С. С. Беляев. Пер. на рус. С. С. Беляева. СПб., 2001.

¹³⁴ Здесь и далее ссылки на УК Австрии приводятся по изданию: Уголовный Кодекс Австрии / Пер. с нем., предисл. А. В. Серебренниковой. М., 2001.

¹³⁵ Здесь и далее ссылки на УК Швейцарии приводятся по изданию: Уголовный Кодекс Швейцарии / Науч. ред., предисл. и пер. с нем. А. В. Серебренниковой. СПб., 2002.

¹³⁶ Здесь и далее ссылки на УК Йемена приводятся по изданию: Народная Демократическая Республика Йемен. Конституция и законодательные акты / Под ред. и с вступ. ст. Ю. А. Юдина. Сост., пер. с араб. Л. Р.

Государственной изменой являются посягательства на территорию и в странах Африки – бывших английских колониях. Так, по ганскому законодательству (ст. 180 УК Ганы 1960 г.) государственная измена состоит в следующих действиях: 1) подготовка или попытка свергнуть правительство путем применения незаконных средств; 2) подготовка или попытка изменить законы или политику правительства путем применения силы; 3) подготовка или попытка захватить исполнительную власть путем применения силы; 4) оказание содействия иностранным вооруженным силам, вторгшимся в Гану и стремящимся захватить территорию республики; 5) оказание любой помощи врагам Ганы во время войны. УК Замбии, в 1965 г. изменив текст ст. 42, кроме названных выше форм государственной измены (перечисленных в несколько иной последовательности) предусматривает еще одну: подготовка или попытка при помощи силы создать независимое государство в любой части Замбии или отделить любую часть республики.¹³⁷ Принятое дополнение к ст. 42 УК Замбии весьма актуально, так как в современных условиях насильственные сепаратистские действия по созданию независимого государства одного племени являются весьма опасной формой государственной измены. В Африке сотни племен, и даже если некоторые из них пойдут по пути создания сепаратных государств, многие современные африканские государства могут столкнуться с реальной катастрофой в политическом, экономическом и культурном плане. Термин «путем применения силы» означает: «а) применяемая сила используется таким образом, что из-за количества участвующих лиц или применяемых средств может угрожать безопасности государства или причинить смерть, серьезный вред либо порчу имущества; б) демонстрация силы, рассчитанная на то, чтобы вызвать разумное беспокойство, что эта сила будет использована таким образом, как описано выше» (ч. 2 ст. 180 УК Ганы, ч. 2 ст. 42 УК Замбии). По законодательству англоязычных государств Африки субъектом государственной измены может быть гражданин того или иного африканского

Сюкияйнена. М., 1985.

¹³⁷Лихачев В. А. Уголовное право в независимых странах Африки. М., 1974. С. 167.

государства, а также и иностранец, когда его преступные действия осуществляются на территории государства, где он привлекается к уголовной ответственности. Приготовление и покушение на совершение государственной измены рассматриваются как оконченное преступление. Единственным видом наказания за это преступление является смертная казнь, хотя в порядке помилования и в некоторых других случаях она может быть заменена другими наказаниями.

В бывших французских колониях Африки законодательство к тяжким преступлениям против внутренней безопасности относит заговор. Так, статья 72 УК Сенегала предусматривает пожизненные каторжные работы за посягательства, цель которых состоит в ниспровержении или изменении установленной конституцией власти незаконными путями либо в возбуждении граждан или жителей к тому, чтобы они вооружались против государственной власти, а также в нарушении целостности государственных территорий. В том случае, если деяние, предусмотренное ст. 72, было совершено с применением оружия, оно карается смертной казнью (ст. 77 УК). Заговор при смягчающих обстоятельствах наказывается тюремным заключением на срок от пяти до десяти лет (ст. 73 УК Сенегала).¹³⁸

В законодательстве всех изученных стран посягательства на территориальную целостность государства отнесены к группе преступлений против безопасности государства. При этом некоторые законы не дают названия рассматриваемому преступлению. Так, УК Голландии к преступлениям против безопасности государства относит посягательство, совершенное с целью передать Королевство в целом или в части иностранной державе или отделить его часть (ст. 93), а также сговор с целью совершения указанного преступлений (ст. 96).¹³⁹

В установлении ответственности за нарушение территориальной целостности государства некоторой особенностью отличается Уголовный

¹³⁸Лихачев В. А. Уголовное право в независимых странах Африки. М., 1974. С. 173.

¹³⁹Здесь и далее ссылки на УК Голландии приводятся по изданию: Уголовный Кодекс Голландии / Науч. ред. Б. В. Волженкин. Пер. с англ. И. В. Мироновой. СПб., 2000.

Кодекс Республики Польша, который в ст. 127 определил ответственность для лица, которое, имея целью лишение независимости, отделение территории или насильственное изменение конституционного строя Республики Польша, предпримет в сговоре с другими лицами деятельность, направленную непосредственно на осуществление этой цели.¹⁴⁰ Как видим, обязательным признаком данного состава преступления выступает наличие сговора с другими лицами, что делает норму практически неприменимой в ситуации совершения преступления одним лицом, которая вполне возможна, учитывая, что содержание самой деятельности в законе не определено.

В уголовном законодательстве Китая в главе о преступлениях против государственной безопасности охране территориальной целостности посвящено несколько статей: ст. 102 установила ответственность за сговор с иностранным государством в ущерб суверенитету, территориальной целостности и безопасности Китайской Народной Республики; ст. 103 – за тяжкие преступления по осуществлению организации, планировании, осуществлению раскола страны, нарушению ее единства и подстрекательство к расколу страны.¹⁴¹ Исследователи китайского уголовного права отмечают, что «острота и болезненность темы единства государства сохраняется на всем протяжении истории КНР», а борьба с сепаратизмом всегда составляла одно из важнейших направлений политического курса Китая.¹⁴²

Исключительной особенностью Уголовного Кодекса Республики Сан-Марино является то обстоятельство, что в главе о преступлениях против республики он сконструировал норму с уникальным названием, не встречающимся в других законах: «Посягательства на территориальную целостность и вечную свободу Сан-Марино», суть которой состоит в наказании любого лица, совершающего деяние, «направленное на

¹⁴⁰Здесь и далее ссылки на УК Польши приводятся по изданию: Уголовный Кодекс Республики Польши / Пер. с польск. Д. А. Барилевич и др.; Адапт. пер. и науч. ред. Э. А. Саркисова, А. И. Лукашов. Под общ. ред. Н. Ф. Кузнецовой. Мн., 1998.

¹⁴¹Здесь и далее ссылки на УК Китая приводятся по изданию: Ахметшин Х. М., Ахметшин Н. Х., Петухов А. А. Современное уголовное законодательство КНР. М., 2000.

¹⁴²См.: Комментарии к Особенной части УК КНР. – В кн.: Ахметшин Х. М., Ахметшин Н. Х., Петухов А. А. Современное уголовное законодательство КНР. М., 2000. С. 57, 58.

подчинение территории Республики суверенитету другого государства либо на умаление свободы и независимости Сан-Марино».¹⁴³ Дополнительно в ст. 326 кодекс установил ответственность для граждан, которые устанавливают связь с иностранным государством путем совершения действия, обозначенных в ст. 324.

Ряд законов дает рассматриваемым преступлениям наименование восстания. УК Испании, определяя аналогичные действия как восстание, устанавливает наказание для тех, кто восстанет силой для достижения определенных антигосударственных целей, в том числе и в целях объявить независимость части национальной территории.¹⁴⁴ При этом весьма интересные положения относительно борьбы с восставшими зафиксированы в ст. 479: «Как только восстание будет обнаружено, правительственные власти должны потребовать от восставших немедленного роспуска и отступления. Если восставшие не прекратят свою деятельность после предъявления требования, власти должны применить имеющееся оружие для их разгона. Нет необходимости предъявлять такие требования с момента открытия огня восставшими».

Продолжая довольно подробную регламентацию реализации ответственности за восстание, испанский законодатель установил, что отдельные преступления, совершенные в процессе восстания или связанные с его мотивами, наказываются дополнительно соответственно по статьям УК.

И еще одно заслуживающее внимания предписание относительно восстания в УК Испании. Речь идет о положении, содержащемся в ст. 482, согласно которому должностные лица, которые не оказывали противодействия восставшим, наказываются абсолютным признанием несоответствующим должности на срок от 12 до 25 лет.

Понятие восстания известно и уголовному законодательству США. Раздел 18 Свода законов США в § 2383 предусматривает ответственность тех,

¹⁴³Здесь и далее ссылки на УК Сан-Марино приводятся по изданию: Уголовный Кодекс Республики Сан-Марино / Науч. ред., ступит. ст. С. В. Максимова. Пер. с итал. В. Г. Максимова. СПб., 2002.

¹⁴⁴Здесь и далее ссылки на УК Испании приводятся по изданию: Уголовный Кодекс Испании / Под ред. и с предисл. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова. М., 1998.

кто подстрекает, поднимает, помогает или принимает участие в восстании против власти США или против их законов либо оказывает услуги или поддержку в этом, а § 2384 определяет наказание за мятеж: «если в каком-либо штате, на территории или в каком-либо месте в пределах юрисдикции США двое или более лиц сговариваются силой свергнуть, сбросить или уничтожить Правительство США, начать войну против них, силой оказывать сопротивление осуществлению их власти или силой препятствовать, мешать или задерживать исполнение законов США, или силой захватить, взять или завладеть имуществом США против их воли ...».¹⁴⁵

Восстанием именуется посягательство на внутреннюю безопасность государства и в Англии. При этом «для признания деяния восстанием не имеет значения число участников, не требуется, ни чтобы восставшие были вооружены, ни чтобы состоялось сражение. Достаточно, если против короля или его армии была применена сила и восставшие преследовали цель «общего характера» - свержение короля с престола. Устранение королевских советников или тех или других действительных или мнимых злоупотреблений общегосударственного значения и т.п.».¹⁴⁶

Однако, как видим, прямо в тексте данных законов не указывается на то, что восстание направлено против территориальной неприкосновенности государства, хотя применение этих статей в реальном акте территориального мятежа вполне возможно ввиду предельной общности их предписаний.

Нормы об измене государству и посягательствах на его территориальную неприкосновенность в законодательстве зарубежных стран дополняются предписаниями относительно запрета различного рода объединений, имеющих своей целью совершение указанных преступлений. Так, УК Австрии в § 246 установил ответственность для того, кто основывает объединение, которое, пусть даже и не в качестве основной, преследует цель незаконным путем подорвать независимость, закрепленную в Конституции

¹⁴⁵ Здесь и далее ссылки на Раздел 18 Свода законов США приводятся по изданию: Уголовное право Соединенных Штатов Америки. Сб. норм. актов / Сост., отв. ред., авт. вступ. ст. И. Д. Козочкин. М., 1985.

¹⁴⁶ Полянский Н. Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1969. С. 127.

форму государственного устройства или конституционные органы Австрийской Республики или ее федеральных земель.

В уголовном законе ФРГ вопрос о запрещенных обществах урегулирован несколько подробней. В § 84, 85 установлен запрет на продолжение, несмотря на судебное решение, деятельности партии или объединения, которые объявлены неконституционными; в § 86 определена ответственность за распространение пропагандистских материалов организаций, являющихся неконституционными, а в § 86-а - за использование знаков неконституционных организаций. при этом самим законодателем оговаривается, что суд накладывает запрет на деятельность партий или организаций, если она была направлена против конституционного порядка или против идеи взаимопонимания между народами или продолжала стремления бывших национал-социалистов.

В УК Сан-Марино ответственности за создание неконституционных обществ посвящена ст. 339 «Заговор», согласно которой «если трое или более лиц договариваются совершить преступление, предусмотренное в ст. 324», они подлежат наказанию. Законом оговорено также, что не подлежат наказанию соучастники, которые, нарушив соглашение между собой, информируют власти.

Защищая неприкосновенность собственной территории от различного рода посягательств, иностранное законодательство содержит и весьма интересные предписания относительно преступлений против безопасности других государств. Так, УК Австрии в § 316 определил ответственность для того, кто, применяя насилие или угрозу его применения, находясь в Австрии, предпримет попытки изменить Конституцию иностранного государства или отделить принадлежащую иностранному государству территорию. Швейцария в ч. 1 ст. 299 УК установила наказание для того, кто нарушает дипломатический территориальный суверенитет иностранного государства, особенно путем незаконного совершения служебных действий на территории чужого государства; а в ч. 2 – для того, кто, используя силу, пытается с

территории Швейцарии нарушить государственный строй иностранного государства.

Указанные нормы содержат существенно сниженное, по сравнению с нормами о преступлениях против территориальной целостности собственного государства, наказание. В частности, Австрия карает действия против собственного государства наказанием в виде лишения свободы от 10 до 20 лет, а против иностранного государства – лишением свободы от шести месяцев до пяти лет; Швейцария – тюремным заключением на срок соответственно от года до пяти за первое и от трех дней до трех лет – за второе.

Заметим, что наличие этих предписаний, на первый взгляд, кажущееся заслуживающим поддержки, на самом деле существенным образом ущемляет суверенитет иностранных государств. Очевидно, что если лицо, совершившее на территории Австрии или Швейцарии преступление против территориальной целостности и неприкосновенности иностранного государства, не является австрийским или швейцарским гражданином, оно должно быть выдано тому государству, против которого совершило преступление; и в этом случае с неизбежностью возникнет вопрос о возможной для него мере наказания, которая, в силу предусмотренных в большинстве стран предписаний, не сможет превысить максимального наказания, установленного австрийским или швейцарским законом. Если же совершивший данное преступление человек является гражданином Австрии или Швейцарии, он понесет заметно мягкую ответственность, нежели за совершение аналогичных действий против собственного государства. Таким образом, отсутствие аналогичных норм в законодательстве остальных стран не является, на наш взгляд, упущением, напротив, в силу действия положений относительно выдачи лиц, совершивших преступления, представляется вполне оправданным и отражающим как принцип невмешательства во внутренние дела суверенного государства, так и равный подход к охране территориальной целостности любого государства.

При анализе зарубежного уголовного законодательства обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие из них не предусмотрели непосредственно в тексте закона предписания относительно защиты государственных границ. Те же из стран, которые предусмотрели ответственность за данные преступления, в отличие от России рассматривают их как посягательства на государство (см. приложение 4).

Так, Голландия к преступлениям против государственной власти отнесла деяние, зафиксированное в ст. 197-а, согласно которой «лицо, которое из материальных побуждений помогает другому лицу опасть в Нидерланды или остаться в Нидерландах, или попасть или остаться в любом государстве осуществляющем пограничный контроль также от имени Нидерландов, или которое из материальных побуждений предоставит этому лицу возможность, средства или информацию для этой цели, если оно знает или имеет серьезное основание предполагать, что проникновение и пребывание этого лица незаконно». При этом наказание может быть усилено, если преступление связано с профессиональной или служебной деятельностью лица.

Швейцария также как преступление против государства рассматривает в ст. 268 перемещение государственных пограничных камней: «Кто устраняет, перемещает, делает неузнаваемым, фальшиво устанавливает или фальсифицирует служащий для установления границы земли, кантона или Конфедерации пограничный камень или другой служащий обозначению границы знак, наказывается ...»

Особое внимание следует уделить ст. 269 «Нарушение территориального суверенитета Швейцарии», устанавливающей ответственность для того, кто в нарушение международного права проникает на территорию Швейцарии. При известном содержании название статьи и ее местоположение демонстрируют то внимание, которое уделяется законодателем проблеме обеспечения территориальной неприкосновенности.

Польша отнесла нарушения в области границы к преступлениям против

публичного порядка. Статья 264 определила наказание для того, кто вопреки предписаниям пересекает границу Республики Польша. При этом ответственность дифференцируется в случае совершения этого преступления с применением насилия, угрозы, обмана или в соучастии с другими лицами (ч. 2). В ч. 3 рассматриваемой статьи сконструирован самостоятельный состав: «кто вопреки предписаниям организует другим лицам пересечение границы Республики Польша, наказывается ...».

УК Йемена рассматривает преступления на границе как деяния, посягающие на авторитет государства. Согласно ст. 208 наказывается незаконный въезд на территорию Республики и нахождение на ее территории, нарушение установленного порядка въезда в Республику, передвижения или пребывания в ней или выезда за ее пределы, получения разрешения на въезд в Республику или выезд за ее пределы для себя или для другого лица на основании ложных сведений, а также выезд за пределы Республики и невозвращение в нее в нарушение положений законодательства. Ответственность усиливается в ч. 2, предусматривающей наказание за то же деяние, совершенное путем подделки документов или злоупотреблений ими либо сопряженные с нападением на пограничные контрольные пункты с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия.

Особое место «пограничные» преступления занимают в УК Китая, который посвятил им отдельный параграф в главе о преступлениях против общественного порядка и порядка управления - § 3 «Преступления против режима государственной границы». В нем содержится шесть статей и столь подробной регламентации ответственности за нарушение пограничного режима не встречается ни в одном другом из изученных законов. Статья 318 предусматривает ответственность в виде лишения свободы сроком до семи лет за организацию незаконного пересечения государственной границы другим лицом и дифференцирует ее вплоть до возможности пожизненного заключения в случаях: 1) организации пересечения границы группой лиц; 2)

организации неоднократного или вооруженного пересечения границы множеством лиц; 3) организации пресечения границы, повлекшей тяжкое телесное повреждение или смерть «организованного лица»; 4) организации пересечения границы, повлекшей лишение или ограничение свободы личности «организованного лица»; 5) организации пересечения границы с применением насилия или угроз; 6) организации пересечения границы при крупной сумме незаконного дохода; 7) организации пересечения границы при других отягчающих обстоятельствах. Далее, статья 319 устанавливает ответственность за получение обманным путем паспорта, визы или иных документов на въезд или выезд, которая может быть возложена как на физическое лицо, так и на организацию; статья 320 карает предоставление другому лицу поддельных документов на въезд или выезд из страны; статья 321 определяет наказание за перевозку людей для незаконного пересечения границы. Собственно незаконное пересечение границы в нарушение положений о режиме Государственной границы карается статьей 322. Наконец, в ст. 323 определено наказание за умышленное нанесение повреждений пограничным знакам, пограничным столбам или стационарным фиксирующим указателям на государственной границе.

Особую группу преступлений, охраняющих территориальную неприкосновенность государств, образуют составы, включенные в национальное законодательство зарубежных стран на основании международных договоров. Среди них – состав агрессии и подстрекательства (призывов) к ведению агрессивной войны против государства (см. приложение 5).

В УК Польши ответственности за агрессию посвящена первая статья Особенной части, ст. 117, согласно которой установлено наказание за: 1) развязывание и ведение агрессивной войны; 2) приготовление к данному преступлению (очевидно, что состав приготовления в данном случае равнозначен российским предписаниям о запрете планирования и подготовки войны); 3) публичные призывы к развязыванию агрессивной войны.

Подстрекательство к войне криминализировано в УК ФРГ как разновидность измены миру. При этом система Особенной части УК ФРГ также открывается нормами об агрессии. Традиция начинать описание преступлений в Особенной части преступлениями против мира и безопасности человечества была присуща и законодательству ГДР до объединения двух Германий. Обосновывая ее, Э. Бухгольц писал: «в соответствии с современным международным правом ответственность за преступления против мира, человечности и военные преступления регулируется в начале Особенной части УК. Это соответствует большому значению борьбы за сохранение мира на земле и обеспечение существования человеческого общества. Такое регулирование специфически выражает также борьбу в мировом масштабе против агрессивного империализма. Охват подобных преступлений в УК имеет большое и политико-идеологическое, и международно-правовое значение».¹⁴⁷ Так, в § 80-а УК ФРГ, предусмотрена ответственность для тех, кто «публично, на собрании или путем распространения письменных материалов в пространственной области действия настоящего закона подстрекает к агрессивной войне». Это положение дополняется предписанием § 80, устанавливающим ответственность за подготовку агрессивной войны, в которой должна будет участвовать ФРГ, которая создает опасность войны для ФРГ. Непосредственно развязывания и ведение агрессивной войны в УК не предусмотрено.

Открывает Особенную часть Кодекса норма об агрессии и в УК Йемена. В ст. 93 закона дано весьма подробное, и тем самым отличное от многих других кодексов определение состава преступления: «осуществление лицом, занимающим ответственный пост, государственной, политической, военной или экономической деятельности, угрожающей развязыванием агрессивной войны, а также проведение мероприятий по планированию,

¹⁴⁷Бухгольц Э. Теоретические и практические проблемы Особенной части нового Уголовного Кодекса ГДР. В кн.: Новое уголовное законодательство зарубежных социалистических стран Европы. Сб. ст. / Вступит. ст. и ред. В. Д. Меньшагина, М. А. Гельфера, Г. А. Кригера, Н. Ф. Кузнецовой. М., 1974. С. 175.

подготовке и ведению агрессивной войны наказываются лишением свободы или смертной казнью». Как видим, йеменский закон четко обозначил круг субъектов данного преступления и определил примерное содержание деятельности по подготовке и развязыванию войны. Наряду с этим, в ст. 94 установлена ответственность за: 1) осуществление актов агрессии против территориальной целостности или политической независимости какого-либо государства, а также организацию банд для совершения указанных актов агрессии; 2) акты агрессии, повлекшие тяжкие последствия. Эти нормы отражают сложившийся в международном праве подход, различающий собственно агрессию и акты агрессии. Ответственность за пропаганду войны определена в ст. 97 и также имеет характерные особенности. В статье, по сути, сосредоточено несколько составов преступлений: 1) пропаганда агрессивной войны и других актов агрессии, 2) пропаганда применения атомного оружия или других средств массового уничтожения, 3) пропаганда преследования участников движения за мир и использования против них силы в связи с осуществляемой ими деятельностью, 4) преследование участников указанных движений, 5) выдача разрешений на их преследование.

Как видим, эти нормы не конкретизировали ни гражданскую принадлежность субъекта, ни возможный круг агрессоров, выражая собой возможность применения реального принципа действия уголовного закона. В тоже время наряду с этими нормами в законодательстве зарубежных стран уделено много внимания ответственности за действия, способные привести к войне непосредственно против данного государства или к втягиванию этого государства в войну, при этом соответствующие преступления также рассматриваются как особая разновидность изменнических действий. Сразу заметим, что нормы аналогичного содержания отсутствуют в российском законодательстве, что, скорее всего, не вполне оправданно.

Так, § 100 УК ФРГ предусмотрел ответственность специально для граждан ФРГ, чье место жизнедеятельности находится в пространстве действия УК, которые устанавливают или поддерживают связи с

правительством, объединением или учреждением, находящемся вне пространства действия УК, или с одним из его посредников с целью развязать войну или организовать вооруженную акцию против ФРГ. Наказание за это деяние установлено в виде лишения свободы на срок не менее одного года. При этом законодатель предусмотрел усиление ответственности до пожизненного заключения или лишения свободы на срок не менее пяти лет в случае, если исполнитель своим деянием создавал серьезную опасность для целостности ФРГ.

В законодательстве Голландии ст. 97 УК также устанавливает ответственность в виде пожизненного заключения или заключения на срок не более 20 лет для тех, кто «вступает в связь с иностранной державой с целью побудить ее предпринять военные действия или вести войну против государства, поддержать ее в намерениях сделать это, содействовать этой цели или помочь в подготовке этого».

Равным образом УК Швейцарии в ст. 266 предусмотрел ответственность за связь с правительством иностранного государства или с его агентурой, чтобы развязать войну против Конфедерации.

В УК Швеции этому вопросу посвящена ст. 2. главы 19, согласно которой «лицо, которое насильственными средствами или с иностранной помощью создает опасность вовлечения Королевства в войну или другие военные действия, должно быть приговорено, если это не государственная измена, за подстрекательство к войне».

Аналогичное предписание устанавливает ст. 581 УК Испании: «испанец, который побудит иностранное государство объявить войну Испании либо договорится с ним с той же целью, наказывается тюремным заключением на срок от 15 до 25 лет». Оно дополняется нормами ст. 586, согласно которой иностранцу, совершившему описанное действие, наказание назначается одной ступенью ниже; и ст. 587, по которой предусмотренное в ст. 581 наказание может быть назначено и лицам, совершившим указанное действие против государства – союзника Испании в случае ведения войны

против общего врага.

Защите государства о войны посвящена и ст. 590 УК Испании, в которой предусмотрена ответственность для тех, кто «незаконными актами или без наличия должным образом оформленных властных полномочий спровоцирует или даст повод для объявления войны Испании иностранным государством либо подвергнет испанцев опасности угнетения и репрессий».

В рамках настоящего раздела работы считаем необходимым дать также анализ положений законодательства государств СНГ и Балтии, как стран, имеющих общие правовые традиции с Россией.

Заметим, что в деле охраны единства территории и государственной целостности законодательство стран Содружества содержит не много принципиально неизвестных российскому законодательству положений. В тоже время УК Грузии содержит уникальную норму о нарушении территориальной целостности Грузии, в которой предусмотрена ответственность за действия против Грузии, направленные на передачу иностранному государству всей территории Грузии или ее части, либо отделение от территории Грузии ее части, которое наказывается лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет. (ч. 1 ст. 308).¹⁴⁸ Если же эти действия непосредственно повлекли за собой утрату всей территории Грузии или ее части либо иные тяжкие последствия, наказание увеличивается вплоть до пожизненного лишения свободы. Ответственность по ст. 308 могут нести лишь иностранцы или лица без гражданства, не проживающие постоянно в Грузии. Если же аналогичные деяния совершаются гражданами Грузии или постоянно проживающими в ней лицами без гражданства, то они согласно ст. 307 УК рассматриваются как государственная измена. Заметим, что ст. 307, давая определение государственной измены путем перечисления конкретных составов преступлений, выполненных гражданами и постоянно проживающими в Грузии апатридами, не содержит санкции, что дает основание считать, что санкция в этом случае аналогична санкциям за

¹⁴⁸ Здесь и далее ссылки на УК Грузии приводятся по изданию: Уголовный Кодекс Грузии / Науч. ред. З. К. Бигварова; вступ. ст. В. И. Михайлова. Пер. с груз. И. Мериджанашвили. СПб., 2002.

указанные конкретные преступления.

Считая территориальную целостность составной частью конституционного строя, можно к посягательствам на территориальную неприкосновенность отнести также предусмотренные в УК Грузии нормы о призывах к насильственному изменению конституционного строя Грузии (ст. 317) и о заговоре и мятеже в тех же целях (ст. 315).

Весьма подробно ответственность за призывную и организационную деятельность против территориальной неприкосновенности регламентирована в УК Латвии. В двух статьях УК Латвии закрепил нормы о призывах к ликвидации государственной независимости Латвийской Республики путем включения Латвии в единое государственное образование с каким-либо другим государством или союзом государств или ликвидации иным способом (ст. 82); и о призывах к подрыву территориальной целостности Латвийской Республики, то есть к отделению не предусмотренным Конституцией Латвийской Республики путем какой-либо части территории Латвии (ст. 83).¹⁴⁹ Соответственно в части второй статей 82 и 83 УК установлена ответственность за организационную деятельность, направленную на ликвидацию государственной независимости или территориальной целостности Латвии. Заметим, что действия, непосредственно состоящие в подрыве территориальной целостности и неприкосновенности в УК Латвии не криминализованы.

Иначе обстоит дело в УК Эстонии. Не уделяя внимания призывной и организационной деятельности, ст. 62 установила ответственность за действия, направленные против независимости и суверенитета Эстонской Республики. При этом часть первая криминализовала оказание помощи иностранному государству в проведении деятельности в ущерб суверенитету республики, а часть вторая – «действия, направленные на насильственный подрыв независимости и суверенитета Эстонской Республики или насильственное нарушение территориальной целостности Эстонской

¹⁴⁹ Здесь и далее ссылки на УК Латвии приводятся по изданию: Уголовный Кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. и вступит. Ст. А. И. Лукашова, Э. А. Саркисовой; перевод с латыш. А. И. Лукшова. СПб., 2001.

республики...».¹⁵⁰

УК Украины установил ответственность за посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность Украины, определив соответствующий состав как умышленные действия, совершенные с целью изменения границ территории или государственной границы Украины в нарушение порядка, установленного Конституцией Украины, а равно публичные призывы либо распространение материалов с призывами к совершению таких действий (ст. 110).¹⁵¹ Законодатель предусмотрел и возможность дифференциации ответственности за данное преступление в ситуации его совершения лицом, являющимся представителем власти, или повторно, или по предварительному сговору группой лиц, или если оно было сопряжено с разжиганием национальной или религиозной розни; а также в ситуации, когда соответствующие действия повлекли за собой гибель людей или иные тяжкие последствия.

Некоторые государства определяют систему охраны территориальной неприкосновенности в главе о государственных преступлениях аналогично российскому закону. УК Азербайджана,¹⁵² УК Таджикистана,¹⁵³ УК Казахстана,¹⁵⁴ УК Киргизии¹⁵⁵ установили ответственность за призывы к насильственному изменению территориальной целостности государства, вооруженный мятеж в целях нарушения территориальной целостности. Ряд стран (Азербайджан, Таджикистан, Украина, Узбекистан¹⁵⁶), следуя традиции, определили в качестве преступления помощь иностранному государству в

¹⁵⁰Здесь и далее ссылки на УК Эстонии приводятся по изданию: Уголовный Кодекс Эстонской Республики (с изм. и доп. на 1 авг. 2001 г.) / Нуч. ред. и перевод с эст. В. В. Запевалова; вступ. ст. Н. И. Мацнева. СПб., 2001.

¹⁵¹Здесь и далее ссылки на УК Украины приводятся по изданию: Уголовный Кодекс Украины / Науч. ред. и предисл. В. Я. Тация, В. В. Сташиса; пер. с укр. В. Ю. Гиличенко. СПб., 2001.

¹⁵²Здесь и далее ссылки на УК Азербайджана приводятся по изданию: Уголовный Кодекс Азербайджанской Республики / Науч. ред., предисл. И. М. Рахимова. Перевод с азерб. Б. Э. Аббасова. СПб., 2001.

¹⁵³Здесь и далее ссылки на УК Киргизии приводятся по изданию: Новые законы Республики Таджикистан. Часть IX. Уголовно-процессуальный кодекс (изменения и дополнения). Уголовный кодекс (часть общая, часть особенная). Душанбе, 1998.

¹⁵⁴Здесь и далее ссылки на УК Казахстана приводятся по изданию: УК Казахстана от 16 июля 1997 года. М., 1997.

¹⁵⁵Здесь и далее ссылки на УК Киргизии приводятся по изданию: УК Киргизии от 18 сентября 1997 года. М., 1998.

¹⁵⁶Здесь и далее ссылки на УК Узбекистана приводятся по изданию: Уголовный Кодекс Республики Узбекистан / Вступит. ст. М. Х. Рустамбаева, А. С. Якубова, З. Х. Гулямова. СПб., 2001.

проведении деятельности в ущерб территориальной целостности государства как часть государственной измены.

Вместе с тем, в законодательстве стран СНГ можно найти нормы, отсутствующие в УК РФ и предусматривающие ответственность за деяния, которые способны выступать способом нарушения целостности государства, если совершаются по сепаратистским мотивам. К их числу следует отнести норму о преступлениях террористического характера: запрете захвата зданий, сооружений, средств сообщения и связи. В УК Казахстана (ст. 238) она изложена следующим образом: захват зданий, сооружений, средств сообщения и связи, иных коммуникаций или их удержание, соединенные с угрозой их уничтожения или повреждения, в целях понуждения государства, организации или граждан совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения захваченного. Норма аналогичного содержания предусмотрена ст. 292 УК Беларуси.¹⁵⁷ Те же функции выполняет ст. 324 УК Грузии, установившая ответственность за технологический терроризм, и ст. 330 УК Грузии, установившая ответственность за захват или блокирование объектов стратегического или особого значения в террористических целях.

Традиционными для стран Содружества и Балтии можно назвать нормы о защите границ. Ответственность за незаконное пересечение государственной границы установлена во всех странах Содружества и Балтии. Пожалуй, самым узким составом данного преступления является состав, закрепленный в ст. 81¹ УК Эстонии: «незаконное пересечение государственной границы Эстонской Республики или временной контрольной линии, сопряженное с неповиновением данному сотрудником пограничной охраны сигналу или приказу остановиться». Ни один другой закон не указывает в качестве обязательного признака состава наличие требования сотрудника пограничной охраны. Считаем, что оно и не требуется, а в ряде случаев и невозможно, когда речь идет о пересечении границы в

¹⁵⁷ Здесь и далее ссылки на УК Беларуси приводятся по изданию: Уголовный Кодекс Республики Беларусь / Науч. ред. Б. В. Волженкина; обзор. ст. А. В. Баркова. СПб., 2001.

неустановленном месте. В тоже время заслуживающим внимания является то обстоятельство, что Эстония, во-первых, отнесла данное преступление к посягательствам против государства (наряду с нарушением правил международных полетов и незаконным перемещением лица через государственную границу), а во-вторых, устанавливает ответственность за пересечение любой границы (как охраняемой, так и неохраняемой), а также за пересечение временной контрольной линии, что особенно важно в виду множества нерешенных проблем с определением статуса и положения границы. Кстати, не ограничивают предмет преступления исключительно охраняемой границей и другие страны – Латвия, Украина, Грузия, Таджикистан.

В странах СНГ и Балтии ответственность за пересечение границы также несколько варьируется. В частности, УК Латвии устанавливает ответственность только за пересечение границы без установленных документов (ст. 284), усиливая ее в случае повторного совершения преступления. УК Грузии карает любое незаконное пересечение государственной границы (ст. 344), усиливая наказание в случае совершения преступления группой лиц или с применением насилия. УК Украины подошел к описанию признаков состава преступления более казуистично, при этом, заметим, что в структуре Особенной части УК Украины выделена самостоятельная глава «преступления в сфере охраны государственной тайны, неприкосновенности государственных границ, обеспечения призыва и мобилизации». Украинский закон установил ответственность за «пересечение государственной границы Украины любым способом помимо пунктов пропуска через государственную границу Украины или в пунктах пропуска через государственную границу Украины, но без соответствующих документов или разрешения» (ст. 331). Аналогичным образом поступил и азербайджанский законодатель (ст. 319). Таджикистан определил рассматриваемый состав преступления близко к российскому варианту, установив в части первой ст. 335 ответственность за пересечение границы без

документов, а в части второй – за любое незаконное пересечение границы, совершенное по предварительному сговору группой лиц, организованной группой, с применением насилия или с угрозой его применения. Особенностью белорусского закона является то, что им предусмотрена административная преюдиция в основном составе незаконного пересечения Государственной границы, которая не требуется при наличии квалифицирующих признаков: совершение преступления лицом, ранее судимым за это преступление, должностным лицом или организованной группой. Из всех законов определенной особенностью отличается в рассматриваемом плане узбекский, согласно которому наказывается «выезд за границу или въезд в Республику Узбекистан или переход границы в нарушение установленного порядка»; особенностью обладают и квалифицирующие признаки данного состава: прорыв границы, совершение преступления по предварительному сговору группой лиц; совершение его должностным лицом выезд за границу которого требует специального согласования.

Если состав незаконного пересечения границы имеется во всех законах, то иные способы нарушения территориальной неприкосновенности знакомы не всем кодексам.

Так, вслед за нормами о незаконном пересечении границы в УК Украины и Эстонии помещены предписания относительно нарушения правил международных полетов. В УК Узбекистана, Азербайджана, Грузии, Таджикистана, Белоруссии, Казахстана, Киргизии они располагаются в главах о транспортных преступлениях, УК Латвии отказался от их криминализации.

Далее, УК Латвии, Таджикистана, в отличие от нормативных актов всех остальных стран, криминализировали такое деяние как нарушение режима государственной границы. При этом латвийский закон карает умышленное нарушение режима государственной границы, приграничного района, приграничной полосы, пунктов пограничного контроля или пунктов перехода

границы, совершенное повторно в течение года, а таджикский закон – те же деяния, совершенные повторно в течение года после наложения административного взыскания.

Особенностью латвийского, украинского, эстонского законов является наличие нормы об ответственности за организацию незаконного перемещения (переправления) лиц через государственную границу; при этом в качестве квалифицирующих признаков в законах установлено: совершение преступления повторно (Украина, Латвия), совершение преступления группой лиц по предварительному сговору (Украина), совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения (Эстония, Латвия), совершение преступления с применением или угрозой применения насилия (Эстония) совершение преступления в отношении «большого числа лиц, то есть более пяти в одном случае» (Латвия).

Наконец, предписания относительно ответственности за противоправное изменение государственной границы содержатся также не во всех законах. Это деяние криминализировали Азербайджан (раскрывая содержание состава аналогично российскому закону) и Грузия (не раскрывая содержание признаков состава преступления). При этом обращает внимание широкий перечень квалифицирующих признаков данного состава а в УК Грузии: совершение преступления группой лиц, применение или угроза применения насилия, неоднократность, наступление тяжких последствий.

Отражая современный взгляд на соотношение норм международного и национального права, практически все анализируемые законы включили в свое содержание и предписания относительно запрета агрессивной войны и ее пропаганды. В части регламентации ответственности за пропаганду агрессии в законодательстве обнаруживается два подхода. Некоторые государства не ограничивают объективную сторону пропаганды войны исключительно призывами. В частности УК Эстонии, предусмотрел в ст. 69 ответственность в виде лишения свободы сроком до восьми лет за пропаганду войны, в какой бы форме она не велась. Равным образом УК

Узбекистана определил в ст. 150 ответственность за пропаганду войны, «то есть распространение в любой форме взглядов, идей или призывов с целью вызвать агрессию одной страны против другой» и УК Белоруссии (ст. 123). УК Казахстана установил ответственность за пропаганду и публичные призывы к агрессивной войне (ст. 157). Остальные же законы (Латвия, Таджикистан, Азербайджан, Украина, Грузия) свели описание объективной стороны данного преступления до уровня публичных призывов. При этом Латвия и Украина криминализировали призывы не только к развязыванию агрессивной войны, но и к развязыванию военного конфликта. Неоднозначен подход законодателей стран СНГ и Балтии к определению квалифицирующих признаков данного преступления. Они отсутствуют в законах Латвии, Узбекистана, Украины. В тоже время в Таджикистане, Грузии, Азербайджане ими признается совершение призывов с использованием средств массовой информации или должностными лицами (Азербайджан), должностными лицами, занимающими государственные (Таджикистан) или государственно-политические должности (Грузия). Специфической чертой украинского закона является установление ответственности за изготовление материалов с призывами к совершению агрессии и к развязыванию военного конфликта в целях их распространения или непосредственно распространение этих материалов.

Относительно агрессии отличие законодательства стран СНГ и Балтии от российского УК заметно в следующем. Латвия объединяет в одну статью с санкцией от трех до двадцати лет лишения свободы все преступления против мира, «то есть планирование, подготовку вооруженной агрессии, развязывание ее, участие в ней, ведение агрессивной войны с нарушением обязательных для Латвийской Республики международных договоров, участие в общем плане или заговоре с целью совершения преступлений, указанных в настоящей статье». В тоже время Таджикистан, Украина, Узбекистан, Грузия, Белоруссия дифференцируют ответственность за преступления против мира, но в отличие от азербайджанского и казахского

законов (воспроизводящих российскую формулировку преступления), менее опасным считают планирование и подготовку войны, устанавливая за них наказание в виде лишения свободы сроком от семи (10, 12) до двенадцати (15, 20) лет; в то время как развязывание (по УК Узбекистана – начало) агрессивной войны карается более сурово, вплоть до смертной казни (Таджикистан, Узбекистан) или бессрочного лишения свободы (Грузия).

Подводя итог сравнительно-правовому анализу норм об ответственности за нарушение территориальной целостности и неприкосновенности государств, считаем необходимым отметить некоторые особенности зарубежного законодательства, отличающие его российского уголовного закона.

Во-первых, устанавливая ответственность за войну, зарубежное законодательство:

- 1) вполне оправданно, на наш взгляд, усиливает ответственность за призывы и иную деятельность по развязыванию войны против собственного государства или втягиванию собственного государства в войну;
- 2) справедливо устанавливает ответственность не только за призывы, но и иные формы пропаганды войны;
- 3) обоснованно криминализирует призывы не только к агрессивной войне, но и иным вооруженным конфликтам;
- 4) оправданно усиливает ответственность за развязывание войны.

Во-вторых, в плане регламентации ответственности за посягательства на территориальную целостность государства «изнутри», уголовное законодательство зарубежных стран:

- 1) обоснованно устанавливает систему норм об ответственности, включающую нормы о призывной, организационной деятельности и деятельности, непосредственно направленной на изменение территориального статуса государства;
- 2) справедливо устанавливает различный вариант квалификации действий по нарушению территориальной целостности государства, в

зависимости от того совершены ли они по заданию и в угоду иностранному государству или нет;

3) неоправданно включает в эту систему нормы о преступлениях против территориальной неприкосновенности иностранных государств.

Регламентируя ответственность за преступления, связанные с нарушением пограничного законодательства, УК зарубежных стран:

1) создают систему предписаний относительно запретов пересечения границы (включая нарушение правил международных полетов), организационной деятельности по незаконному пересечению границы, изменению границы, нарушению пограничного режима, (при этом последнее вряд ли оправданно);

2) справедливо криминализируют пересечение любой границы (охраняемой, неохраняемой, временной) и любым способом (как в неустановленном месте, так и с нарушением документации о переходе границы), а также создают ряд квалифицирующих признаков;

3) обоснованно выделяют в качестве самостоятельного состава организационную деятельность по незаконному пересечению государственной границы;

4) правильно рассматривают данные преступления как нарушение территориального верховенства государства.

Безусловно, краткий анализ законоположений иностранных государств относительно защиты их территориальной целостности и неприкосновенности не претендует на всесторонность, однако он позволяет нам увидеть некоторые сильные стороны законодательства и использовать их в выработке предложений по совершенствованию российского Уголовного Кодекса.

Глава II.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА ПО СОВРЕМЕННОМУ РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

§ 1. Ответственность за приобретение территории путем угрозы силой или ее применения

Запрет применения или угрозы применения силы для решения международных проблем, в том числе для приращения (расширения границ) территории и для решения территориальных споров, устанавливается, как было указано, в Уставе ООН, Декларации принципов международного права и иных международно-правовых документах. Становление этого принципа непосредственно связано с разработкой концепции ответственности за агрессию, как наиболее опасное международное преступление, так как «в агрессии одного государства против другого с целью захвата его территорий наиболее ярко проявляется территориальный элемент конфликта, поскольку основной целью такой агрессии и является изменения территориального status quo».¹⁵⁸

Ответственность за агрессию составляет главную отличительную особенность современного международного права в области ответственности. Ее противозаконность, как отмечает Стивен Р. Ратнер, является одной из фундаментальных норм современного международного права, а ее предотвращение – одна из главных задач Организации Объединенных Наций.¹⁵⁹

«В современных условиях угроза прямой военной агрессии в традиционных формах против Российской Федерации и ее союзников снижена благодаря позитивным изменениям международной обстановки, проведению нашей страной активного миролюбивого внешнеполитического

¹⁵⁸Клименко Б. М. Мирное решение территориальных споров. М., 1982. С. 12.

¹⁵⁹Стивен Р. Ратнер Агрессия. В кн.: Военные преступления. Это надо знать всем./ Под ред. Роя Гутмэна, Дэвида Рифа. Пер. с англ. О. А. Варшавер, С. Б. Ильина, Л. А. Резниченко. М., 2002. С. 26.

курса, поддержанию на достаточном уровне российского военного потенциала, прежде всего потенциала ядерного сдерживания, – отмечается в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 г., - Вместе с тем, сохраняются, а на отдельных направлениях усиливаются потенциальные внешние и внутренние угрозы военной безопасности Российской Федерации и ее союзников». При этом основные внешние угрозы определяются доктриной как: территориальные претензии к Российской Федерации; вмешательство во внутренние дела Российской Федерации; ввод иностранных войск в нарушение Устава ООН на территории сопредельных с Российской Федерацией и дружественных ей государств; создание, оснащение и подготовка на территориях других государств вооруженных формирований и групп в целях их переброски для действий на территориях Российской Федерации и ее союзников; нападения (вооруженные провокации) на военные объекты Российской Федерации, расположенные на территориях иностранных государств, а также на объекты и сооружения на государственной границе Российской Федерации, границах ее союзников и в Мировом океане и др.

Многие из указанных угроз с позиций международного и уголовного права могут быть охарактеризованы как агрессия. Агрессия, криминализация которой в отечественном законодательстве произошла только с вступлением в силу УК РФ 1996 года, относится к посягательствам, преступность которых устанавливалась изначально в международном праве. Учитывая международно-правовой аспект криминализации деяний, в современном отечественном уголовном праве стало традиционным выделение двух групп преступлений с международно-правовым элементом: преступлений против мира и безопасности человечества (международных преступлений) и преступлений международного характера.¹⁶⁰

¹⁶⁰См.: Карпец И. И. Международная преступность. М., 1988. С. 96 – 105; Наумов А. В. Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // Государство и право. 1995. № 6. С. 48 – 57 и др.

Разграничение этих групп преступлений друг от друга проводится по объекту, характеристике признаков объективной стороны, форме и содержанию вины. Основное же отличие заключается в том, что преступления против мира и человечества непосредственно связаны с международными преступлениями государств. Как справедливо замечает И. И. Карпец, «они возникли как своеобразная правовая реакция на действия политических лидеров и государственных органов, несущих угрозу человечеству».¹⁶¹

Понятие международного преступления государства неизвестно уголовному праву. Как пишет Ю. М. Рыбаков, специфика международного преступления коренится не в категориях уголовного права, а в политических отношениях между государствами, регулируемых нормами международного публичного права. Следовательно, понятие международного преступления государства является не уголовным, а международным публично-правовым понятием. «Осуществляя агрессию, т. е. действия, означающие посягательство на мир между народами и основные права субъектов международного права, равно как подрыв принципов мирного сосуществования и международного сотрудничества, государство - агрессор совершает международное преступление не по уголовному праву, а по международному публичному праву. Поэтому государства могут нести только международно-правовую ответственность в ее политической и материальной формах, а уголовную ответственность по международному праву несут лишь физические лица».¹⁶²

Учитывая это, следует отличать агрессию как международное преступление государства, и «агрессию» как международное преступление, совершаемое физическим лицом.¹⁶³ Первое является категорией международного права, а потому установление наличия факта агрессии

¹⁶¹Карпец И. И. Международная преступность. М., 1988. С. 97.

¹⁶²Рыбаков Ю. М. Вооруженная агрессия – тягчайшее международное преступление. М., 1980. С. 148.

¹⁶³Кавычки в обозначении преступления физического лица обусловлены тем, что собственно УК определяет его не как агрессию, а как планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны; термин «агрессия» в данном контексте условен и допустим лишь с позиций удобства оперирования терминологий.

является политическим, а не судебным решением. Субъектом, уполномоченным на принятие такого решения, является Совет Безопасности ООН. Согласно ст. 39 Устава Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Политическое решение Совета Безопасности является необходимым условием для квалификации действий отдельных физических лиц в качестве агрессии. Эта квалификация, являясь уже не политическим, а правовым решением, осуществляется судебными органами, причем, как было отмечено ранее, привлечение к ответственности физических лиц за агрессию выступает одним из видов и последствием политической ответственности государства – агрессора.

Подробный анализ соотношения международно-правовой и уголовной ответственности за совершение преступлений против мира и безопасности человечества не является задачей нашей работы. Отметим лишь, что привлечение субъекта-индивида к ответственности за преступление агрессии тесно связано с определением компетенции формирующегося Международного уголовного суда, решением вопроса о приоритетности норм международного права над национальными в том или ином государстве, а также определением пределов действия уголовного закона в национальном законодательстве.

Заметим, что в соответствии со ст. 1 Римского Статута Международного уголовного суда, последний, являясь постоянно действующим органом, уполномоченным осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, *дополняет* национальные органы уголовной юстиции. Учитывая, что в большинстве стран мира, в том числе и в России, уголовное законодательство закрепляет среди положений относительно определения пределов действия УК нормы о квалификации по

УК страны действий всех ее граждан, невыдаче граждан иностранному государству (принцип гражданства), квалификации по УК страны действий любых лиц, направленных против интересов данной страны (реальный принцип), квалификации по УК страны международных преступлений, совершенных в любом месте любым лицом (универсальный принцип), то становится очевидным, что в деле реализации ответственности физических лиц за международные преступления приоритет отдается национальной юрисдикции государства (как нам представляется, в первую очередь государства гражданства обвиняемого, затем государства потерпевшего и в последнюю очередь государства места нахождения обвиняемого). Лишь в случае если государство не реализует (полностью либо добросовестно) своего права суда в отношении обвиняемого, совершенное им преступление подпадает под юрисдикцию международного судебного органа. Как отмечает украинский исследователь М. В. Буроменский «приоритет в привлечении к уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию международного уголовного трибунала, отдан государствам и лишь при их неспособности или нежелании привлекать виновных, а также в случае отказа государства от осуществления национальной юрисдикции возможно действие международной уголовно-правовой юрисдикции. Однако сам факт возможности требования выдачи в случае неспособности или нежелания государств привлекать виновных к уголовной ответственности свидетельствует о приоритете принципа неотвратимости наказания за совершение международных преступлений над принципом национальной уголовно-правовой юрисдикции».¹⁶⁴

Очевидно, что, осуществляя национальную юрисдикцию в отношении лица, обвиняемого в агрессии, государство применяет свое внутреннее право. Учитывая, что всесторонний анализ вопроса о соотношении норм международного и национального уголовного права не является задачей

¹⁶⁴Буроменский М. В. Значение международной уголовно-правовой юрисдикции в борьбе с организованной преступностью // <http://www.harcentr.kharkiv.edu/naissl/Buromensky2.html>

настоящей работы,¹⁶⁵ заметим, что в России он должен решаться на основании положений Конституции и УК РФ. Во-первых, ст. 15 Конституции РФ определила, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы и обладают приоритетом над национальными правовыми предписаниями. Во-вторых, ст. 1 УК РФ установила, что все новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат обязательному включению в Кодекс. Анализируя эти предписания, юристы, на наш взгляд, справедливо говорят о том, что все нормы международного права, устанавливающие преступность того или иного общественно опасного деяния, должны быть включены непосредственно в текст УК РФ,¹⁶⁶ что международно-правовые нормы должны включаться в текст УК РФ одним и тем же законом – законом о ратификации международного договора.¹⁶⁷

В этой связи наличие в тексте УК РФ ст. 353 является не только результатом реализации конституционных предписаний, но и создает реальные возможности национальным судам осуществлять свою юрисдикцию в отношении любых лиц, виновных в агрессии против России или иного другого государства, а также граждан России, виновных в агрессии.

Норма об ответственности за агрессию помещена в главу о преступлениях против мира и безопасности человечества. «Общественная опасность планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны, - пишет В. П. Малков, - заключается в том, что это ведет к нарушению мирного сосуществования народов и государств, к непредсказуемым человеческим жертвам и неоправданным материальным затратам, к

¹⁶⁵По данному вопросу см.: Трунцевский Ю. В. Нормы международного права как источник российского уголовного права. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995; Шибков О. Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000.

¹⁶⁶Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 162; Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. СПб., 2003. С. 99.

¹⁶⁷Кибальник А. Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. СПб., 2003. С. 191.

неимоверным страданиям мирного населения, в том числе женщин и детей, к разрушению или уничтожению народно-хозяйственных объектов, архитектурных памятников и культурных ценностей».¹⁶⁸

Исходя из социальной направленности преступления и местоположения соответствующей нормы в структуре УК, в науке определяется его объект. Исходя из четырехзвенной «вертикальной» классификации объектов (общий – родовой – видовой – непосредственный),¹⁶⁹ определим содержание родового и видового объектов агрессии.

Согласно действующему уголовному законодательству содержание родового объекта едино для всех международных преступлений, закрепленных в Главе 34 УК; им выступают общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества. Такая формулировка сложилась не сразу. В науке международного и уголовного права предлагались и иные варианты определения родового объекта данной группы преступлений. Так, Д. Б. Левин рассматривал международные преступления как посягательства на свободу народов мира либо интересы всего прогрессивного человечества, на коренные основы международного общения, на права и интересы всех государств.¹⁷⁰ П. С. Ромашкин говорил, что эти преступления являются посягательством на основы международных отношений.¹⁷¹ М. И. Лазарев считает, что это – преступления, посягающие на независимость каждого народа и мирные отношения между народами.¹⁷² Л. А. Моджорян полагает, что преступления этого рода есть посягательство на само существование государств и нации.¹⁷³ А. Н. Трайнин считал их

¹⁶⁸Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 781.

¹⁶⁹По нашему мнению, непосредственный объект – есть объект реально совершенного преступления, видовой объект – вид отношений, охраняемых нормой Особенной части УК, родовой объект – группа отношений, охраняемых главой Особенной части УК, общий объект – совокупность всех охраняемых УК отношений. В отличие от получившей в последнее время распространение точки зрения, мы не считаем, что появление разделов в структуре Особенной части привело к формированию нового типа (вида) объекта преступления.

¹⁷⁰Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966. С. 39.

¹⁷¹Ромашкин П. С. К вопросу о понятиях и источниках международного уголовного права // Советское государство и право. 1948. № 3. С. 26.

¹⁷²Лазарев М. И. Империалистические военные базы на чужих территориях и международное право. М., 1963. С. 178.

¹⁷³Моджорян Л. А. Субъекты международно-правовой ответственности // Советское государство и право. 1969. № 12. С. 122

преступлениями против человечества.¹⁷⁴ Так, Л. Н. Галенская указывает, что преступления против мира, человечности и военные преступления «имеют единый объект посягательства — всеобщий мир; все они представляют собой действия, непосредственно нарушающие мирные отношения между отдельными государствами или могущие создать угрозу международной безопасности».¹⁷⁵ Ю. А. Решетов указывает, что «поскольку международные правонарушения, независимо от конкретного объема ущерба, ими вызываемого, направлены против нормальных отношений государств или других элементов правопорядка, эти правонарушения подрывают, в той или иной мере, сам международный правопорядок», который и является, по его мнению, общим объектом международного правонарушения (в том числе и преступления).¹⁷⁶ Его поддерживает А. Г. Кибальник, указывая, что общим объектом всех преступлений в международном уголовном праве является мировой правопорядок, как совокупность всех благ и интересов, охраняемых системой международного права в целом.¹⁷⁷ Воспроизводит эту точку зрения и Р. А. Адельханян.¹⁷⁸ В. В. Каболов указывает, что международные преступления посягают «на основы международного правопорядка, установившиеся международные отношения, важнейшие общепризнанные интересы мирового сообщества, установленные международными договорами ... и национальным законодательством».¹⁷⁹

Список разночтений в определении родового объекта международных преступлений можно было бы продолжить, но задача состоит не в этом; необходимо определить его содержание в соответствии с положениями закона. Рассуждая о необходимости точного определения объекта международного преступления, Ю. А. Решетов указывал, что «проблема точного определения непосредственного объекта международных

¹⁷⁴Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. М., 1969. С. 24, 32.

¹⁷⁵Галенская Л. Н. Международные преступления и международно-правовая ответственность // Правоведение. 1965. № 1. С. 168.

¹⁷⁶Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. С. 21.

¹⁷⁷Кибальник А. Г. Введение в международное уголовное право. Ставрополь, 2001. С. 145.

¹⁷⁸Адельханян Р. А. Преступность деяния по международному уголовному праву. М., 2002. С. 10 – 11.

¹⁷⁹Каболов В. В. Преступления против мира и безопасности человечества. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. С. 14.

правонарушений имеет настолько основополагающий характер, что сама категория международных преступлений, являющаяся видовой по отношению к родовой категории международных правонарушений, появилась в результате выделения из многообразного количества объектов международных правонарушений тех из них, которые имеют особое значение для международного сообщества».¹⁸⁰

УК РФ, как было отмечено, называет объектом международных преступлений мир и безопасность человечества.

В большинстве источников «положительное» определение мира не приводится, он определяется через свой антипод – войну. Так, О. Ю. Молибога пишет: «мир человечества как охраняемое благо представляет собой такое состояние, которое характеризуется отсутствием фактических военных действий как таковых».¹⁸¹ Аналогичной точки зрения придерживается В. М. Варгян, указывая: «под миром человечества понимается такое состояние между государствами – субъектами международного права, которое характеризуется отсутствием фактических военных действий между ними».¹⁸²

Однако следует признать неудачность подобных определений, не раскрывающих сущности определяемого понятия. Подходов иного рода в науке не так много. В частности, бельгийский профессор Дотрикур приходит к выводу, что мир — это всемирный публичный порядок, посредством которого и путем использования международных организаций и правовых актов, основанных на этических соображениях и имеющих целью достижение общего блага человечества, народы и государства могут решать конфликты и противодействовать злоупотреблению властью.¹⁸³ Ю. А. Решетов указывает, что «международные блага типа мира и безопасности

¹⁸⁰ Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. С. 28.

¹⁸¹ Молибога О. Ю. Уголовная ответственность за наемничество. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 13.

¹⁸² Варгян В. М. Уголовная ответственность за геноцид. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 12.

¹⁸³ Цит. по: Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. С. 29 – 30.

определяются в юридическом плане как система добрососедских отношений между государствами, построенных на принципах мирного сосуществования, таких как суверенное равенство, неприменение силы, нерушимость границ, территориальная целостность, мирное урегулирование споров, невмешательство, уважение прав человека, самоопределение народов, сотрудничество и добросовестное выполнение международных обязательств».¹⁸⁴ С последним определением, на наш взгляд, вполне можно согласиться, учитывая, что оно включает в себя указание на принципы международного права, признанные ООН, само существование которой подчинено задаче обеспечения мира.

Что касается безопасности человечества, то в его определении необходимо отталкиваться от нормативного понятия безопасности. Согласно Закону «О безопасности» от 05. 03. 1992 г. (с посл. изм.) под безопасностью следует понимать состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.¹⁸⁵ Правовой системе России известно понятие национальной безопасности, под которой согласно Концепции национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ 17. 12. 1997 г. (с посл. изм.), следует понимать безопасность (то есть состояние защищенности) ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации. Понятие безопасности человечества является производным от понятия безопасности. Под безопасностью человечества следует понимать определенную совокупность общественных отношений, регулирующих и поддерживающих состояние защищенности человечества в целом от любых угроз (политических, военных, генетических, экологических и др.), посягающих на его жизненно важные интересы, то есть такое состояние, которое является достаточным для его нормального (под нормой здесь следует понимать соответствие принципам международного права) функционирования.

¹⁸⁴Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. С. 30.

¹⁸⁵Российская газета. 1992. 6 мая.

В науке уголовного права не получил должного освещения вопрос о соотношении понятий мир и безопасность человечества. Некоторый намек на его освещение содержится в работе В. В. Каболова, который ставит между данными понятиями не только соединительные союз «и», но и разделительный «или» - «преступления против мира и (или) безопасности человечества»,¹⁸⁶ предполагая, по-видимому, наличие преступлений, которые посягают на безопасность человечества, не затрагивая и не нарушая мира. С таким решением вполне можно согласиться, учитывая, к примеру, что осуществление актов геноцида вполне возможно в отсутствие военных действий; об этом прямо говорит ст. 1 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (1948 г.): «геноцид независимо от того, совершается он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права».¹⁸⁷ Однако это не предрешает вопроса о соотношении понятий мир и безопасность человечества. На наш взгляд, в решении этого вопроса следует исходить из того, что мир, строго говоря, - есть состояние безопасности человечества от военной угрозы. Иными словами, мир – есть «часть», «сегмент», «вид» безопасности человечества.

С этих позиций мы можем оценить наименование главы 34 УК как не вполне логичное и корректное. Заметим, что в некоторых зарубежных странах аналогичные главы именуется иначе. Так, в Польше – это преступления против мира, человечности и военные преступления; в Йемене – преступления против мира и человечества; во Франции – преступления против человечества. Мы полагаем, что адекватным наименованием соответствующей главы УК РФ может стать следующее: «Преступления против безопасности человечества». Такое наименование, с которым согласилось 53% опрошенных респондентов, придаст классификации

¹⁸⁶Каболов В. В. Преступления против мира и безопасности человечества. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. С. 14.

¹⁸⁷Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 09. 12. 1948 г. В кн.: Кибальник А. Г. Преступление и ответственность в международном уголовном праве. Ставрополь, 2002. С. 183.

международных преступлений¹⁸⁸ завершенный вид, снимет вопрос о соотношении родового и видового объектов анализируемого преступления агрессии, поскольку одна и та же группа общественных отношений – «мир» не может фигурировать одновременно в качестве родового (в главе) и видового (в статье) объектов.

Видовым объектом агрессии является мир. Это следует из положений Устава Нюрнбергского трибунала, Принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в решении этого трибунала, а также поддерживается всеми без исключения юристами. Так, Н. Ф. Кузнецова указывает, что объектом агрессии выступают «основы мира, то есть мирного взаимодействия государств при решении любых проблем, исключаящего какое-либо насилие».¹⁸⁹ В. Д. Иванов определяет им «мирное сосуществование государств и мир между народами».¹⁹⁰ Понятие мира было раскрыто нами ранее. И как было показано, к числу его основ международное сообщество относит территориальную неприкосновенность и нерушимость границ государств, а потому и посягательства на них принадлежат к группе преступлений против мира.

Преступления против мира были впервые определены в ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала, который признал ими: планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений; участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из этих действий.¹⁹¹ Сопоставляя этот перечень с характеристикой деяния, зафиксированного в ст. 353 УК РФ, нетрудно заметить, что в последней отсутствует указание на: 1) планирование, подготовку, развязывание и

¹⁸⁸Мы вполне согласны с классификацией международных преступлений, изложенной в Уставе Нюрнбергского трибунала, на преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

¹⁸⁹Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учебник для вузов / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 2002. С. 353.

¹⁹⁰Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под ред. В. Д. Иванова. Ростов-на-Дону, 2002. С. 499.

¹⁹¹Ответственность за военные преступления и преступления против человечества (сборник документов). М., 1969. С. 29.

ведение войны в нарушение международных оговоров соглашений и заверений; 2) участие в общем плане или заговоре, направленных на планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений. Такое несоответствие требует пояснения.

В первую очередь, необходимо выяснить соотношение понятий «агрессивная война» и «война в нарушение международных договоров». Сегодня в рамках международного права существует два совершенно различных аспекта рассмотрения войны: с точки зрения ее причины и с точки зрения того, как она ведется. Относительно причин войны, можно утверждать, что современное международное право запрещает любую войну, любое применение силы, если только оно не связано с само – или коллективной обороной от агрессии. Такой вывод следует из анализа положений Устава ООН (1945 г.), Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (1970 г.), Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.), Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях (1987 г.) иных документов. Однако, допуская силу лишь в качестве средства отпора агрессии, международное сообщество и в этом случае накладывает на обороняющихся определенные обязанности по соблюдению правил и обычаев ведения войны, несоблюдение которых может быть квалифицировано как преступление. Сам по себе факт агрессии или оборонительной войны нельзя рассматривать как ведение войны в нарушение международных договоров. Как справедливо замечает Карма Набулси, «теоретические можно нарушать все и всяческие правила и при этом вести справедливую войну или, напротив, вести войну несправедливую, неукоснительно придерживаясь всех норм, регулирующих вооруженный

конфликт».¹⁹² Таким образом, на наш взгляд, сегодня между понятиями «агрессия» и «война в нарушение международных договоров» установлено четкое и принципиальное различие: агрессия – это война, начатая в нарушение правил относительно начала войн; война в нарушение международных договоров – это война, начатая на законном основании, но ведущаяся с несоблюдением установленных правил.

При таком понимании войны в нарушение международных договоров попытаемся оценить отсутствие упоминание о ней в ст. 353 УК РФ. Если война в нарушение международных договоров – это нарушение правил и обычаев ведения войны,¹⁹³ то, очевидно, что из разряда преступлений против мира она перерастает в разряд так называемых военных преступлений. Под ними обычно понимают нарушения права войны или международного гуманитарного права, за совершение которых конкретные лица несут уголовную ответственность.¹⁹⁴ Категорию «военных преступлений» вряд ли можно отнести к числу достаточно разработанных категорий в отечественном законодательстве, в отличие, например, от белорусского уголовного закона. Однако, учитывая, что их разработка представляет собой предмет самостоятельного научного анализа, ограничимся лишь утверждением, что совершение собственно военных преступлений (нарушения правил и обычаев ведения войны) и их планирование (планирование, подготовка, развязывание и ведение войны в нарушение международных договоров) – несколько разные явления, отличающиеся и содержанием действий, и субъектами их исполнения, и объектом. С одной стороны, вполне возможно применение теории соучастия для привлечения к ответственности лиц, виновных в планировании и подготовке военных преступлений. Но с другой стороны,

¹⁹²Карма Набулси *Jus ad bellum / jus in bello*. В кн.: Военные преступления. Это надо знать всем./ Под ред. Роя Гутмэна, Дэвида Рифа. Пер. с англ. О. А. Варшавер, С. Б. Ильина, Л. А. Резниченко. М., 2002. С. 464.

¹⁹³Вряд ли можно полагать, что война в нарушение международных договоров – это нарушение при помощи военной силы мирных договоров между государствами; равно как нельзя рассматривать войну в нарушение международных договоров как военные действия против государства, начатые в нарушение правил начала войны, поскольку международное право запрещает всякое начало войны (если это не само – или коллективная оборона).

¹⁹⁴См.: Стивен Р. Ратнер *Военных преступлений категории*. В кн.: Военные преступления. Это надо знать всем. / Под ред. Роя Гутмэна, Дэвида Рифа. Пер. с англ. О. А. Варшавер, С. Б. Ильина, Л. А. Резниченко. М., 2002. С. 26.

повышенная общественная опасность этих действий и их специфический объект – мир человечества, позволяют выделить их в качестве самостоятельного состава преступления. При этом следует, однако, иметь в виду, что при описании объективной стороны данного преступления необходимо воздержаться от указания на развязывание войны в нарушение международных договоров, поскольку развязывание – это действия, состоящие в начале осуществления актов войны, запрет которых относится не к праву ведения войны, а к праву ее начала; иными словами, развязана может быть только агрессивная война, а война в нарушение международных договоров может лишь планироваться, подготавливаться или вестись. Полагаем, что сказанное дает основания для выдвижения предложений по совершенствованию российского уголовного законодательства в части криминализации планирования, подготовки или ведения войны в нарушение международных договоров (с этим предложением согласилось 60% опрошенных респондентов).

В продолжение вопроса заметим, что в некоторых странах (Латвия) в уголовно-правовой норме об агрессии говорится о «ведении агрессивной войны с нарушением обязательных для Латвийской Республики международных договоров». Считаем, что такое уточнение не вполне корректно и не соответствует международным нормам, поскольку получается, что норма уголовного закона вполне допускает агрессивную войну с соблюдением международных договоров государства, но не преследует сам факт подготовки и ведения агрессивной войны.

Что касается предусмотренного в международных документах состава участия в общем плане или заговоре для совершения агрессии, то отечественная наука этот признак оценивает неоднозначно. Так, А. Г. Кибальник полагает, что «в силу отсутствия конкретного юридического содержания этих форм поведения и их направленности на обеспечение иных действий, образующих объективную сторону агрессивной войны, представляется, что наличие заговора или «общего» плана (в отличие от

планирования как деятельности) является скорее приготовлением к совершению этого преступления».¹⁹⁵ В тоже время С. С. Беляев считает, что такой «заговор» является еще и соучастием особого вида.¹⁹⁶ Соучастием признает общий заговор и П. С. Ромашкин: «заговор, составившийся для совершения преступлений против мира и военных преступлений, отличается от заговора в понимании национального уголовного права, прежде всего, составом заговорщиков, представляющих руководящее ядро государства или даже нескольких государств. ... Заговор представляет собой наиболее опасную форму соучастия в подготовке и совершении преступлений. И это вполне понятно: заговор не простое соучастие нескольких преступников, а преступная организация, специально созданная для совершения преступлений, с подробно разработанным планом действий, с распределением ролей и функций, с системой подчинения единому руководящему центру. Самый факт существования такой организации представляет собой серьезную общественную опасность».¹⁹⁷

Действительно, если рассматривать преступление агрессии как проявление организованной преступной деятельности, то можно провести определенные параллели между «участием в общем плане и заговоре» и участием в объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для совершения тяжких и особо тяжких преступлений (ст. 210 УК РФ). Но поскольку УК рассматривает участие в объединении организаторов преступных групп как исполнительские действия, то согласно все той же параллели, участие в общем плане и заговоре следует рассматривать также как исполнительские действия. В тоже время вряд ли можно согласиться с квалификацией участия в заговоре как приготовления к агрессии. Участие в общем плане и заговоре всегда выражается в конкретных действиях либо по планированию, либо по подготовке, либо по развязыванию, либо по ведению

¹⁹⁵Кибальник А. Г. Введение в международное уголовное право. Ставрополь, 2001. С. 173.

¹⁹⁶Беляев С. С. Конституция Российской Федерации и международное уголовное право //Вестник Московского университета. Сери 11. Право. 1995. №3. С. 69.

¹⁹⁷Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М., 1967. С. 228.

войны, в соответствии с тем, какую роль и на каком этапе преступной деятельности будет выполнять участник заговора. Исходя из этого, мы полагаем, что участие в общем плане и заговоре, направленном к осуществлению агрессии, следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 353 УК без ссылок на нормы УК о неоконченном преступлении или соучастии. В силу этого отсутствие в ст. 353 УК РФ указания в качестве признака состава агрессии на участие в общем плане или заговоре к совершению агрессии, не является пробелом законодательства и соответствует российской уголовно-правовой традиции.

Переходя к рассмотрению признаков состава преступления агрессии, следует определить само данное понятие. Современное его понимание дано в резолюции 1314 Генеральной Ассамблеи ООН от 14. 12. 1974 г. «Определение агрессии», принятой по докладу шестого специального комитета (А/9890).¹⁹⁸ В соответствии с ней «агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций».

Примерный, неисчерпывающий перечень действий, квалифицируемых как агрессия,¹⁹⁹ приводится в этой же резолюции:

1. вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она не носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее;

2. бомбардировка вооруженными силами одного государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;

¹⁹⁸См.: Донской Д. Агрессия – вне закона. Об общепризнанном определении агрессии. М., 1976. С. 132 – 135.

¹⁹⁹Невозможно согласиться с мнением Н. И. Костенко, который называет эти действия «квалифицирующими признаками акта агрессии», поскольку они являются альтернативными конститутивными признаками агрессии. См.: Костенко Н. И. Международный уголовный суд. М., 2002. С. 98.

3. блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;

4. нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы, морские и воздушные флоты другого государства;

5. применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения;

6. действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;

7. засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп и регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них.

Как было отмечено, указанный перечень действий не является исчерпывающим и может быть расширен согласно положениям Устава ООН Советом Безопасности этой организации.

Приведенный список действий, с точки зрения содержания принципа территориальной целостности и неприкосновенности, содержит указание на нарушение нескольких его положений. Действия 1 – 4, 7 являются нарушением положения о запрете приобретения чужой территории посредством угрозы или применения силы; действие 5 – нарушает положение о запрете использования территории чужого государства без согласия ее территориального суверена. Эти действия могут совершаться государством – «непосредственным» агрессором как самостоятельно, так и при поддержке иных государств. Определенной спецификой обладает действие 6; оно возможно лишь при условии, что агрессивные действия совершаются как

минимум двумя государствами: с одной стороны, государство, предоставившее свою территорию для агрессивных действий другого государства, нарушает положение о запрете использования своей территории таким образом, что в результате этого причиняется ущерб территориальной неприкосновенности другого государства; с другой стороны, государство, использующее территорию другого государства для реализации своих агрессивных планов, может совершать в процессе такого использования действия 1- 4, 7.²⁰⁰

Итак, агрессия – есть, прежде всего, применение силы одним государством против другого. Однако, учитывая содержание статьи 8 упомянутой Резолюции ООН, согласно которой «при их толковании и применении изложенные выше положения являются взаимосвязанными, и каждое положение должно рассматриваться в контексте всех других положений», следует согласиться с мнением Д. Донского о том, что «отнюдь не всякое применение вооруженной силы должно квалифицироваться как агрессия, а лишь такое, которое конкретизировано и по объему и по форме в других статьях определения».²⁰¹

Можно выделить несколько критериев, позволяющих квалифицировать применение силы в качестве акта агрессии.

Во-первых, в компетенции Совета Безопасности не признавать факт применения силы агрессией. Согласно ст. 2 резолюции он вправе в соответствии с Уставом сделать вывод, что «определение о том, что акт агрессии был совершен, не будет оправданным в свете других соответствующих обстоятельств, включая тот факт, что соответствующие акты или их последствия не носят достаточно серьезного характера». Таким образом, применение силы должно носить «достаточно серьезный характер»,

²⁰⁰Как указывает Д.Донской, «по существу, в этом пункте определения формулируется положение о конкретной форме соучастия в агрессии, выражающейся в предоставлении территории основному исполнителю агрессивного акта. Такое пособничество квалифицируется в определении как равносильное совершению акта агрессии, а следовательно, и влекущее все последствия такого акта, включая возможность для жертвы агрессии воспользоваться правом на самооборону». См.: Донской Д. Агрессия – вне закона. Об общепризнанном определении агрессии. М., 1976. С. 107.

²⁰¹Донской Д. Агрессия – вне закона. Об общепризнанном определении агрессии. М., 1976. С. 55.

иными словами реально угрожать территориальной целостности и политической неприкосновенности государств. Это не должны быть, к примеру, пограничные инциденты: небольшие столкновения пограничной охраны, преднамеренное нарушение государственной границы, уничтожение, повреждение или перемещение пограничных знаков и т. д. «Такие конфликты накаляют обстановку на границе и нередко это приводит к ситуации угрозы применения силы, когда в пограничных областях начинают концентрироваться войска, а в средствах массовой информации появляются заявления о неизбежности войны или даже требования вооруженного решения территориального спора».²⁰² Однако они относятся к сравнительно мелким, не создающим права на применение силы в качестве средства самообороны и не могущим быть квалифицированы как агрессия. Отличительная особенность агрессии ее исключительная общественная опасность. Не случайно в приговоре Нюрнбергского Международного Военного Трибунала с полным основанием провозглашено, что «развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что оно содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных».²⁰³

Следующий важный признак агрессии состоит в характеристике ее субъекта, которым может выступать исключительно государство. «Международное право строго отграничивает внутренние конфликты (гражданские войны) от международных конфликтов (войн между государствами). Борьба внутри одного государства, гражданская война, не может рассматриваться как агрессия. Зато вмешательство одного государства во внутренние конфликты, в гражданскую войну, происходящую в другом государстве, с полным основанием квалифицируется как агрессия».²⁰⁴ Вопрос

²⁰²Клименко Б. М. Мирное решение территориальных споров. М., 1982. С. 15.

²⁰³См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961. Т. VII. С. 327.

²⁰⁴Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М., 1967. С. 30.

о субъекте агрессии имеет принципиальное значение для оценки действий чеченских бандформирований на территории Чечни и иных субъектах России. Н. Ф. Кузнецова справедливо утверждает, что «внутригосударственные конфликты, например, в Чечне – субъекте Российской Федерации, ... не носят международного характера. Совершенные в ходе таких конфликтов преступления – убийства, захват заложников, диверсии, террористические акты и т. д. – квалифицируются как общеуголовные внутригосударственные преступления».²⁰⁵ С другой стороны, Б. Г. Манов и Г. В. Кирсанов утверждают, что «руководители чеченских бандформирований виновны, прежде всего, в том, что участвуют в «общем плане» или «заговоре», направленных против самой Чечни как субъекта Российской Федерации, так и других ее составных частей, в частности, против Дагестана. Они участвуют в ваххабитском заговоре, направленном против территориальной целостности Российской Федерации. Это проявляется в засылке в Чечню наемников, поставках оружия, прямом финансировании из-за рубежа».²⁰⁶ Мы полагаем, что в определении действий чеченских бандформирований как агрессии следует быть весьма корректным, и не только потому, что Чеченская Республика является частью РФ, а конфликт в ней – внутригосударственным. Дело в том, что, как известно, определение факта совершения акта агрессии относится к исключительной компетенции Совета Безопасности ООН (ст. 39 Устава ООН). А потому без соответствующего решения этой организации все рассуждения о квалификации действий бандформирований по международному праву как агрессии, не будут носить правового характера. Экстремистская деятельность ваххабитских организаций официально не признана международным сообществом актом агрессии, так как помимо прочего, она не направлена на какое-либо конкретное государство, и с точки зрения международного права стоит гораздо ближе к терроризму или геноциду, нежели к агрессии. А

²⁰⁵Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учебник для вузов / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 2002. С. 354.

²⁰⁶Манов Б. Г., Кирсанов Г. В. Противоправность действий чеченских бандформирований с точки зрения международного и внутригосударственного права //Журнал Российского права. 2000. №8. С. 10.

потому квалификация действий чеченских бандформирований как участие в общем плане и заговоре с целью агрессии представляется не обоснованной, ни формально, ни по существу.

Еще один признак агрессии – первенство в применении силы. Статья 2 определения агрессии устанавливает, что «применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава является *prima facie*²⁰⁷ свидетельством акта агрессии». Как указывает П. С. Ромашкин «исключительно важный элемент советского определения агрессии — признание принципа, согласно которому любое государство, которое первое под любым предлогом и по любым мотивам развяжет войну, т. е. первым совершит перечисленные в определении действия, должно быть объявлено агрессором со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как видно, в основу определения агрессии положен предельно ясный и единственно правильный критерий, который нашел полное признание в международном праве».²⁰⁸ Однако следует иметь в виду, что принцип первенства не является автоматически действующим, он приобретает характер решающего фактора лишь в том случае, если Совет Безопасности не вынесет в соответствии с возложенными на него по ст. 39 Устава полномочиями иного решения.

В связи с принципом первенства в определении агрессии Стивен Р. Ратнер пишет, что «определение является в некотором смысле чрезмерно ограничительным, а возможно, и ошибочным, поскольку применению силы государством вооруженной силой первым, если оно осуществлялось без нарушения Устава, не может считаться агрессией. ... Некоторые правоведы и правозащитники выступают также в защиту более широкого права на не санкционированную ООН интервенцию с целью предотвратить широкомасштабные нарушения прав человека».²⁰⁹

²⁰⁷ Дословно: «на первый взгляд; относящийся к доказательствам, представляющимся достаточными, если они не опровергнуты или не оспорены». См.: Латинские юридические изречения / Сост. и авт. предисл. Е. И. Темнов. М., 2003. С. 304.

²⁰⁸ Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М., 1967. С. 30.

²⁰⁹ Стивен Р. Ратнер Агрессия. В кн.: Военные преступления. Это надо знать всем. / Под ред. Роя Гутмэна, Дэвида Рифа. Пер. с англ. О. А. Варшавер, С. Б. Ильина, Л. А. Резниченко. М., 2002. С. 26.

Приведенное высказывание следует рассматривать как отголоски имевшей место при обсуждении определения агрессии теории агрессивного намерения в качестве признака агрессии, которой придерживались представители некоторых западных держав. Как известно, советская делегация на всех международных форумах высказывалась резко против него, что нашло поддержку и в отечественной науке. Так, П. С. Ромашкин указывал, что «принятие принципа, согласно которому агрессором считается государство, первым напавшее на другое государство, создает действенный критерий для определения агрессии и принятия мер по борьбе с ней».²¹⁰ Д. Донской подчеркивал, что подмена принципа первенства критерием агрессивного намерения означала бы «легализацию превентивного применения вооруженной силы» и приводило бы «к практической невозможности разграничения агрессивных действий и мер, предпринимаемых в порядке обращения к самообороне».²¹¹ «Короче говоря, - заключал Ю. А. Решетов, - позиция западных держав облегчала положение агрессора и создавала для него аргументы, которые он мог бы использовать для прикрытия своих подлинных намерений».²¹²

Однако, учитывая, что первенство в применении силы самой резолюцией ООН не признается абсолютно достаточным критерием для характеристики нападения как агрессии, а также принимая во внимание, что применение силы допускается Уставом ООН, отечественная наука предложила в качестве одного из критериев агрессии еще один признак, непосредственно связанный с предыдущим, являющийся необходимым для оценки применения силы одним государством против другого в качестве агрессии. Речь идет о том, что это применение силы должно быть осуществлено «в нарушение Устава ООН», вопреки нему. Как указывает Д. Донской «суть слов «в нарушение Устава» ... состоит в том, что применение вооруженной силы, независимо от хронологической последовательности событий, не может быть

²¹⁰Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М., 1967. С. 32.

²¹¹Донской Д. Агрессия – вне закона. Об общепризнанном определении агрессии. М., 1976. С. 75.

²¹²Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. С. 86.

квалифицировано как агрессия, если основано на соответствующих положениях Устава и государство прибегает к вооруженным действиям в порядке, например, осуществления принудительных мер Совета Безопасности по реализации права на коллективную самооборону».

Заметим, что Устав ООН в главе VII допускает (в том числе и превентивное) применение силы исключительно в качестве средства коллективной или самообороны для предотвращения любой угрозы международному миру и безопасности человечества. Однако современная международная практика вносит свои коррективы в понимание агрессии. Необходимость защиты человечества от ядерной угрозы и иного оружия массового поражения, обязательства государств перед своими гражданами по всемерной защите и охране, потребности в борьбе с международным терроризмом дают Совету Безопасности ООН все больше возможностей для непризнания превентивных военных действий в качестве агрессивных. Основанием для такого непризнания выступают «намерения» государств, применяющих силу. Если они не связаны с территориальными приобретениями, посягательствами на политическую или иную независимость, они не могут быть расценены как агрессия. Таким образом, признак агрессивного намерения сегодня вполне может быть квалифицирован в качестве необходимого признака состава агрессии; его вполне можно рассматривать в качестве субъективного содержания такого признака как «в нарушение Устава». «Первоначальное применение вооруженной силы, - пишет Д. Донской, - предполагает наличие агрессивного намерения в действиях нападающей стороны, которая может освободиться от ответственности только представлением доказательств своей невиновности. Тем самым сохраняется механизм применения права государства на самооборону, в частности право пострадавшего государства самому и только на основе принципа первенства оценивать факт вооруженного нападения и выбирать по своему усмотрению момент начала самооборонительных

действий. В то же время ст. 2 определения позволяет Совету Безопасности в порядке осуществления им своих дискреционных полномочий осуществить контрольную оценку вооруженного конфликта, используя при этом как критерий первенства, так и критерий агрессивного намерения. Очень важно при этом, что наличие агрессивного намерения не само по себе свидетельствует о наличии акта агрессии, но лишь в сочетании с принципом первенства».²¹³

Итак, агрессия может быть определена как применение с агрессивным намерением, в нарушение Устава ООН, вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства.

Объективная сторона рассматриваемого преступления включает несколько действий: планирование, подготовку, развязывание и ведение. Их общественная опасность различным образом оценена законодателем, что дало основание Н. Ф. Кузнецовой рассматривать ведение агрессивной войны в качестве квалифицированного состава преступления.²¹⁴ Однако такое решение представляется нам теоретически неоправданным. Как известно квалифицированный состав преступления должен содержать все признаки основного состава, а также дополнительные признаки, повышающие степень его общественной опасности. Вряд ли можно утверждать, что состав ведения войны включает в себя подготовку, планирование или развязывание. Государство может присоединиться к агрессивной войне и вести ее, не планируя ее заранее и не развязывая. Ведение войны – скорее, стадия агрессии, а не квалифицирующий признак подготовки, планирования или ведения.

Планирование агрессивной войны представляет собой разработку ее идейно-политической и военной концепции, составление стратегии и тактики военных действий, мобилизационных планов, разработку предложений по

²¹³ Донской Д. Агрессия – вне закона. Об общепризнанном определении агрессии. М., 1976. С. 78.

²¹⁴ Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учебник для вузов / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 2002. С. 356.

структуре, составе, дислокации и задачам вооруженных сил, организацию разведывательной деятельности, перевод промышленности на военные рельсы, информационную деятельность и другие первоначальные этапы развязывания агрессии.

По объективной характеристике между планированием и подготовкой агрессии нет особой разницы. Планировать – значит подготавливать. Если рассматривать подготовку в качестве синонима приготовления, то одним из видов приготовительных действий, согласно буквальному толкованию ст. 30 и 33 УК РФ, является разработка планов преступной деятельности. Однако юридическое разграничение этих понятий позволяет привлекать к ответственности не только высшее командование, но и «плановиков» – сотрудников генерального штаба и других военных ведомств, а также тех, кто занимался подготовкой войны в виде закупки и изготовления оружия, подготовки и строительства военных сооружений, самолетов, танков и т. п., то есть промышленников, банкиров и др. Подготовка войны по своим характеристикам соответствует стадии приготовления к преступлению (ст. 30 УК РФ), в связи с чем представляется не вполне корректной позиция Н. Ф. Кузнецовой, предлагающей считать подготовкой такие действия как бомбардировку территории другого государства, частичные локальные вторжения, блокирование отдельных портов.²¹⁵ Указанные действия гораздо ближе к развязыванию агрессии.

Отдельно уголовный закон говорит о развязывании войны. Понимание этого вида действий в науке неоднозначно: В. П. Малков говорит, что под развязыванием войны следует понимать те или иные действия дипломатического или военного характера, которые создают повод для начала военных действий,²¹⁶ В. Д. Иванов полагает, что развязывание – это непосредственно начало ведения войны, то есть вторжение, нападение,

²¹⁵Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учебник для вузов / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 2002. С. 355.

²¹⁶Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 782.

оккупация, аннексия и т. д.²¹⁷ Вторая позиция представляется нам более предпочтительной. На наш взгляд, в понятие развязывания входят те действия, которые совершаются по окончании подготовительных действий и состоят в начале выполнения тех действий, которые непосредственно могут быть охарактеризованы как агрессия. С точки зрения конкретных действий они чрезвычайно многообразны: начиная с провокационных заявлений в адрес противника по поводу его политики и концентрации войск на границе – до провокации противной стороны на конфликт с использованием оружия, либо акции типа переодевания солдат в форму противника и организации мнимого нападения на войска провоцирующей стороны.

Ведение войны – самостоятельный вид действий, которые состоят в осуществлении непосредственных военных действий против противника с целью захвата его территории либо достижения иных агрессивных политических целей. «Сопоставление понятия «ведения» с понятием «развязывание» приводит к выводу, что если развязывание агрессивной войны – это ее начало, осуществление акта агрессии, то ведение – это продолжение агрессивной войны».²¹⁸

Планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны справедливо рассматривать как растянутую во времени единую линию поведения государства и его высших чиновников. С точки зрения теории уголовного права эта линия поведения укладывается в границы учения о стадиях совершения преступления, где планированию и подготовке соответствует приготовление, развязыванию – покушение, а ведению – окончательное преступление.

Как было указано, российский закон признает повышенную степень общественной опасности ведения агрессивной войны по сравнению с планированием, подготовкой и развязыванием. С одной стороны, это вполне логично, если рассматривать агрессию с позиций учения о стадиях

²¹⁷Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под ред. В. Д. Иванова. Ростов-на-Дону, 2002. С. 499.

²¹⁸Новое уголовное право России. Учебное пособие. Особенная часть / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1996. С. 383.

преступлениях и соотносить общественную опасность оконченного и неоконченного преступления. Однако при таком подходе возникают вопросы относительно места развязывания войны и определения его общественной опасности. Если развязывание аналогично покушению, то степень общественной опасности покушения выше, чем степень опасности приготовления; об этом прямо говорит ч. 2, 3 ст. 66 УК РФ. Не случайно ст. 103 Модельного Уголовного Кодекса для стран СНГ (а вслед за ней и УК ряда стран – участниц СНГ) поместили развязывание агрессивной войны во вторую часть, установив за него такое же наказание, как и за ведение войны.

С другой стороны, рассматриваемые виды действий можно оценить с позиций учения о соучастии в преступлении, где планирование и подготовку можно оценить в качестве организаторских или пособнических действий, а развязывание и ведение войны – в качестве исполнительских. При этом согласно ч. 2, 3 ст. 34 УК РФ исполнительские действия как бы поглощают собой действия подстрекателей пособников и организаторов. «Действия лица, совершающего преступление в одиночку, ... фактически сочетают в себе действия исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника в одном лице. Квалификация действий единолично действующего лица осуществляется только по статье Особенной части УК за совершенное им преступление. При выполнении преступления несколькими лицами часть функций единолично действовавшего лица теперь распределяется между несколькими. Когда соучастник действует только как организатор или подстрекатель, он выполняет часть действий, что требуется отразить в квалификации».²¹⁹ Очевидно, что исполнительские действия, как целое, гораздо опаснее действий иных соучастников, как части. Кроме того, развязывание войны, как и ее ведение – есть реальное, непосредственное причинение вреда суверенитету, территориальной неприкосновенности и политической независимости какого-либо государство, в то время как

²¹⁹Иногамова-Хегай Л. В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений. Учебное пособие. М., 2002. С. 127 – 128.

подготовка и планирование агрессивной войны содержат в себе лишь угрозу международному миру и безопасности.

В силу изложенного, на наш взгляд, российскому законодателю следует прислушаться к рекомендации Модельного УК для стран СНГ и вынести развязывание войны за рамки части первой ст. 353, предусмотрев его в части второй. В итоге организаторская и пособническая деятельность на стадии приготовления (часть первая) и исполнительская деятельность на стадии оконченного преступления (часть вторая) будут рассматриваться законом как оконченная исполнительская деятельность, что оправданно в силу исключительной общественной опасности рассматриваемых действий. С подобным предложением о совершенствовании законодательства был согласно 68% опрошенных респондентов.

Анализируя объективную сторону преступления, предусмотренного в ст. 353 УК, В. П. Малков предлагает рассматривать его как длящееся, «для которого характерно непрерывное осуществление состава данного преступления».²²⁰ Н. Ф. Кузнецова пишет, что планирование, подготовка и развязывание агрессивной войны – это три альтернативных вида деятельности: продолжаемых и длящихся деяний.²²¹ Нам представляется, что подобные оценки нуждаются в некоторой коррекции.

Рассмотрение агрессии с позиций учения о стадиях и соучастия в преступлении, а также анализ полномочий Совета Безопасности ООН, дает основание для утверждения, что состав планирования, подготовки агрессивной войны может быть вменен виновным лицам при условии, что кому-либо будет вменен состав развязывания и (или) ведения агрессивной войны; ибо при отсутствии непосредственного применения вооруженной силы Совет Безопасности не сможет объявить какие-либо действия государств в качестве агрессии, в силу чего даже реально осуществляемые планирование и подготовка агрессивной войны не будут влечь

²²⁰Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 782.

²²¹Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учебник для вузов /Под ред. Г. И. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 2002. С. 353.

ответственности. Если акт агрессии не был осуществлен, планирование и подготовка войны не содержат в себе признаков преступления против мира, а потому и их оценки как преступлений вообще (не говоря уже как продолжаемых или длящихся преступлений) некорректны. Если же война началась, предшествующее планирование и подготовка считаются оконченными деяниями; дальнейшее планирование и подготовка конкретных военных действий будут уже охватываться составом ведения начатой агрессивной войны.

Длющимся преступлением в науке уголовного права принято считать «действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования».²²² Очевидно, что планирование и подготовка не образуют действий, сопряженным с длительным невыполнением обязанностей, иными словами, не являются длящимися преступлениями.

Что касается признания их продолжаемыми преступлениями, под которыми понимают «слагаемое из неоднократных, объединенных единством вины и цели, тождественных деяний, представляющих отдельные акты единой деятельности лица, направленной на один и тот же непосредственный объект либо предмет посягательства для достижения общего результата»,²²³ то, на наш взгляд, планирование и подготовка вполне могут быть таковыми, но продолжаемый характер не является обязательной характеристикой этих действий (так, разработка плана вполне может быть единовременным действием, а подготовка может включать и нетождественные действия). Равным образом можно признать продолжаемыми действиями и развязывание агрессивной войны, если оно осуществляется в несколько

²²²Криволапов Г. Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву. Учебное пособие. М., 1974. С. 6; см. также: Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания. СПб., 1992. С. 325.

²²³Становский М. Понятие продолжаемого преступления // Российская юстиция. 1995. № 11. С. 36; см. также: Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания. СПб., 1992. С. 324; Криволапов Г. Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву. Учебное пособие. М., 1974. С. 5.

последовательных приемов; но развязывание может носить и единовременный характер. Ведение агрессивной войны, на наш взгляд, справедливо отнести к дящимся преступлениям, поскольку с момента начала войны государство – агрессор любыми своими действиями нарушает предписания международного права относительно запрета агрессии; при этом действия, образующие состав ведения войны сами по себе могут содержать составы иных международных преступлений (например, военных или против человечности).

Состав планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны сконструирован законодателем по типу формального состава. Однако это не означает отсутствия ущерба от соответствующих деяний. «Их следствием являются всякого рода имущественные потери, включая территориальные, разрушение имущества, а также такие проявления нематериального ущерба, как различные формы ограничения государственного суверенитета, урон достоинства и престижа государства».²²⁴ Надо, однако, подчеркнуть чрезвычайный характер ущерба, являющегося следствием агрессии.

Как и всякий формальный состав преступления, состав планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны может быть выполнен только умышленно. Осознание виновным общественной опасности совершаемых действий является достаточным субъективным условием квалификации преступления.

Однако с учетом изложенного выше понимания признаков агрессии, заметим, что обязательным субъективным признаком анализируемого преступления является агрессивное намерение. Согласно ст. 30 Римского Статута Международного уголовного суда, «лицо имеет намерение в тех случаях, когда: а) в отношении деяния – это лицо собирается совершить такое деяние; б) в отношении последствия – это лицо собирается причинить это последствие или сознает, что оно наступит при обычном ходе событий».

²²⁴Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. С. 50.

Указанные формулировки несколько отличаются от привычных категорий отечественного уголовного права, например, умысла, мотива и цели. Соотношение умысла, мотива, цели и намерения не становилось в российской науке предметом специальных научных исследований. Среди западных же исследователей есть мнение, что «понятия «умышленный» и «произвольный» предполагают как преднамеренные, сознательные действия, так и бездумный характер действия».²²⁵ В целом же считается, что намерение является чем-то совершенно иным, чем мотив и желание; что деяние совершается намеренно, если оно является результатом воли, когда лицо ожидает наступления определенных последствий и желает их наступления.²²⁶ При этом в английской литературе и судебной практике употребляются термины «основное намерение» и «специальное намерение»; считается, что со специальным намерением совершаются преступления, для которых важна «специальная» цель.

На наш взгляд, вполне возможно рассмотрение состава агрессии как преступления со специальным намерением. Согласно мнению ряда западных представителей, обсуждавших проект определения агрессии, действия государства, независимо от того, были ли они первичными или вторичными, только в том случае могут квалифицироваться в качестве агрессии, если они совершены «в целях: 1) сокращения территории или изменения границ другого государства; 2) изменения согласованных в международном плане демаркационных линий; 3) нарушения ведения дел другого государства или вмешательства в ведение его дел; 4) достижения изменений в правительстве другого государства; 5) нанесения вреда или получения каких-либо уступок».²²⁷ Полагаем, что с таким подходом можно согласиться, сделав небольшое уточнение. Не стоит на наш взгляд, оставлять перечень агрессивных целей закрытым, его необходимо дополнить указанием на иные

²²⁵ А. П. В. Роджерс Преднамеренность. В кн.: Военные преступления. Это надо знать всем. / Под ред. Роя Гутмэна, Дэвида Рифа. Пер. с англ. О. А. Варшавер, С. Б. Ильина, Л. А. Резниченко. М., 2002. С. 26.

²²⁶ Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / Под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. М., 2001. С. 29, 30.

²²⁷ См.: Донской Д. Агрессия – вне закона. Об общепризнанном определении агрессии. М., 1976. С. 75.

цели, не совместимые с Уставом и принципами ООН. Специальная цель, таким образом, выступает конструктивным признаком состава планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны, поскольку она является обязательным признаком самой агрессии.

Субъект анализируемого преступления непосредственно в тексте ст. 353 УК не определен. Это дает основание для определения его признаков согласно ст. 20 УК РФ: физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Однако анализ международных актов и решений Нюрнбергского и Токийского трибуналов, толкование признаков объективной и субъективной сторон преступления позволяет прийти к иному выводу. Заметим, что в отечественной науке уголовного права признаки субъекта планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны определяются не всегда внятно. Так, Н. Ф. Кузнецова пишет, что «субъектом является представитель высшей государственной, политической, военной, военно-промышленной власти».²²⁸ В. Д. Иванов указывает, что «субъектом могут быть только лица, занимающие высокие государственные должности Российской Федерации, либо ее субъекта».²²⁹ В. П. Малков говорит, что субъектами данного преступления могут быть лишь лица, занимающие в результате выборов или по назначению государственные должности государственной службы Российской Федерации, компетентные планировать вопросы военного характера или осуществлять ведение войны. Полагаем, что такие рекомендации либо весьма неопределенны (Н. Ф. Кузнецова, В. Д. Иванов), либо ограничительно толкуют признаки субъекта преступления (В. П. Малков).

В Проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества²³⁰ ст. 16 зафиксировала правило, согласно которому «Лицо, которое как руководитель или организатор активно участвует или отдает

²²⁸Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учебник для вузов /Под ред. Г. И. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 2002. С. 356.

²²⁹Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под ред. В. Д. Иванова. Ростов-на-Дону, 2002. С. 499.

²³⁰Ежегодник Комиссии международного права. 1996. Т. II. Ч. II. С. 42.

приказ о планировании, подготовке, начале или проведении агрессии, совершаемой государством, несет ответственность за преступление агрессии». Комментарий к указанной статье гласит: «Лица, совершающие акт агрессии, могут относиться лишь к категории лиц, наделенных надлежащими полномочиями или властью, чтобы быть в состоянии играть, возможно. Определяющую роль в совершении агрессии». К ним относятся, помимо членов правительства, лица, занимающие высокие должности в военной иерархии, дипломатическом корпусе, политических партиях или деловых кругах.

В отечественном уголовном праве для обозначения особого статуса субъекта преступления используются понятия: «должностное лицо», «лицо, занимающее государственную должность Российской Федерации, государственную должность субъекта Российской Федерации, глава местного самоуправления», «представитель власти», «государственный служащий, не являющийся должностным лицом», «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации», «государственный или общественный деятель». Полагаем, что в различных ситуациях ответственность за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны могут нести каждый из указанных субъектов.

В целях законодательного ограничения круга лиц, способных стать субъектами анализируемого преступления, считаем возможным предусмотреть в ст. 353 УК РФ примечание соответствующего содержания. В этом же примечании целесообразно дать определение агрессии.

К норме об ответственности за планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны примыкает статья об ответственности за публичные призывы к ее развязыванию. С точки зрения связи этого преступления с актом агрессии, его можно рассматривать как особый случай обнаружения умысла на совершение агрессии, которому законодатель придал значение оконченного преступления (хотя в науке существуют и иные мнения

по этому вопросу; в частности П. С. Ромашкин считает пропаганду разновидностью подстрекательства к агрессии²³¹).

Объектом данного преступления выступает мировая информационно-психологическая безопасность, мирное сосуществование государств с различным общественно-политическим строем, основанное на принципе неприменения силы и отказа от войны при решении спорных вопросов.

С объективной стороны в действующем УК (в отличие от ст. 71 УК РСФСР 1960 г.) рассматриваемое преступление характеризуется не как пропаганда, а как публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. Понятие пропаганды в Толковом словаре определяется как «распространение в обществе и разъяснение каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения».²³² При таком подходе не акцентируется внимание на формах распространения знания или учения. В тоже время в литературе отмечается, что пропаганда войны – есть «оказание *активного* воздействия на людей с помощью слов, рисунков, документов, действий с целью побуждения их к совершению определенных действий или внедрения в их сознание определенной идеологии».²³³ В специализированных словарях пропаганда войны определяется как «распространение всякого рода *открытых призывов* в средствах массовой информации и публичных выступлениях отдельных лиц к нападению с помощью вооруженных сил на другие государства».²³⁴ Указание на активность действий по распространению соответствующих идей специально оговорено в действующей редакции ст. 354 УК РФ, говорящей о

²³¹«По своей юридической природе пропаганда войны представляет один из видов подстрекательства к совершению такого тяжкого международного преступления, как агрессия. Подстрекательство как вид соучастия в преступлении по общему правилу влечет за собой уголовную ответственность лишь в том случае, если призыв к преступлению привел к преступному результату — к совершению преступления. Пропаганда войны как один из видов преступлений против человечества влечет за собой уголовную ответственность и в том случае, если агрессия не имела места. Далее, подстрекательство предполагает прямой призыв к совершению преступления, например убийству, поджогу и т. п. Пропаганда войны может и не содержать прямого призыва к войне». См.: Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М., 1967. С. 46.

²³²Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, дополн. М., 1999. С. 616.

²³³Дьяков С. В., Игнатъев А. А., Карпушин М. П. Ответственность за государственные преступления. М., 1988. С. 72.

²³⁴Большой юридический словарь /Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2002. С. 497.

призывах, то есть о «политических лозунгах, обращениях, в лаконичной форме выражающих руководящую политическую идею, требование».²³⁵

Однако международное сообщество придерживается несколько иной позиции. Генеральная Ассамблея ООН 3 ноября 1949 г. приняла предложенную Политическим комитетом Резолюцию «О мерах, которые должны быть приняты против пропаганды войны и поджигателей войны». В ней Ассамблея осудила «любую форму ведущейся в любой стране пропаганды, имеющей целью или способную создать или усилить угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии», и предложила «правительствам всех членов Организации предпринять соответствующие шаги, допускаемые их основными законами, для:

а) содействия, всеми имеющимися в их распоряжении средствами информации и пропаганды, дружественным отношениям между государствами на основе целей и принципов устава; и

б) поощрения распространения всей информации, предназначенной для выражения несомненного желания мира всеми народами».²³⁶

Указание на «любую форму» пропаганды войны содержится в иных международных документах и в законодательстве некоторых зарубежных стран. На наш взгляд, в целях всестороннего обеспечения безопасности мира, в целях соблюдения норм международного права, следует вспомнить традиции предшествующего уголовного закона и расширить границы криминализации рассматриваемого деяния, установив ответственность за любую форму пропаганды агрессивной войны (с таким предложением согласны 70% опрошенных респондентов).

Рассматривая объективную сторону преступления, следует обратить внимание на то, что законодатель говорит о призывах во множественном числе, следовательно, однократный, даже и публичный призыв к развязыванию войны, не будет образовывать признаков состава преступления. Кроме того, закон упоминает лишь о призывах к развязыванию

²³⁵Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, дополн. М., 1999. С. 591.

²³⁶Цит. по: Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М., 1967. С. 44.

войны, а потому деятельность, призывающая к планированию, подготовке, продолжению войны, не является наказуемой. С таким подходом трудно однозначно согласиться. Понятие развязывания агрессивной войны упоминается в ст. 353 УК наряду с планированием, подготовкой и ведением. Как нам представляется, вполне возможны призывы и к осуществлению этой группы действий, в частности, в ситуации, когда война развязана, продолжают звучать призывы к ее ведению; в ситуации развязывания войны звучат призывы к ее финансовой и иной поддержке и т.д. В силу этого считаем возможным предложить законодателю обсудить вопрос о некотором расширении сферы применения ст. 354 УК, распространяя ее действие на призывы к планированию, подготовке, развязыванию и ведению агрессивной войны (это предложение поддержали 48% опрошенных респондентов).

Субъективная сторона анализируемого преступления не вызывает особых проблем, деяние может быть совершено только умышленно: виновный осознает общественную опасность своих действий.

Относительно субъекта преступления, заметим, что, согласно закону, к ответственности по ст. 354 УК могут быть привлечены любые вменяемые лица в возрасте от 16 лет. В тоже время ч. 2 ст. 354 УК дифференцирует ответственность лиц, которые занимают государственные должности РФ или государственные должности субъектов РФ. Круг лиц, относящихся к данной категории, проанализирован в науке достаточно детально.²³⁷ А потому, не останавливаясь на нем подробно, заметим лишь, что такое его ограничение не вполне соответствует задачам борьбы с преступностью и принципам уголовного права. Полагаем, что в основании дифференциации ответственности отдельных категорий лиц за пропаганду войны должен быть положен признак значимости, популярности этих лиц, обуславливающий высокую степень восприятия и доверия населения к пропагандируемой информации. В силу этого мы считаем перечень лиц в части второй ст. 354 УК неоправданно суженным, учитывая, что сильное психологическое

²³⁷См.: Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000.

воздействие на сознание людей могут иметь не только высказывания высших государственных чиновников, но, например, и общественных деятелей. В итоге представляется, что вполне допустимо и оправданно усиление ответственности за призывы к войне лиц, являющихся государственными или общественными деятелями.

Рассуждая над проблемами дифференциации ответственности за пропаганду войны, заметим, что в традициях многих стран усиливать ответственность за пропаганду войны непосредственно против собственного государства. Полагаем, что такой опыт вполне заслуживает внимания, поскольку пропаганда войны против России, совершенная гражданами России или иными лицами, представляет гораздо большую опасность для территориальной неприкосновенности и политической независимости России, что должно найти отражение и на квалификации, и на наказании. С предложением о внесении соответствующих изменений в УК в связи с этим высказали согласие 85% опрошенных респондентов.

Подводя итог анализу законодательных положений относительно ответственности за приобретение территории путем угрозы или применения силы, попытаемся сформулировать собственные предложения относительно их совершенствования. Считаем, что соответствующие нормы УК РФ могут быть сконструированы следующим образом.

Статья 353. Планирование, подготовка, развязывание или ведение войны

1. Планирование или подготовка агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, - наказывается

2. Развязывание или ведение агрессивной войны, а равно ведение войны в нарушение международных договоров, - наказывается ...

Примечание:

1. Агрессия – есть применение с агрессивным намерением, в нарушение Устава ООН, вооруженной силы одним государством против суверенитета,

территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства.

2. Война в нарушение международных договоров – это война, начатая на законном основании, в процессе ведения которой нарушаются правила и обычаи войны.

3. Ответственность за преступление, предусмотренное в настоящей статье, несут должностные лица, государственные служащие, не являющиеся должностными лицами, государственные и общественные деятели, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях.

Статья 354. Пропаганда войны

1. Пропаганда агрессивной войны, в какой бы форме она не велась, - наказывается ...

2. Пропаганда агрессивной войны против Российской Федерации, а равно пропаганда агрессивной войны, совершенная с использованием средств массовой информации либо государственным или общественным деятелем, - наказывается ...

§ 2. Ответственность за нарушение неприкосновенности государственных границ

Государственная граница Российской Федерации, согласно ст. 1 Закона «О государственной границе»²³⁸, представляет собой линию и проходящую по этой линии вертикальную поверхность, которые определяют пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации.

В силу этого справедливо и обоснованно, что на протяжении многих веков границы российского государства являются предметом его особой заботы, важным фактором обеспечения безопасности от различных угроз.

²³⁸Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации. 1993. № 17. Ст. 594; Российская газета. 1999. № 107.

«Политическое, экономическое и военное значение охраны и защиты Государственной границы РФ до сих пор не потеряло своей актуальности. При этом всегда в основе деятельности органов государства, ответственных за неприкосновенность его границ, определяющую и регулирующую роль играло право, его международный и внутренний аспекты. Именно нормы права устанавливают и закрепляют от имени государства отношения с сопредельными странами, а также с государственными органами, общественными организациями, частными структурами и отдельными гражданами своей страны в сферах, связанных с соблюдением режимно-правовых норм на Государственной границе».²³⁹

Среди правовых норм, определяющих статус государственных границ, приоритетное значение имеют нормы международного права, в которых формулируются важнейшие принципы нерушимости и неприкосновенности границ.

Суть принципа нерушимости государственных границ состоит в признании существующих границ и в отказе от любых попыток посягательств на них. Согласно провозглашенному в Заключительном Акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.) третьему принципу, которым государства – участники должны руководствоваться во взаимоотношениях, «государства рассматривают как нерушимые все границы друг друга, как и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы; они будут, соответственно, воздерживаться также от любых требований или действий, направленных на захват и узурпацию части или всей территории любого государства-участника». Нерушимость границ провозглашена Российской Федерацией в качестве одного из принципов, которым она руководствуется при установлении и изменении прохождения своей государственной границы, установлении и поддержании отношений с иностранными государствами на Государственной границе, а также

²³⁹Щербаков А. С. Государственная граница и право // Государство и право. 1995. № 9. С. 90.

регулировании правоотношений в приграничных районах (акваториях) Российской Федерации и на путях международных сообщений, пролегающих на российской территории. Таким образом, сфера действия этого принципа принадлежит преимущественно международному и административному праву в части установления либо изменения Государственной границы.

Принцип неприкосновенности государственных границ означает неприкосновенность самой линии Государственной границы на местности, запрещение пересечения границы без разрешения властей или вне установленных правил.²⁴⁰ Иными словами, сфера действия этого принципа распространяется на режим уже установленной границы, а потому он имеет непосредственное отношение и к уголовному праву как инструменту охраны основополагающих социальных ценностей, к которым, несомненно, относится и граница. При этом, очевидно, что неприкосновенность Государственной границы тесно смыкается с принципом неприкосновенности и целостности государственной территории, а потому и посягательства на неприкосновенность границы рассматриваются нами в контексте уголовно-правового обеспечения территориальной неприкосновенности.

Масштабы стоящей перед нашим государством проблемы обеспечения безопасности границы впечатляют. Сегодня Россия граничит с 16 странами; протяженность ее Государственной границы составляет более шестидесяти тысяч километров, в том числе сухопутной – 14509 км., морской – 38807 км., речной – 7141 км., озерной – 475 км. На Государственной границе России более 400 пунктов пропуска, через которые ежегодно пересекает границу не менее 8 миллионов единиц транспортных средств, 63 миллиона физических лиц, в том числе 17 миллионов иностранных граждан.²⁴¹

При этом современная обстановка на границах России далека от оптимальной. В военно-политической области наблюдается активизация разведывательно-подрывной деятельности спецслужб с территории

²⁴⁰Клименко Б. М., Порк А. А. Территория и граница СССР. М., 1985. С. 71.

²⁴¹Данные приводятся по: Земцов В. И. Уголовная ответственность за незаконное пересечение и противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 55.

сопредельных государств, обострение территориальных проблем с государствами ближнего и дальнего зарубежья; в экономической сфере отмечается прогрессирующая тенденция расхищения национальных богатств, особенно в примыкающей к границе исключительной экономической зоне и зоне континентального шельфа; в национально-этнической области возрастает опасность расширения межнациональных конфликтов и дестабилизации обстановки в пограничных районах; нарастают миграционные потоки.²⁴²

Государство осознало и признало эти угрозы. В частности, согласно Концепции национальной безопасности, утвержденной Указом Президента от 17. 12. 1997 г. (с посл. изм.), среди основных угроз национальной безопасности в международной сфере отмечается возникновение и эскалация конфликтов вблизи государственной границы Российской Федерации и внешних границ государств - участников Содружества Независимых Государств.²⁴³ Военная доктрина России, утвержденная Указом Президента от 21. 04. 2000 г., среди основных внешних военных угроз называет наличие очагов вооруженных конфликтов, прежде всего вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников; создание (наращивание) группировок войск (сил), ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников, а также на прилегающих к их территориям морях. Одной из целей внешней политики, согласно Концепции внешней политики России, объявлено формирование пояса добрососедства по периметру российских границ, содействие устранению имеющихся и предотвращению возникновения потенциальных очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах.²⁴⁴

В реализации государственных задач по охране неприкосновенности Государственной границы важную роль играют положения уголовного

²⁴²Щербаков А. С. Государственная граница и право // Государство и право. 1995. № 9. С. 91.

²⁴³Собрание законодательства РФ. 1997. № 52. Ст. 5909; 2000. № 2. Ст. 170.

²⁴⁴Российская газета. 2000. 11 июля.

законодательства. В главе 32 УК РФ «Преступления против порядка управления» охране границ посвящены две статьи: ст. 322 «Незаконное пересечение Государственной границы РФ» и ст. 323 «Противоправное изменение Государственной границы РФ».

Наряду с ними законом в Главе 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» предусмотрена ответственность за нарушение правил международных полетов (ст. 271). Вопрос о местоположении и объекте данного преступления в уголовно-правовой науке решается неоднозначно. В период действия УК РСФСР 1960 года, относившего данное преступление к группе «иных государственных преступлений», А. А. Игнатъев указывал, что его непосредственным объектом является «установленный порядок международных полетов, обеспечивающий безопасность движения воздушного транспорта»,²⁴⁵ в то время как П. Ф. Тельнов, классифицируя иные государственные преступления по непосредственному объекту, относил нарушение правил международных полетов к группе преступлений, посягающих на основы государственного управления в области обеспечения обороноспособности страны.²⁴⁶ В наши дни И. М. Тяжкова, исходя из местоположения статьи 271 в структуре УК, считает, что объектом данного преступления является «установленный порядок международных полетов..., обеспечивающий безопасность движения воздушного транспорта».²⁴⁷ В тоже время А. И. Коробеев указывает, что «общественная опасность комментируемого преступления состоит в том, что оно нарушает суверенитет России над ее воздушным пространством, создает угрозу неприкосновенности Государственной границы, подрывает обороноспособность страны, может породить возникновение межгосударственных конфликтов», а потому «непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 271 УК,

²⁴⁵ Дьяков С. В., Игнатъев А. А., Карпушин М. П. Ответственность за государственные преступления. М., 1988. С. 155.

²⁴⁶ Тельнов П. Ф. Иные государственные преступления. Учебное пособие. М., 1970. С. 7.

²⁴⁷ Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 4. Учебник для вузов / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 2002. С. 611.

следует признать неприкосновенность Государственной границы России».²⁴⁸ Равным образом В. И. Жулев пишет, что «объектом преступного посягательства в данном случае является не столько безопасность движения воздушных транспортных средств, сколько порядок осуществления международных полетов, общественные (в том числе международные) отношения, связанные с неприкосновенностью государственных границ».²⁴⁹ А. И. Чучаев признает неприкосновенность государственных границ факультативным объектом анализируемого преступления, определяя основным – безопасность воздушного движения.²⁵⁰

Неопределенность в характеристике объекта данного преступления приводит ученых к мысли о возможности изъятия ст. 271 либо из текста УК РФ вообще, либо, как минимум, из текста главы 27 УК. Так, С. В. Трофимов, предлагая исключить ст. 271 из УК, пишет, что она не имеет самостоятельного значения, поскольку является специальным составом ст. 322 «Незаконное пересечение Государственной границы»; «то обстоятельство, что пересечение границы происходит с использованием воздушного транспорта, характеризует лишь способ такого посягательства».²⁵¹ Встречается аргументация и иного рода. А. И. Коробеев, считая, что ст. 263 УК «охватывает все без исключения случаи нарушения правил безопасности движения и эксплуатации летательных аппаратов как национального, так и международного характера, как на внутренних, так и на международных авиалиниях», что «нарушение правил международных полетов лишь одна из разновидностей нарушения правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, о которых речь идет в ст. 263 УК», указывает, что для полноценной охраны общественных отношений, связанных с обеспечением безопасности функционирования воздушного транспорта, вполне достаточно ст. 263 УК и потому предлагает исключить

²⁴⁸Коробеев А. И. Транспортные преступления. СПб., 2003. С. 189, 190.

²⁴⁹Жулев В. И. Транспортные преступления. Комментарий законодательства. М., 2001. С. 161.

²⁵⁰Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 631.

²⁵¹Трофимов С. В. Уголовно-правовые аспекты ответственности за преступления в сфере безопасности полетов и эксплуатации воздушного транспорта. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. С. 8.

данную статью из главы 27 (при этом автор, к сожалению, не определяет иного места для данной статьи).²⁵² И. М. Тяжкова также выступает за декриминализацию рассматриваемого преступления, «так как при наступлении общественно опасных последствий, указанных в ст. 263 «Нарушение правил международных полетов» должно квалифицироваться именно по этой статье. Если же при нарушении правил международных полетов происходит незаконное пересечение границы, ответственность должна наступать по ст. 322».²⁵³

На наш взгляд, специфика нарушаемых в процессе совершения преступления правил не позволяет говорить о возможности исключения ст. 271 из текста УК. Для обоснованного решения вопроса необходимо выяснить соотношение содержания таких понятий, как, с одной стороны, «правила пересечения Государственной границы», «правила безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта» и с другой стороны, - «правила международных полетов».

Правила пересечения Государственной границы – достаточно широкий перечень предписаний, которые содержатся в целом ряде нормативных актов и, в первую очередь, в Законе «О государственной границе». Кроме того, в зависимости от того, кто или что пересекает границу, дополнительные правила ее пересечения излагаются: для пересечения границы физическими лицами - в Законах «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» (1996 г.), «О правовом положении иностранных граждан в РФ» (2002 г.); для ввоза и вывоза через границу растений – в Законе «О карантине растений» (2000 г.); для пересечения границы грузами, товарами - в Таможенном Кодексе (1993 г.); для пересечения границы воздушными судами - в Воздушном Кодексе (1997 г.) и т. д. Заметим, что в ст. 322 УК речь идет исключительно о пересечении Государственной границы физическими лицами – гражданами РФ, иностранцами, лицами без гражданства; нарушение же правил

²⁵²Коробеев А. И. Транспортные преступления. СПб., 2003. С. 61, 190.

²⁵³Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб., 2002. С. 156 – 157.

перемещения через государственную границу воздушных судов данной статьей не охватывается, а потому приведенное выше мнение И. М. Тяжковой о квалификации незаконного пересечения границы в процессе международного полета по ст. 322 УК представляется неоправданным.

Правила безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта также сосредоточены в целом ряде нормативных документов: Воздушном Кодексе (1997 г.), Положении о Федеральной авиационной службе России (1996 г.), Положении о единой системе управления воздушным движением РФ (1994 г.), Положении о федеральной системе обеспечения защиты деятельности гражданской авиации от актов незаконного вмешательства (1994 г.) и др. Их основное предназначение состоит в том, чтобы обеспечить безопасность пассажиров и членов экипажа воздушного судна во время полета и пребывания на борту; и распространяют они свое действие как на полеты российских, так и иностранных судов в воздушном пространстве России.

Правила международных полетов, на наш взгляд, являются частью предписаний относительно правил пересечения государственной границы и пребывания на территории России, поскольку регламентируют порядок пересечения границы и пролета в воздушном пространстве воздушных судов, выполняющих международные полеты. Эти правила не регламентируют собственно безопасность полетов, что признает и сам законодатель, не предусмотрев в ст. 271 УК в качестве основного или квалифицирующего признака наступление общественно опасных последствий, аналогичных тем, которые предусмотрены в ст. 263 УК. Очевидно, что если в процессе нарушения правил международных полетов одновременно нарушаются правила безопасности движения или эксплуатации воздушного транспорта и наступают причинно с этим связанные последствия в виде вреда здоровью, смерти или крупного ущерба, содеянное должно быть квалифицировано по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 263 и 271 УК РФ; применение исключительно ст. 263 УК не будет отражать специфики

содеянного в частности нарушения правил пересечения границы и пролета над территорией РФ. Если же в результате нарушения правил международных полетов не наступят указанные последствия применяется только ст. 271 УК; применение ст. 322 УК вместе со ст. 271 УК, с одной стороны - излишне, так как правила международных полетов включают правила пересечения границы, а с другой стороны – невозможно, поскольку ст. 322 не охватывает случаев пересечения границы воздушными судами.

Таким образом, нарушение правил международных полетов «не укладывается» ни в состав, предусмотренный ст. 263, ни в состав, предусмотренный ст. 322. Однако если рассматривать правила международных полетов в качестве части правил пересечения границы и пребывания на территории России, очевидно, что объект нарушения правил международных полетов по своей социальной сущности гораздо ближе к объекту незаконного пересечения границы, нежели к объекту транспортных преступлений.

Однако, перемещение данного преступления в главу о преступлениях против порядка управления наряду с преступлениями, предусмотренными ст. 322 «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации», ст. 323 «Противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации», на наш взгляд, также вряд ли оправданно. Дело в том, что дополнительный объект всех этих преступлений – территориальная целостность и неприкосновенность государства (неприкосновенность государственных границ) представляет собой более ценное социальное благо по сравнению с безопасностью транспорта и порядком управления. Рассуждая аналогичным образом и рассматривая проблему объекта преступлений, предусмотренных ст. 322 и ст. 323 УК, С. В. Дьяков предлагает считать им внешнюю безопасность государства, в связи с чем, перенести данные преступления в главу 29 УК.²⁵⁴ Понятие государственной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны сформулировано в

²⁵⁴Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 16.

науке уголовного права. В частности, С. В. Дьяков пишет, что под государственной безопасностью следует понимать «состояние стабильности, прочности и защищенности конституционного строя от тех источников опасности, которые реально имеются в современных условиях перехода Росси к новому общественно-экономическому строю».²⁵⁵

Принимая во внимание, что территориальная целостность и неприкосновенность выступают составной частью суверенитета государства, посягательства на них разумно рассматривать в качестве преступлений против государства. В силу этого вполне можно согласиться с мнением С. В. Дьякова о целесообразности переноса предусмотренных ст. 322 и 323 УК деяний в главу 29 УК, с уточнением о необходимости в таком случае переноса в эту же главу и деяния, предусмотренного ст. 271 УК.

Однако возможен и иной, более «радикальный» подход к структурному оформлению преступлений против неприкосновенности границ России. В решении вопроса относительно объекта деяний, связанных с нарушением законодательства о Государственной границе, и их места в структуре УК может оказаться полезен опыт составления последнего Кодекса об административных правонарушениях, где административные правонарушения в области защиты Государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации выделены в самостоятельную главу (Главу 18) и помещены после главы о правонарушениях, посягающих на институты государственной власти, и перед главой о правонарушениях против порядка управления. Учитывая этот опыт, можно предложить законодателю предусмотреть в УК РФ самостоятельную главу, например, главу 31¹, в которой сконцентрировать преступные деяния, посягающие на неприкосновенность Государственной границы. В не могли бы войти предписания, содержащиеся сейчас в статьях 271, 322, 323 УК РФ. (Кроме того, можно предложить обсудить вопрос о

²⁵⁵Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 13.

перенесении в эту главу преступлений, предусмотренных ст. 188 «Контрабанда», ст. 190 «Невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран», - однако, это уже выходит за рамки настоящего исследования). С данным предложением были согласны 54% опрошенных респондентов.

Итак, предписания статей 271, 322, 323 УК необходимо рассматривать как блок правовых норм, связанных общностью объекта посягательства.

Поскольку вопрос относительно объекта нарушения правил международных полетов был рассмотрен нами выше, обратим внимание на понимание объекта преступлений, предусмотренных ст. 322 и 323 УК, в отечественной науке. Палитра мнений по данному вопросу достаточно разнообразна. Так, П. Ф. Тельнов определял объектом незаконного выезда за границу и незаконного въезда в СССР (ст. 83 УК РСФСР) обороноспособность страны.²⁵⁶ З. А. Незнамова, Н. Г. Иванов, классифицируя преступления против порядка управления, относят рассматриваемые деяния к посягательствам на общественные отношения, связанные с обеспечением режима Государственной границы²⁵⁷ (заметим, что эта точка зрения имеет и нормативное подтверждение, поскольку согласно ст. 43 Закона «О государственной границе» уголовную и административную ответственность несут лица, виновные в нарушении правил режима Государственной границы, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через Государственную границу»). А. Р. Саруханян определяет различные объекты для рассматриваемых преступлений: незаконное пересечение границы, по его мнению, посягает на содержание управленческой деятельности, а противоправное изменение Государственной границы – на предметы управленческой деятельности.²⁵⁸ В. И. Земцов также полагает, что данные

²⁵⁶Тельнов П. Ф. Иные государственные преступления. Учебное пособие. М., 1970. С. 27.

²⁵⁷Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко. М., 1998. С. 665; Российское уголовное право: В 2-х т. Т.2. Особенная часть / Под ред. проф. А.И. Рарога. М., 2001. С. 759.

²⁵⁸Саруханян А. Р. Преступления против порядка управления: понятие, общая характеристика. Диссертация ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 33 -35.

преступления имеют различные непосредственные объекты: в ст. 322 им выступает порядок пересечения государственной границы, установленный законами и международными соглашениями в целях обеспечения пограничной безопасности РФ; а в ст. 323 – неприкосновенность государственной границы.²⁵⁹ Широко представлена в науке и группа ученых, определяющих эти преступления как посягательства на неприкосновенность Государственной границы (А. В. Кладков,²⁶⁰ Н. М. Иванов, В. П. Овчинникова,²⁶¹ А. А. Игнатъев²⁶² и др.).

На наш взгляд, в определении объекта анализируемых преступлений следует отдать предпочтение последней из представленных позиций. Неприкосновенность Государственной границы, предполагающая ее неизменность, нерушимость и незыблемость, означает не только запрет на изменение линии границы (как считает В. И. Земцов), но и недопустимость произвольного пересечения границы, поскольку и то, и другое нарушают суверенные права России на неприкосновенность ее территории.

Как видим, рассматриваемые преступления отчетливо подразделяются на две группы: преступление, связанное с изменением линии границы (ст. 323), и преступления, связанные с противоправным пересечением границы (ст. 271, 322). Заметим, что преступления последней группы можно рассматривать как нарушающие территориальную неприкосновенность России лишь в случае их совершения иностранными гражданами или лицами без гражданства, поскольку незаконное пересечение государственной границы собственными гражданами не способно причинить вреда данному объекту.

Все три посягательства справедливо отнести к группе преступлений со смешанной противоправностью, а диспозиции, их описывающие – к

²⁵⁹Земцов В. И. Уголовная ответственность за незаконное пересечение и противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 87, 114.

²⁶⁰Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1996. С. 477.

²⁶¹Иванов Н. М., Овчинникова В. П. Уголовная ответственность и освобождение от ответственности за незаконный переход Государственной границы. М., 1968. С. 43.

²⁶²Дьяков С. В., Игнатъев А. А., Карпушин М. П. Ответственность за государственные преступления. М., 1988. С. 150.

бланкетным, поскольку для квалификации всех обозначенных преступлений необходимо обращение к нормативно-правовым актам неуголовно-правового характера,²⁶³ в первую очередь – к административно-правовым и международно-правовым. В связи с этим при квалификации преступлений со смешанной противоправностью следует учитывать: а) особенности взаимоотношений норм международного и национального права, вытекающие из содержания ст. 15 Конституции РФ; б) специфику административно-правового регулирования общественных отношений, заключающуюся в наличии сложной иерархической системы административно-правовых актов; в) подлинность и пределы действия неуголовно-правовых актов. Учитывая, что особенности квалификации преступлений со смешанной противоправностью требует самостоятельного научного анализа, ограничимся характеристикой предусмотренных в УК РФ объективных и субъективных признаков составов преступлений, нарушающих неприкосновенность Государственной границы.

Объективная сторона противоправного изменения Государственной границы включает в себя несколько альтернативных действий: изъятие, перемещение или уничтожение пограничного знака.

Пограничный знак представляет собой специальный предмет для обозначения Государственной границы на местности и в структуре состава преступления занимает место предмета преступления.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации» на местности граница обозначается ясно видимыми пограничными знаками. Описание и порядок установки пограничных знаков определяются международными договорами и решениями правительства Российской Федерации.

²⁶³Проблемы, связанные с применением норм с бланкетной диспозицией, неоднократно обсуждались в уголовно-правовой науке. См.: Пикуров Н. И. Квалификация следователем преступлений со смешанной противоправностью. Волгоград, 1988; Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С. 237 – 250; Пудовочкин Ю. Е. Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран – участниц Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 169 – 179; Соколов В. В. Принцип «нет преступления не указанного в законе» и бланкетные диспозиции уголовного закона // Советское государство и право. 1980. № 2 и др.

На суше государственная граница обозначается, как правило, пограничными знаками, состоящими из трех составляющих их элементов – двух пограничных столбов и центрального промежуточного столбика, установленного непосредственно на линии границы. Каждый пограничный столб имеет номер данного пограничного знака и герб соответствующего государства. Иногда обозначение Государственной границы на суше осуществляется одинарными пограничными знаками, а также с помощью концов (пограничных маяков), пирамид, курганов и других знаков.

На реках (ручьях), по которым проходит Государственная граница, она обозначается, как правило, пограничными знаками, состоящими из двух столбов, устанавливаемых по обоим берегам реки (ручья). В местах, где граница переходит с водного участка на сухопутный или наоборот, государственная граница обозначается створными пограничными знаками, состоящими из четырех элементов – трех пограничных столбов и одного центрального столбика.

На озерах и водохранилищах, которые Государственная граница пересекает по прямой линии и где расстояние между противоположными берегами сравнительно небольшое (в пределах видимости), граница обозначается обычными пограничными знаками, устанавливаемыми на противоположных берегах. Если же озера и водохранилища, по которым проходит Государственная граница, достаточно широки и граница имеет повороты на этих водоемах, стороны обозначают ее створными знаками либо буями и вехами.

Во всех случаях установка пограничного знака осуществляется в точке, координаты которой определены с требуемой точностью (как правило, на геофизической основе), с нанесением его местоположения на карту.

Государственная граница на море, как правило, пограничными знаками не обозначается. Однако в отдельных случаях по соглашению сторон такое обозначение имеет место. Для этой цели используются морские буи, вехи, а также створные знаки.

Любой из вышеперечисленных знаков, обозначающих на местности пределы государственной территории, может рассматриваться в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 323 УК РФ.

По конструкции объективной стороны состав противоправного изменения Государственной границы определен законодателем как формальный, то есть последствия указанных в диспозиции ст. 323 УК действий находятся за рамками состава преступления и не требуются для квалификации.

Понимание действий, образующих объективную сторону состава преступления, не вызывает сложностей в науке и на практике. Под изъятием пограничного знака понимается его извлечение (например, из грунта) или снятие (например, с опоры) без установки на новом месте. Перемещением пограничного знака называется его изъятие с последующей установкой на новом месте. Уничтожением следует признавать необратимое разрушение пограничного знака, которое не позволяет идентифицировать его как пограничный знак и использовать по прямому назначению.²⁶⁴

Обязательным признаком указанных действий является их противоправность, что позволяет, как отмечалось, оценить диспозицию ст. 323 УК как бланкетную, поскольку для квалификации содеянного всегда необходимо обращения к тем нормативно-правовым актам, которые устанавливают легальный порядок установки, перемещения, уничтожения пограничных знаков. Этот порядок согласно ст. 6 Закона «О Государственной границе» определяется международными договорами Российской Федерации и решениями правительства РФ. В связи с этим считаем необходимым отметить некоторые погрешности в законодательной технике при описании признаков объективной стороны анализируемого преступления. Название статьи 323 говорит о «противоправном изменении» границы, а в содержании

²⁶⁴См.: Саруханян А. Р. Преступления против порядка управления: понятие, общая характеристика. Диссертация ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 100 – 101; Земцов В. И. Уголовная ответственность за незаконное пересечение и противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 118.

диспозиции части первой речь идет об определенных действиях, совершенных «в целях противоправного изменения».

Указание на цель совершения действий в качестве обязательного признака состава преступления (чего не было в предшествующем УК) вызвало неоднозначную реакцию в науке. Ряд ученых поддерживает законодательное решение. Так, В. С. Комиссаров отмечает, что совершение приведенных в диспозиции действий из хулиганских побуждений или по другим мотивам не образует преступления, предусмотренного ст. 323 УК.²⁶⁵ С. В. Максимов указывает, что умышленное уничтожение или повреждение пограничного знака с иными целями при отсутствии отягчающих обстоятельств квалифицируется по ч. 1 ст. 167 УК.²⁶⁶ Однако есть и иной взгляд на проблему. В частности, В. И. Земцов пишет, что «в анализируемой норме специальная цель указана без достаточных оснований. Изменить государственную границу только путем изъятия, перемещения или уничтожения пограничного знака практически и юридически невозможно».²⁶⁷ Полагаем, что последняя точка зрения выглядит более убедительной, учитывая, что установление или изменение границы осуществляется в результате заключения международных договоров, а не в результате изъятия или перемещения пограничных знаков. Однако исключение из текста статьи 323 УК указания на цель не решает проблемы отграничения противоправного изменения Государственной границы от правомерного, с одной стороны, а с другой – отграничения этого преступления от смежных составов. Нам представляется, что законодателю следовало бы трансформировать противоправность изменения границы из субъективного признака состава преступления – в объективный, для чего воспроизвести в диспозиции указание на противоправный характер действий виновного. В этом случае признак противоправности изъятия, перемещение или уничтожения

²⁶⁵Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учебник для вузов / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 251.

²⁶⁶Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 734.

²⁶⁷Земцов В. И. Уголовная ответственность за незаконное пересечение и противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 122.

пограничных знаков будет отграничивать преступление от законного изменения границы. От составов преступлений против собственности (хищений и умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества) состав противоправного изменения Государственной границы будет отличаться характеристикой объекта, предмета и субъективной стороны.

Изложенное позволяет говорить и о необходимости изменения названия статьи 323 УК. Поскольку при изъятии, перемещении или уничтожении пограничного знака изменение границы не происходит, целесообразно данное преступление обозначить как противоправное изменение обозначения Государственной границы. С предложениями об изменении названия статьи 323 УК и исключения цели из описания признаков состава соответствующего преступления высказали согласие 87% опрошенных респондентов.

Субъективные признаки основного состава противоправного изменения Государственной границы не вызывают проблем. Субъектом данного преступления может быть лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, независимо от его гражданской принадлежности. Относительно формы вины заметим, что включение в текст диспозиции статьи указания на цель совершения действий (равно как и в предлагаемом варианте изменения статьи указание на противоправный характер действий), формальный состав преступления исключают постановку вопроса о возможности совершения данного преступления по неосторожности; оно может быть выполнено только умышленно.

В числе квалифицирующих признаков состава анализируемого преступления законодатель называет наступление тяжких последствий.²⁶⁸ К таковым обычно причисляют нарушения нормального функционирования участка Государственной границы, вызванное этим существенное нарушение

²⁶⁸В науке предлагалось предусмотреть в качестве квалифицирующего признака данного состава совершение предусмотренных в нем действий общеопасным способом (см.: Земцов В. И. Уголовная ответственность за незаконное пересечение и противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 120; Саруханян А. Р. Преступления против порядка управления: понятие, общая характеристика. Диссертация ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 105). Однако авторами не было подведено под такое предложение никакого криминологического обоснования.

конституционных прав граждан, срыв сроков выполнения международного договора, причинение крупного имущественного ущерба.²⁶⁹ Установление характера и степени тяжести наступивших последствий – дело факта, определить их исчерпывающий перечень в доктринальных разработках невозможно. Однако общие правила оценки тяжести наступивших последствий теорией предлагаются. В частности, А. И. Рарог указывает, что в случае, когда последствия определены в диспозиции УК как тяжкие, усмотрение правоприменителя в части определения характера последствий должно быть ограничено рамками видового объекта преступления.²⁷⁰ Н. Ф. Кузнецова в этой связи обращает внимание на то, что тяжесть последствий зависит исключительно от характера и степени вредных изменений в объекте посягательства; другие элементы состава (форма вины, способ действия, субъект) непосредственно не влияют на эту оценку.²⁷¹ В. Н. Кудрявцев обращает внимание на то, что уяснить степень тяжести наступивших последствий в известной мере можно с помощью сравнения санкций, установленных за совершение различных преступлений.²⁷² Таким образом, мы можем заключить, что тяжкие последствия в смысле ст. 323 УК – это вред, причиняемый неприкосновенности Государственной границы, порядку управления в сфере обеспечения безопасности границы, режиму Государственной границы, государственной собственности на границе.

В рамках анализа данного признака представляется необходимым рассмотреть вопрос о форме вины субъекта в отношении наступивших последствий. Как определено практикой применения уголовного закона²⁷³ (это мнение не оспаривается и наукой) форма вины в преступлении

²⁶⁹Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 734.

²⁷⁰Рарог А. И. Усмотрение правоприменителя при квалификации преступлений // Уголовное право. 2000. № 1. С. 41.

²⁷¹Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. С. 106.

²⁷²Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 120.

²⁷³В достаточной степени ясно соответствующее правило было определено Верховным Судом СССР применительно к транспортным преступлениям в Постановлении № 11 от 06. 10. 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях, см.: Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями / Отв. ред. В. И. Радченко. М., 2000. С. 424 – 430.

определяется психическим отношением виновного к наступившим последствиям, как признаку состава преступления. В части второй ст. 323 УК законодатель не указывает форму вины в отношении последствий противоправного изменения границы. Такое решение актуализирует давно ведущийся в науке спор относительно содержания психического отношения виновного к квалифицирующим последствиям в составе умышленного преступления. В. Г. Макашвили считает, что оно может быть только неосторожным,²⁷⁴ В. Н. Кудрявцев указывает, что в умышленном преступлении каждый объективный признак состава должен осознаваться,²⁷⁵ А. И. Рарог полагает, что при отсутствии в диспозиции нормы прямого указания на форму вины в отношении последствия, она может быть либо умышленной, либо неосторожной, при этом квалификация деяния (как единичного преступления или совокупности) будет зависеть от законодательной оценки степени тяжести умышленного или неосторожного последствия, взятого самого по себе, и степени опасности преступления, квалифицированного данным последствием.²⁷⁶

Соглашаясь с последним вариантом определения формы вины, считаем возможным отметить, что: 1) если при противоправном изменении границы виновный обнаруживает неосторожное отношение к наступающим тяжким последствиям, то содеянное им преступление необходимо рассматривать как преступление, совершенное с двумя формами вины, при условии, что наступление данных тяжких последствий по неосторожности само по себе рассматривается законодателем как преступление; 2) если наступление данных последствий по неосторожности, взятое само по себе, не образует самостоятельного состава преступления, то, очевидно, что квалификация по ч. 2 ст. 323 УК будет невозможна в силу невысокой степени общественной опасности этих последствий, отсутствия у них признака тяжести; 3) если наступление тяжких последствий желалось или допускалось виновным,

²⁷⁴Макашвили В. Г. Некоторые вопросы вины в советском уголовном законодательстве // Советское государство и право. 1952. № 1. С. 40

²⁷⁵Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 153.

²⁷⁶Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 107.

содеянное им следует рассматривать как умышленное преступление (либо квалифицировать по совокупности, если умышленно причиненные последствия сами по себе оцениваются законодателем как более опасные, нежели это предусмотрено санкцией ч. 2 ст. 323 УК). Таким образом, преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 323 УК, может быть совершено либо умышленно, либо с двумя формами вины.

Следующая группа преступлений против неприкосновенности Государственной границы связана с нарушением правил ее пересечения.

В ст. 271 УК речь идет о нарушении правил международных полетов: несоблюдении указанных в разрешении маршрутов, мест посадки, воздушных ворот, высоты полета или ином нарушении правил; иными словами о нарушении правил перемещения через государственную границу и пролета над территорией России воздушных судов, совершающих международный полет.

Согласно ст. 79 Воздушного Кодекса России международный полет воздушного судна - это полет воздушного судна в воздушном пространстве более чем одного государства, иными словами, это полет, связанный с пересечением государственной границы. Международный полет – есть ни что иное как международная воздушная перевозка, определение которой содержится в ст. 1 Международной конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (Варшава, 1929 г., с посл. изм. и доп.): «Международной перевозкой в смысле настоящей Конвенции называется всякая перевозка, при которой, согласно определению Сторон, место определения и место назначения вне зависимости от того, имеются или нет перерыв в перевозке или перегрузка, расположены либо на территории двух Высоких Договаривающихся Сторон, либо на территории одной и той же Высокой Договаривающейся Стороны, если остановка предусмотрена на территории другого государства, даже если это Государство не является Высокой Договаривающейся Стороной. Перевозка без подобной остановки между двумя пунктами, находящимися на территории одной и той

же Высокой Договаривающейся Стороны, не рассматривается в смысле настоящей Конвенции как международная».²⁷⁷

Международные полеты воздушных судов выполняются на основе международных договоров Российской Федерации или разрешений, выдаваемых в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Основным международным документом, регламентирующим процедуру международных полетов, является Чикагская конвенция 1944 года о международной гражданской авиации,²⁷⁸ имеющая на сегодняшний день 18 приложений, в том числе второе и третье приложения к Конвенции, посвященные специально правилам полета.

Воздушный кодекс РФ установил, что правила международных полетов воздушных судов, аэронавигационная информация относительно международных воздушных трасс, международных аэропортов и открытых для международных полетов воздушных судов аэродромов, а также другая информация, необходимая для осуществления международных воздушных сообщений, публикуются в Сборнике аэронавигационной информации Российской Федерации.

Взлет и посадка воздушных судов Российской Федерации и воздушных судов иностранных государств при выполнении международных полетов в воздушном пространстве Российской Федерации производятся в международных аэропортах и на открытых для международных полетов воздушных судов аэродромах, за исключением случаев, установленных законодательством Российской Федерации.

Порядок пересечения границы РФ воздушными судами определен ст. 9 Закона «О Государственной границе», согласно которой воздушные суда пересекают Государственную границу по специально выделенным

²⁷⁷Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (Варшава, 12. 10. 1929 г., с изм. и доп. от 28. 09. 1955 г.) // Закон. 2000. № 6.

²⁷⁸Конвенция о международной гражданской авиации (Чикаго, 07. 12. 1944 г., с изм. и доп. от 27. 05. 1947 г., 14. 06. 1954 г., 15. 09. 1962 г., 21. 06. 1961 г., 12. 03. 1971 г., 07. 06. 1971 г., 16. 10. 1974 г. 06. 10. 1980 г., 10. 05. 1984 г.). Текст Конвенции, официально не опубликованный см.: Гарант – Справочная правовая система.

воздушным коридорам полета с соблюдением правил, устанавливаемых Правительством Российской Федерации и публикуемых в документах аэронавигационной информации. Пересечение Государственной границы вне выделенных воздушных коридоров, кроме случаев, специально указанных в законе и связанных, в первую очередь, с ситуациями крайней необходимости, допускается только по разрешению Правительства Российской Федерации. Воздушным судам при следовании от Государственной границы до пунктов пропуска через Государственную границу и обратно, а также при транзитном пролете через воздушное пространство Российской Федерации запрещаются (кроме случаев, предусмотренных Законом):

а) посадка в аэропортах, на аэродромах Российской Федерации, не открытых Правительством Российской Федерации для международных полетов;

б) вылет из аэропортов, с аэродромов Российской Федерации, не открытых Правительством Российской Федерации для международных полетов. В отдельных случаях при выполнении специальных международных полетов вылет воздушных судов из Российской Федерации, а также их посадка после влета в Российскую Федерацию могут производиться в аэропортах, на аэродромах Российской Федерации, не открытых для международных полетов, только по разрешениям Министерства транспорта Российской Федерации или Министерства обороны Российской Федерации, согласованным с Федеральной службой безопасности Российской Федерации, Государственным таможенным комитетом Российской Федерации и Министерством здравоохранения Российской Федерации;

в) залет в запретные для полетов районы, о которых сообщено для всеобщего сведения;

г) другие действия, запрещенные законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации.

Весьма широкий перечень нормативных актов, регламентирующих процедуру международного полета и их разноуровневый характер,

безусловно, затрудняют процесс квалификации рассматриваемого преступления. При этом следует обратить внимание, что, несмотря на открытый перечень нарушений правил в ст. 271 УК, не всякое нарушение правил международных полетов может быть квалифицировано как преступление. Так, если в процессе выполнения международного полета нарушаются правила безопасности движения или эксплуатации воздушного транспорта и наступают последствия в виде вреда здоровью, смерти либо причинения крупного ущерба, ответственность виновных наступает по ст. 263 УК РФ. Если же нарушаются правила, не связанные непосредственно с осуществлением полета (например, правила продажи билетов, выдачи багажных квитанций или багажа, соглашения о тарифах на перевозки и т. д.), ответственность по ст. 271 УК также исключается; в этом случае возможно привлечение виновных к административной ответственности или ответственности по иным статьям УК РФ.

По ст. 271 УК могут нести ответственность лишь лица, нарушившие установленные правила пересечения государственной границы воздушными судами, правила взлета, полета, посадки на территории России. Эти нарушения могут состоять в несоблюдении указанных в разрешении маршрутов, пролете в запретные зоны, несоблюдении мест посадки и взлета, воздушных ворот, высоты полета, отключении дальней связи, пересечении границы с просроченным разрешением или без разрешения, несоблюдении сроков полета, неподчинении требованию совершить посадку, неустановлении радиосвязи или ее прерывании, невключении опознавательного знака, несанкционированном сбрасывании груза и т. д.

По конструкции объективной стороны состав преступления является формальным и не требует наступления последствий для квалификации. Преступление будет считаться оконченным либо в момент незаконного пересечения Государственной границы, либо в момент нарушения иных правил полета.

Как и всякое нарушение правил, нарушение правил международных полетов может предполагать невыполнение предписанных правилами действий, выполнение запрещенных правилами действий, неполное или недобросовестное выполнение предписанных правилами действий. Независимо от физических характеристик поведения виновного, с социально-правовой точки зрения преступление совершается путем бездействия. В связи с этим при квалификации преступления всегда необходимо выяснить наличие у виновного объективной и субъективной возможности соблюдения правил. В частности, в соответствии со ст. 9 Закона «О государственной границе» не будет считаться нарушением правил пересечения Государственной границы вынужденный влет в воздушное пространство Российской Федерации воздушных судов, осуществляемый в силу следующих чрезвычайных обстоятельств: несчастного случая; аварии или стихийного бедствия, угрожающего безопасности иностранного судна; сильного шторма или иных метеорологических условий, угрожающих безопасности иностранного судна; буксировки поврежденного иностранного судна; доставки спасенных людей; оказания срочной медицинской помощи члену экипажа или пассажирам, а также в силу других чрезвычайных обстоятельств.

Субъективный критерий ответственности за несоблюдение правил предполагает, в первую очередь, наличие вины правонарушителя. Вопрос относительно возможной формы вины в данном преступлении вызывает в науке большие разногласия. Так, П. Ф. Тельнов, А. А. Игнатъев, И. М. Тяжкова пишут, что субъективная сторона нарушения правил полетов может быть выражена как прямым или косвенным умыслом, так и самонадеянностью или небрежностью.²⁷⁹ Поддерживая эту позицию, В. И. Жулев указывает: «Вряд ли правильно ограничивать эти преступления только умышленными. ... Больше того, умышленное нарушение правил международных полетов является, как правило, следствием иного, более

²⁷⁹Тельнов П. Ф. Иные государственные преступления. Учебное пособие. М., 1970. С. 30; Дьяков С. В., Игнатъев А. А., Карпушин М. П. Ответственность за государственные преступления. М., 1988. С. 156; Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб., 2002. С. 154.

серьезного преступного посягательства (захват и угон самолета, теракт, контрабанда). В чистом же виде рассматриваемое преступление является следствием ошибочных действий экипажа или наземной службы управления полетом и совершается по неосторожности».²⁸⁰ На противоположных позициях стоят В. Д. Иванов, считающий, что нарушение правил международных полетов предполагает только прямой умысел,²⁸¹ А. И. Коробеев, А. И. Чучаев, допускающие лишь умышленный характер действий виновного.²⁸²

Для ответа на вопрос о форме вины при нарушении правил международных полетов необходимо решить принципиальный вопрос о форме вины в формальном составе преступления. В последнее время некоторыми учеными активно отстаивается мысль о возможности совершения преступлений с формальным составом по неосторожности (при этом, обычно говорится о невозможности совершения преступления с формальным составом по легкомыслию, но допускается небрежное отношение к действию, при котором виновный не осознает его общественно опасного характера, но должен был и мог осознавать).²⁸³ Однако мы склонны согласиться с мнением И. М. Тяжковой о том, что «подгонять под формулировку ст. 26 формальные составы означает по существу распространительное толкование закона, которое может давать лишь законодатель».²⁸⁴ На наш взгляд, в преступлениях с формальным составом возможна лишь умышленная форма вины, причем умысел в них невозможно подразделить на прямой и косвенный, поскольку психическое отношение к

²⁸⁰Жулев В. И. Транспортные преступления. Комментарий законодательства. М., 2001. С. 162. В приведенном высказывании нам видится определенная ошибка автора, считающего равнозначным ошибочное и неосторожное поведение, ошибка, как известно, исключает вину.

²⁸¹Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под ред. В. Д. Иванова. Ростов-на-Дону, 2002. С. 389.

²⁸²Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю. И. Скуратов, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 633; Коробеев А. И. Транспортные преступления. СПб., 2003. С. 195.

²⁸³См.: Никифоров Б. С. Субъективная сторона в «формальных» преступлениях // Советское государство и право. 1971. № 3. С. 118 – 119; Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб., 2002. С. 88 и сл.; Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. С. 164 - 165.

²⁸⁴Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб., 2002. С. 35.

возможным последствиям в преступлениях с формальным составом не входит в предметное содержание вины.

Тем более, как нам представляется, невозможно допустить неосторожное отношение к действиям в тех составах преступлений, в которых говорится о нарушении специальных правил. «Если гражданин действует в сфере нормативно урегулированных общественных отношений в силу своей профессии, он обязан знать определенные правила, а, следовательно, и осознавать общественно опасный характер их нарушения если не знать, то догадываться он должен, как минимум».²⁸⁵ Осознание же общественно опасного характера совершаемых действий, согласно формулировкам статей 25 и 26 УК РФ, является атрибутом лишь умышленного отношения к действию. Таким образом, нарушение правил международных полетов является умышленным преступлением.

Субъектом нарушения правил международных полетов, согласно закону, выступает физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. В рамках характеристики субъекта преступления проблемным представляется вопрос о возможности признания в качестве такового представителей наземных авиаслужб и пассажиров. Так, П. Ф. Тельнов, А. А. Игнатъев, А. И. Чучаев полагают, что ответственность за нарушение правил международных полетов могут нести исключительно члены экипажа воздушного судна, поскольку от них зависит управление полетом, и только они могут нарушить соответствующие правила.²⁸⁶ В тоже время А. И. Коробеев, И. М. Тяжкова признают возможным квалифицировать по ст. 271 УК действия авиадиспетчеров, которые, к примеру, подают неверные команды, и пассажиров воздушного судна, которые принуждают членов

²⁸⁵ Никифоров Б. С. Субъективная сторона в «формальных» преступлениях // Советское государство и право. 1971. № 3. С. 119.

²⁸⁶ Тельнов П. Ф. Иные государственные преступления. Учебное пособие. М., 1970. С. 30; Дьяков С. В., Игнатъев А. А., Карпушин М. П. Ответственность за государственные преступления. М., 1988. С. 156; Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю. И. Скуратов, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 633.

экипажа к нарушению правил полета (согласно теории посредственного причинения).²⁸⁷

В решении данного вопроса, на наш взгляд, следует исходить из общетеоретических правил квалификации преступлений, связанных с нарушением специальных правил. Совершенно прав А. А. Тер-Акопов, говоря, что субъектом нарушения специальных правил может быть только лицо, на которое специально возложено выполнение этих правил²⁸⁸ (это положение косвенно вытекает и из содержания ст. 34 УК РФ). Таким образом, субъектом нарушения правил международных полетов могут быть лишь лица, на которых в силу закона или занимаемой должности возложены обязанности по их соблюдению; к таковым относятся лишь члены экипажа и некоторые работники наземных авиационных служб (авиадиспетчеры).

Решение вопроса о квалификации действий пассажиров представляется нам следующим. Если пассажир, применяя насилие или угрожая им, устанавливает свое господство над воздушным судном и навязывает экипажу собственные правила полета, то целесообразно в данном случае вести речь о захвате воздушного судна, преступлении, предусмотренном ст. 211 УК РФ. В подобном случае, при соблюдении требований ст. 40 УК РФ, ответственность членов экипажа воздушного судна и работников наземных исключается. Следует согласиться с А. А. Игнатьевым, что такая квалификация возможна, если угонщики не являются членами экипажа; «если же воздушное судно угоняют за границу лица, от которых зависит управление судном, то их действия следует квалифицировать по совокупности преступлений» - угон и нарушение правил международных полетов, поскольку угон не всегда обязательно предполагает нарушение правил полетов.²⁸⁹ В ситуации, когда пассажир, находящийся на борту судна, совершающего международный полет, нарушает установленные правила международных полетов (очевидно,

²⁸⁷Коробеев А. И. Транспортные преступления. СПб., 2003. С. 195; Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб., 2002. С. 155.

²⁸⁸Тер-Акопов А. А. Бездействие как форма преступного поведения. М., 1980. С. 61.

²⁸⁹Дьяков С. В., Игнатьев А. А., Карпушин М. П. Ответственность за государственные преступления. М., 1988. С. 157.

что он не в состоянии нарушить правила, непосредственно связанные с перемещением воздушного судна в воздушном пространстве России; но в нарушение правил может пролетать в Россию без разрешения, без документов и т. д.), он должен при наличии к тому оснований нести ответственность за незаконное пересечение Государственной границы.

Незаконное пересечение Государственной границы – последний из предусмотренных УК РФ составов преступлений, связанных с нарушением неприкосновенности границы. Объективная сторона данного деяния состоит в пересечении охраняемой Государственной границы РФ без установленных документов и надлежащего разрешения.

Сразу же обращает на себя внимание ограничение, введенное законодателем для обозначения границы: состав преступления образует незаконное пересечение лишь охраняемой Государственной границы. Закон РФ «О государственной границе» (ст. 3) устанавливает, что охрана Государственной границы является составной частью защиты Государственной границы и осуществляется пограничными органами и пограничными войсками, входящими в состав федеральной службы безопасности, в пределах приграничной территории, Вооруженными Силами Российской Федерации в воздушном пространстве и подводной среде и другими силами (органами) обеспечения безопасности Российской Федерации в случаях и в порядке, определяемых законодательством Российской Федерации. Охрана Государственной границы осуществляется в целях недопущения противоправного изменения прохождения Государственной границы, обеспечения соблюдения физическими и юридическими лицами режима Государственной границы, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через Государственную границу. Закон не делает каких-либо изъятий или исключений в деле охраны границы; вся граница России подлежит охране. В силу чего ограничительная позиция уголовного закона представляется нам не вполне обоснованной. Однако некоторые авторы пытаются оправдать законодательное решение. Так, С. В.

Максимов указывает, что «неохраняемой может быть признана лишь та часть Государственной границы РФ, охрана которой с использованием имеющихся средств объективно невозможна (вертикальная поверхность, проходящая по линии границы на глубине, недостижимой для имеющихся средств контроля пересечения или предупреждения незаконного пересечения Государственной границы)».²⁹⁰ Как нам представляется, следует различать охраняемость границы как ее статус (свойство) и охраняемость как насыщенность границы определенными техническими средствами (можно говорить, что в первом случае охраняется сама линия границы, а во втором – ее обозначение). Даже если на границе (на линии и на плоскости) отсутствуют средства контроля движения или иные технические приспособления для охраны, граница не перестает быть охраняемой, функцию охраны границы в любом случае выполняет закон, в том числе и уголовный. В силу изложенного представляется возможным исключить из текста ст. 322 УК указание на охраняемость границы (с этим согласны 68% опрошенных респондентов).

Бланкетный характер диспозиции закона предполагает для квалификации деяния обращение к тем нормативно-правовым актам, которые регламентируют легальный порядок пересечения Государственной границы. Пересечение границы предполагает фактическое физическое перемещение лицами и транспортными средствами линии или проходящей по этой линии вертикальной поверхности, определяющей пределы государственной территории (суши, вод, недр, и воздушного пространства). Правила пересечения государственной границы определены в ст. 9 Закона «О Государственной границе» («Пересечение Государственной границы лицами и транспортными средствами»), согласно которой устанавливаются:

а) места пересечения границы (на суше это пересечение должно осуществляться только на путях международного железнодорожного, автомобильного сообщения либо в иных местах, определяемых международными договорами Российской Федерации или решениями

²⁹⁰Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 731.

Правительства Российской Федерации, на море - в морских коридорах, в воздушном пространстве - по специально выделенным воздушным коридорам пролета);

б) пункты пропуска через государственную границу (лиц, транспортных средств, товаров, грузов и животных), которые могут находиться на удалении от государственной границы.

Пересечение границы может быть осуществлено в любом направлении и любым способом (пешком, с использованием транспортного средства, вплавь, по воздуху и т.п.).

Вопрос о документах, которые необходимы при пересечении Государственной границы Российской Федерации, регламентируется в Законе «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Для выезда из РФ и въезда в РФ граждане РФ обязаны иметь при себе документ, удостоверяющий их личность. В соответствии со ст. 7 названного закона основными документами, удостоверяющими личность граждан России, признаются: паспорт, дипломатический паспорт, служебный паспорт, паспорт моряка (удостоверение личности моряка).

Иностранные граждане и лица без гражданства при въезде в Россию и выезде из нее обязаны предъявить действительные документы, удостоверяющие их личность и признаваемые Российской Федерацией в этом качестве, и визу, выданную соответствующим дипломатическим представительством или консульским учреждением России за рубежом либо отечественными органами внутренних или иностранных дел. Виза представляет собой выданное уполномоченным государственным органом разрешение на въезд в Российскую Федерацию и транзитный проезд через территорию Российской Федерации по действительному документу, удостоверяющему личность иностранного гражданина или лица без гражданства и признаваемому Российской Федерацией в этом качестве. Для иностранных граждан, пребывающих на территорию Российской Федерации

на срок более трех месяцев, наряду с иными документами обязательен сертификат об отсутствии у них ВИЧ-инфекции (ч. 3 ст. 27 указанного закона).

Пересечение границы может быть осуществлено исключительно по подлинным и действительным документам. К недействительным документам относятся поддельные (полностью или частично), выписанные на других лиц, просроченные, с оттисками устаревших печатей, без специальных отметок пограничной службы и иным образом неправильно оформленные заграничные паспорта и визы, а также любые иные документы, которыми оформляется согласно специальному порядку пересечение государственной границы отдельными категориями лиц (ст. 9 Закона).

Наличие указанных документов является основанием для пропуска лиц через границу; пересечение же границы без них – основанием для возбуждения уголовного дела.

Обратим внимание на тот факт, что в отличие от предшествующего УК, устанавливавшего ответственность за незаконный въезд или выезд из страны, нынешний закон говорит лишь о пересечении границы без документов. Изменение редакции статьи поставило на повестку дня вопрос о квалификации действий лиц, пересекающих границу при наличии установленных документов, но в неустановленных местах. В условиях прежнего законодательства П. Ф. Тельнов писал, что преступным является любой способ пересечения государственной границы без установленного документа или с установленным документом, но помимо пограничного контрольно-пропускного пункта.²⁹¹ В современных условиях В. И. Земцов пишет, что «для состава данного преступления решающее значение имеет не место, где пересечена граница, а наличие или отсутствие у правонарушителя установленного паспорта или разрешения властей. В других случаях нарушения правил пересечения государственной границы, в том числе в неустановленных местах, наступает административная ответственность на

²⁹¹Тельнов П. Ф. Иные государственные преступления. Учебное пособие. М., 1970. С. 27.

основании ст. 183-1 Кодекса об административных правонарушениях»²⁹² (в действующем КОАП – ст. 18.1 - авторы).

На наш взгляд, декриминализация пересечения Государственной границы вне установленных мест проведена законодателем не вполне обоснованно. Заметим, что пересечение границы вне установленных мест, но при наличии документов, совершенное в одиночку, квалифицируется как административный проступок, а тоже деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору – как преступление (ч. 2 ст. 322 УК). Более того, пересечение границы даже несколькими лицами при наличии документов, но не в установленном месте, если из этих лиц только один непосредственно пересекал границу, а остальные выполняли пособнические, организаторские или подстрекательские роли (то есть пересечение границы в сложном соучастии), влечет административную ответственность, а групповое пересечение границы (когда непосредственно линию границы пересекают два или более исполнителя) влечет за собой уголовную ответственность.²⁹³ Но и не всякое групповое пересечение границы влечет уголовную ответственность: поскольку ст. 4.3 КОАП в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, называет совершение административного проступка группой лиц, то, очевидно, что пересечение границы группой лиц будет влечь административную ответственность, а пересечение границы группой лиц по предварительному сговору или организованной группой – уголовную. Как видим, в основу разграничения административного проступка и преступления законодателем положен критерий различной оценки форм соучастия. Сложное соучастие и соисполнительство при незаконном пересечении границы – критерий административного проступка, группа лиц по предварительному сговору или организованная группа – критерий преступления. Такая ситуация нетипична для уголовного закона,

²⁹² Земцов В. И. Уголовная ответственность за незаконное пересечение и противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 97.

²⁹³ В решении вопросов определения форм соучастия и разграничения сложного соучастия от группового преступления с распределением ролей нам близка позиция Р. Р. Галиакбарова, см.: Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями: вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 14 – 22; 51 – 83.

где различие в формах соучастия служит основанием дифференциации ответственности и индивидуализации наказания,²⁹⁴ но не критерием криминализации деяния. На наш взгляд, форма соучастия сама по себе не может служить основанием для отграничения проступка от преступления.²⁹⁵

А потому мы считаем необходимым внести определенные изменения в уголовное законодательство в части возврата к криминализации незаконного пересечения Государственной границы, совершенного в одиночку или группой лиц, в этом случае установление и дифференциация ответственности за рассматриваемое деяние будут выглядеть более логично (с таким предложением солидарны 79% опрошенных респондентов).

Дифференцирующими ответственность обстоятельствами за незаконное пересечение границы закон называет совершение преступления по предварительному сговору группой лиц или организованной группой, а равно с применением или угрозой применения насилия. Заметим, что действующая редакция статьи признает эти обстоятельства дифференцирующими лишь для пересечения границы без документов или разрешения; но рассматривает их в качестве основных признаков состава пересечения границы с нарушением иных правил. Таким образом, состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 322 УК является отчасти квалифицированным, отчасти основным. В этой связи трудно согласиться с мнением В. И. Земцова, указывающего, что «руководствуясь буквой закона и общими правилами законодательной техники, следует признать, что в ч. 2 ст. 322 УК излагаются специальные дополнительные признаки основного состава преступления, объективная сторона которого выражается в пересечении охраняемой государственной границы без установленных документов или разрешения. В других случаях

²⁹⁴См.: Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998.

²⁹⁵Ни в одной из изученных нами работ форма соучастия не определяется в качестве критерия криминализации деяний, см.: Коробеев А. И. Уголовная наказуемость общественно опасных деяний (основания установления, характер и реализация в деятельности органов внутренних дел). Хабаровск, 1986; Ковалев М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987; Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л., 1984; Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001 и др.

даже при наличии квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 322 УК, отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 322 УК».²⁹⁶

Содержание квалифицирующих признаков рассматриваемого состава преступления (равно как и субъективные признаки состава) достаточно хорошо изучено как в работах общего характера, так в специальных исследованиях, в связи с чем их анализ в настоящей работе мы считаем излишним.

Рассматривая проблемы обеспечения неприкосновенности Государственной границы, следует обратить внимание на предписание, включенное в 2003 году в Закон «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ». Согласно ст. 25.10 Закона, физические и юридические лица, *содействующие* иностранному гражданину или лицу без гражданства в незаконном въезде в Российскую Федерацию, незаконном выезде из Российской Федерации, незаконном транзитном проезде через территорию Российской Федерации и незаконном пребывании (проживании) в Российской Федерации, а также транспортные или иные организации, осуществляющие международные перевозки и доставившие в Российскую Федерацию иностранного гражданина или лицо без гражданства, которые имеют неправильно оформленные документы либо не имеют установленных документов на право въезда в Российскую Федерацию, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Однако анализ положений Уголовного и Административного Кодексов России не позволяет считать, что такая ответственность установлена.

Содействие иностранному гражданину или лицу без гражданства в незаконном пересечении границы с точки зрения уголовного закона весьма тесно примыкает к организации незаконного пересечения границы; а создание организации, занимающейся незаконным перемещением лиц через границу, можно рассматривать в качестве разновидности криминального бизнеса. Степень общественной опасности подобных действий достаточно

²⁹⁶Земцов В. И. Уголовная ответственность за незаконное пересечение и противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 100.

велика, ими причиняется ущерб территориальной неприкосновенности России, создаются условия для проникновения на территорию России лиц, самих по себе или в связи с осуществляемой ими деятельностью представляющих опасность для общественной безопасности, обороноспособности, формируются предпосылки роста преступности иностранцев России²⁹⁷ и т. д.

Организационная деятельность по незаконному пересечению Государственной границы представляет опасность в виду ее связи с незаконной миграцией. Как показывают специальные исследования, все большая вовлеченность России в сферу незаконных миграционных процессов проявляется в том, что Россия выступает в них в различных качествах: 1) страны исхода граждан РФ с целью осуществления криминальных намерений, нелегальной трудовой деятельности в экономически более развитых странах; 2) страны транзита иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно перемещающихся либо нелегально переправляемых из стран Азии и Африки в страны Западной Европы и США; 3) страны размещения лиц, ищущих убежища на территории России, но не имеющих законных оснований для получения статуса беженца в РФ; 4) страны временного пребывания наемников – иностранцев, принимающих участие в террористической деятельности на территории Чеченской Республики; 5) страны конечного назначения для граждан ряда стран дальнего зарубежья и государств СНГ, въезжающих на территорию России с целью нелегального занятия формально законными видами трудовой деятельности либо с целью осуществления противоправной, зачастую преступной деятельности.²⁹⁸ В последнее время, отмечают специалисты, «незаконная миграция и связанные с ней процессы стали долговременными факторами, оказывающими все

²⁹⁷О негативных тенденциях преступности иностранных граждан в РФ см.: Харламова Ю. Н. Ответственность иностранных граждан по российскому уголовному праву. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 9; Сандугей А. Н. Преступность иностранцев в России // Проблемы борьбы с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом. Сб. науч. трудов. М., 2000. С. 152 – 159; Кузьмичев В. С. Профилактика преступлений, совершенных мигрантами. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984.

²⁹⁸Галуза Е. В. Правовое регулирование миграции и обеспечение ее правомерного осуществления. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 18.

более заметное влияние на социально-политическую и экономическую ситуацию в России, особенно в приграничных районах. ... незаконная миграция существенно обостряет социальную, демографическую и криминогенную обстановку в России, негативно воздействует на межнациональные, этнические отношения, на положение и авторитет российского государства на международной арене».²⁹⁹

Учитывая эти обстоятельства, представляется уместным воспользоваться опытом ряда зарубежных стран в части криминализации организационной деятельности по незаконному пересечению границы. На наш взгляд, состав незаконного пересечения Государственной границы организованной группой не равнозначен составу организации незаконного пересечения Государственной границы; он является более узким, поскольку может быть вменен лишь членам (организаторам и участникам) организованной преступной группы. Состав же организации незаконного пересечения границы должен вменяться тем лицам, которые специализируются, «профессионализируются» на переправке через границу граждан и иностранцев. По сути речь должна идти о криминализации еще одного вида преступной группы в УК. Имеющаяся ст. 210 УК не может быть применена к лицам, организующим «на профессиональной основе» незаконное перемещение через границу, поскольку преступление, предусмотренное ст. 322 УК, не относится к категории тяжких. Вряд ли достаточно для квалификации рассматриваемого вида действий положений ст. 34 УК, допускающих квалифицировать действия лиц, содействующих незаконному пересечению границы по ст. 322 УК со ссылкой на ч. 3 или ч. 5 ст. 33 УК РФ, поскольку такая квалификация не будет отражать общественной опасности совершенного. Таким образом, мы предлагаем законодателю обсудить вопрос о криминализации создания и участия в организованной группе лиц, созданной для организации незаконного пересечения Государственной границы РФ (с этим предложением согласились 80% опрошенных

²⁹⁹Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / Под ред. А. И. Гурова. М., 2000. С. 39

респондентов). Полагаем, что этот вопрос должен стать составной частью проблемы борьбы с незаконным вывозом за границу женщин и детей, торговлей несовершеннолетними, незаконным усыновлением, эксплуатацией проституции третьими лицами.

Подводя итог анализу законодательных положений относительно защиты неприкосновенности Государственной границы России, считаем возможным высказать собственную рекомендацию относительно их возможного совершенствования. Во-первых, представляется необходимым предусмотреть в Разделе X УК самостоятельную главу «Преступления против неприкосновенности Государственной границы Российской Федерации», включив в нее положения ст. 271, 322, 323 УК РФ. Во-вторых, полагаем целесообразным внести коррективы в некоторые статьи действующего уголовного закона, изложив их в следующей редакции:

**Статья 322. Незаконное пересечение Государственной границы
Российской Федерации**

1. Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации – наказывается ...

2. То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с применением насилия или угрозой его применения, - наказывается ...

Примечание. Действие настоящей статьи не распространяется на случаи прибытия в Российскую Федерацию с нарушением правил пересечения Государственной границы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства для использования права политического убежища в соответствии с Конституцией Российской Федерации, если в действиях этих лиц не содержится иного состава преступления.

**Статья 323. Противоправное изменение обозначения Государственной
границы**

1. Противоправное изъятие, перемещение или уничтожение пограничных знаков – наказывается ...

2. То же деяние, повлекшее тяжкие последствия, - наказывается ...

Статья X. Организация незаконного пересечения Государственной границы

Создание или участие в организованной группе лиц для содействия иностранному гражданину или лицу без гражданства в незаконном въезде в Российскую Федерацию, незаконном выезде из Российской Федерации, незаконном транзитном проезде через территорию Российской Федерации и незаконном пребывании (проживании) в Российской Федерации, а равно для содействия гражданину РФ в незаконном пересечении Государственной границы РФ, - наказывается ...

§ 3. Ответственность за сепаратизм, инспирирование и поддержку сепаратистских движений

Принцип территориальной целостности и неприкосновенности государственной территории предполагает строгий запрет на организацию сепаратистских движений. Их общественная опасность чрезвычайно высока. Как совершенно справедливо указывает А. Бьюкенен, «утверждение, что распространение сепаратистских движений может иметь разрушительные последствия для международного порядка и мира – скорее преуменьшение, чем преувеличение реальной опасности».³⁰⁰

Вопрос о сепаратизме является «камнем преткновения» двух принципов международного права: принципа территориальной целостности государств и принципа самоопределения народов. На необходимость сочетания данных принципов обращалось внимание в множестве международно-правовых актах. Так, Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960 г.) заявила, с одной стороны, что все народы имеют право на самоопределение и в силу этого свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие, а с другой стороны, - что всякая попытка, направленная

³⁰⁰Бьюкенен Ален. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М., 2001. С. 15.

на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава ООН.³⁰¹ Декларация о принципах международного права (1970 г.), провозгласившая в качестве одной из основных идей сотрудничества государств принцип равноправия и самоопределения народов, предполагающий, в том числе, и право на отделение и создание самостоятельного государства как форму реализации права на самоопределение, тем не менее, также указала, что «ничто в приведенных выше абзацах не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше; и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи».

Как было указано выше (см. Глава 1, § 1), при всей кажущейся противоречивости рассматриваемых принципов, цивилизованное сообщество выработало достаточный арсенал демократических средств их сочетания. Тем не менее, современная социальная и политическая практика все еще свидетельствует о наличии попыток реализовать право на самоопределение без учета иных принципов международного права, что приводит к появлению различного рода сепаратистских движений.

Понятие сепаратизма, как «движения за отделение части государства и создание нового государственного образования или за предоставление части страны автономии»,³⁰² не известно действующему уголовному законодательству. Однако нормы, направленные на предотвращение распада государства, в нем, безусловно, предусмотрены. Речь идет о ст. 279

³⁰¹См.: Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 2000. С. 101 – 103.

³⁰²Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб и доп. М., 2002. С. 554.

«Вооруженный мятеж», ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремисткой деятельности», ст. 282² «Организация деятельности экстремисткой организации». Таким образом, можно говорить о том, что отечественному законодательству известны насильственная, призывная и организационная деятельность, направленная на причинение вреда территориальной неприкосновенности государства.³⁰³ Порядок изложения указанных статей в тексте УК отражает присущую соответствующим преступлениям степень общественной опасности.

Заметим, что современной законотворческой практике известны предложения о дополнении данной системы норм некоторыми специальными составами. В частности, депутатами С. Н. Шинкаревым и Д. О. Рогозиным в Государственную Думу был внесен законопроект № 197840 – 3 о дополнении УК РФ ст. 281¹. Депутатами предлагается дополнить кодекс нормой следующего содержания:

«Статья 281.1. Незаконное отчуждение должностным лицом части территории Российской Федерации

1. Незаконное отчуждение должностным лицом части территории Российской Федерации иностранному государству - наказывается лишением свободы от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

2. То же деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой местного самоуправления, - наказывается лишением свободы от семи до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной

³⁰³К указанным нормам отчасти примыкает ст. 275 УК «Государственная измена». Допустимо утверждать, что «иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям» вполне может заключать в себе угрозу территориальной целостности Российского государства, поскольку внешняя безопасность – объект государственной измены, как справедливо указывает А. Ю. Шумилов, «представляет собой комплекс жизненно важных интересов страны, который охватывает суверенитет России, целостность и неприкосновенность ее территории, а также оборону государства от угроз извне» (см.: Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: Комментарий к главе 26 УК РФ. с постатейным приложением нормативных актов и документов / Авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М., 2001. С. 9). Однако детальный анализ признаков государственной измены находится за рамками настоящего исследования.

деятельностью на срок до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой.

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, если они:

а) совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) совершены из корыстной или иной личной заинтересованности;

в) нанесли ущерб внешней безопасности Российской Федерации или повлекли иные тяжкие последствия, -

наказываются лишением свободы свыше пятнадцати лет с конфискацией имущества».³⁰⁴

Прежде чем оценить этот законопроект считаем необходимым обратить внимание на некоторые частные неточности и упущения, содержащиеся в части третьей предлагаемой статьи. Во-первых, считаем лишним указание в пункте «в» на последствие в виде нанесения ущерба безопасности, поскольку всякое отчуждение территории государства безусловно предполагает такой ущерб; во-вторых, не соответствующей требованиям законодательной техники выглядит санкция части третьей, скорее следовало бы указать на возможный максимальный срок лишения свободы – 20 лет.

Если принять во внимание эти замечания, то предлагаемую норму «в чистом виде» вполне можно рассматривать в качестве частного случая превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), имеющего повышенные санкции. Указанные действия могут быть также составной частью вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ), если совершаются должностным лицом под давлением мятежников; если же преступление совершается по заданию иностранного государства, его можно расценить как разновидность государственной измены в форме «иногo оказания помощи» (ст. 275 УК РФ). Таким образом, мы можем заключить, что современный арсенал уголовно-правовых средств борьбы с рассматриваемым видом

³⁰⁴См.: Справочная правовая система Консультант Плюс. Версия Проф (законопроекты).

незаконной деятельности должностных лиц вполне адекватен поставленным задачам обеспечения территориальной целостности России, а потому введение специальной нормы будет выглядеть излишним.

Наиболее опасным преступлением в системе норм о защите страны от сепаратизма закон признает вооруженный мятеж. Вооруженный мятеж не определяется законом сам по себе, в статье речь идет только об организации либо активном участии в вооруженном мятеже с целью свержения или насильственного изменения конституционного строя РФ либо нарушения ее территориальной целостности. Таким образом, исходя из текста закона, нам известен лишь один объективный признак мятежа – его вооруженность, и один субъективный – направленность против конституционного строя и целостности государства. Однако выяснение всех объективных и субъективных признаков вооруженного мятежа является необходимым условием правоприменения.

Обычно мятеж определяется как «стихийное восстание, вооруженное выступление против власти».³⁰⁵ Однако в юридической науке однозначного определения данного понятия нет. Ткачевский Ю. М. и Тяжкова И. М. пишут, что «мятеж представляет собой *неповиновение* более или менее значительной группы граждан законам и распоряжениям власти, которые они обязаны исполнить, и совершение насильственных действий с целью свержения власти или получения от нее определенных уступок в пользу мятежников», а далее уточняют: «вооруженный мятеж представляет собой насильственные действия с применением оружия группы лиц либо законных вооруженных формирований, отказывающихся повиноваться законам и совершающих действия, направленные на свержение власти, насильственное изменение конституционного строя или нарушение территориальной целостности России».³⁰⁶

³⁰⁵Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, дополн. М., 1999. С 373.

³⁰⁶Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учебник для вузов / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 2002. С. 35 - 36.

На наш взгляд, исходя из отечественного и зарубежного опыта борьбы с государственной преступностью, следует различать понятия неповиновение и мятеж. Безусловно, всякие мятежнические действия выступают в качестве проявления акта неповиновения, но от всех иных видов неповиновения мятеж отличается целым рядом признаков. В юридической литературе неповиновение традиционно рассматривается в качестве одной из форм неисполнения приказа (ст. 332 УК РФ), при этом под неповиновением понимается «открытый отказ от исполнения приказа», «наиболее дерзкая форма неисполнения приказа, демонстративное противопоставление своей воли воле начальника».³⁰⁷ Таким образом, неповиновение предполагает наличие определенного, конкретного требования или распоряжения, от исполнения которого виновный уклоняется. В ситуации неповиновения законным требованиям власти это означает наличие конкретного закона, указа, иного нормативного акта, исполнению которого противится виновный или их группа. При мятеже же такой конкретики не существует, действия виновных характеризуются своей направленностью на изменение конституционного строя в целом или на нарушение территориальной целостности России. Если при неповиновении нарушаются в первую очередь интересы управления, целостность и единство системы исполнительной власти, то при мятеже под угрозу ставится целостность государства как такового.

Отличие неповиновения от мятежа заключается и в том, что мятеж всегда предполагает вооруженный характер действий. Признак вооруженности раскрыт Пленумом Верховного Суда РФ применительно к банде, но полагаем, что сделанные им указания справедливы и для мятежа. Согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 17. 01. 1997 г. под вооруженностью следует понимать «наличие у участников банды (читай – у участников мятежа – авторы) огнестрельного или холодного, в том числе метательного, оружия, как заводского изготовления, так и

³⁰⁷Борисенко В. М., Егоров К. И., Исаев Г. Н., Сапсай А. В. Преступления против военной службы. СПб., 2002. С. 116.

самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия. ... Использование участниками нападения (читай – участниками мятежа – авторы) непригодного к целевому применению оружия или его макетов не может рассматриваться в качестве признака их вооруженности.³⁰⁸ ... Банда (читай – мятеж - авторы) признается вооруженной при наличии оружия хотя бы у одного из ее членов и осведомленности об этом других членов банды».³⁰⁹

Вооруженность действий по пересмотру территориальных границ и конституционных основ государства является частью более общего признака насильственности изменения строя и территориальных границ. Еще в XIX столетии ученые отмечали, что признак насильственности отличает мятеж от реформ, от ходатайств о расширении прав и от политической пропаганды.³¹⁰ При этом, как указывал Н. С. Таганцев, «насилие, как средство выполнения мятежа, может быть сообразно с особенностями отдельных видов мятежа, или физическое или психическое, оно может быть непосредственное или посредственное».³¹¹

Признаком мятежа следует считать и его массовый характер. В отличие от известных уголовному законодательству групповых образований, где минимальное количество участников равняется двум, мятеж предполагает несколько (а, как правило, и гораздо) большее количество участников. По указанному признаку мятеж близок к массовым беспорядкам (в тоже время отличается от них степенью организованности и подготовленности). Характеризуя массовость, ученые обычно используют слово «толпа»: «подстрекательство, руководство, направление действий толпы» (В. С.

³⁰⁸Эту позицию повторил Пленум применительно к квалификации вооруженных разбоев, см.: п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27. 12. 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Справочная правовая система Консультант Плюс: Версия Проф.

³⁰⁹Российская юстиция. 1997. № 5. С. 55.

³¹⁰Малянтович П. Н., Муравьев Н. К. Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. СПб., 1910. С. 123.

³¹¹См.: Уголовное Уложение 22 марта 1903 года. Издано Н. С. Таганцевым. СПб., 1904. С. 187.

Егоров);³¹² «объединение толпы или руководство ею» (С. В. Дьяков);³¹³ «совершение погромов, поджогов, разрушений, насилия над личностью, а равно воспрепятствование осуществлению конституционных прав и интересов граждан, совершенные с участием толпы» (А. Абдульманов).³¹⁴ Представляется, что исчислять количественную характеристику массовости – дело бесполезное, поскольку ее масштабы должны оцениваться судом, исходя из всех конкретных обстоятельств дела: региональных факторов, ориентированности мятежа на определенную профессиональную или политическую принадлежность участников и т. д. Следует лишь помнить, что «толпа парализует позитивный контроль за поведением людей, аккумулирует отрицательную энергию входящих в нее лиц, создает негативные фронтальные ситуации, повышает виктимность всего населения».³¹⁵

Более необходимым считаем выяснение психологических особенностей взаимосвязи участников толпы, которое оказывает непосредственное влияние на квалификацию деяния. Исходя из них, заметим, что среди лиц, участвующих в мятеже, закон четко различает организаторов и участников.

Организаторы вооруженных выступлений против власти были известны ранее действовавшему законодательству и их действия охватывались понятием заговора с целью захвата власти (п. «а» ст. 64 УК РСФСР). При этом большая часть исследователей рассматривала заговор в качестве разновидности антисоветской организации.³¹⁶ Действительно, организационная деятельность по подготовке мятежа немыслима вне рамок какой-либо группы лиц. На сегодняшний день деидеологизированное законодательство рассматривает деятельность общественных и религиозных

³¹²Егоров В. С. Уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности и общественного порядка. М. – Воронеж, 2000. С. 18.

³¹³Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации /Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 482. В дальнейшем С. В. Дьяков несколько изменил свои высказывания и характеризовал действия организаторов мятежа без использования слова толпа: «объединение усилий значительного числа вооруженных лиц» - см.: Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 46.

³¹⁴Абдульманов А. Ответственность за массовые беспорядки //Российская юстиция. 1996. № 1. С. 43 – 44.

³¹⁵Шеслер А. В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 25.

³¹⁶Клягин В. С. Ответственность за особо опасные государственные преступления. Минск, 1973. С. 123.

объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; подрыв безопасности Российской Федерации; захват или присвоение властных полномочий, в качестве экстремистской деятельности (экстремизма). Поэтому всякая организация, составившаяся для осуществления вооруженного мятежа с целью нарушение территориальной целостности России, должна рассматриваться как экстремистская и подлежащая запрету. Следовательно, участники экстремистской организации, организующие вооруженный мятеж или активно участвующие в нем, должны всегда нести ответственность по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 282² и 279 УК РФ.

В тоже время к участию в вооруженном мятеже могут быть привлечены и лица, не являющиеся участниками экстремистской организации. У них, как правило, отсутствует присущая банде или организованной группе сплоченность и устойчивость (она может иметь место лишь среди участников организованной группы, организующих мятеж или массовые беспорядки). Весьма совершенную и понятную рядовому читателю характеристику психологической атмосферы среди них дали комментаторы XIX столетия: «группа людей, охваченная общим инстинктом или идеей, образует как бы самостоятельное, независимое от составляющих ее единиц, социально многоголовое тело, и как таковое, живет, действует, следуя своей особой психологии массы. Благодаря психическому взаимодействию друг на друга участников толпы, увеличивается сила и активность каждого участника, и вместе с тем, всего скопища».³¹⁷

Исходя из изложенного, мы можем определить вооруженный мятеж как активную, насильственную, совершаемую с применением или угрозой применения оружия деятельность широкого круга лиц, направленную на

³¹⁷Малянтович П. Н., Муравьев Н. К. Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. СПб., 1910. С. 188.

свержение, изменение конституционного строя либо нарушение территориальной целостности РФ.

Сама по себе эта деятельность может быть выражена в самопровозглашении отдельной территории России независимым государством, вооруженном захвате власти, применении репрессий в отношении должностных лиц законно образованных органов власти, неподчинении требованиям федеральных властей, вооруженном сопротивлении воинским контингентам, призванным восстановить конституционный правопорядок и т. д.

Признаки мятежа, на наш взгляд, вполне удачно определены Н. П. Водько, который называет ими: наличие более двух лиц, совместность их действий, осведомленность каждого участника о характере и цели совместной деятельности, согласованность действий, наличие предварительного сговора и объединенности, вооруженность, политическую цель и применение насилия.³¹⁸

Законодатель поместил норму о вооруженном мятеже в главу о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства. В связи с чем указанные ценности признаются в науке основным объектом преступления, а, учитывая вооруженный и насильственный характер действий мятежников дополнительным объектом определяются жизнь и здоровье людей.³¹⁹ Некоторые исследователи уточняют, что основным объектом мятежа является внутренняя безопасность государства или его политическая система.³²⁰ Как видим, особых принципиальных разночтений относительно объекта мятежа не имеется. Однако мы полагаем, что некоторая терминологическая упорядоченность все-таки необходима.

³¹⁸Водько Н. П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: Научно-практическое пособие. М., 2000. С. 73.

³¹⁹См.: Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 46 – 46; Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: Комментарий к главе 26 УК РФ. с постатейным приложением нормативных актов и документов / Авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М., 2001. С. 44.

³²⁰Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учебник для вузов / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 2002. С. 31.

Внутренняя безопасность государства – есть часть государственной безопасности (наряду с внешней), выявляемая в зависимости от источника угроз основным государственным интересам. В качестве безусловного государственного интереса выступает стабильность основ его конституционного строя, при этом территориальная целостность и неприкосновенность Российского государства согласно ст. 4 Конституции РФ является составной частью этих основ. Таким образом, неприкосновенность и целостность территории – это часть более общего понятия конституционного строя, а внутренняя безопасность – часть государственной безопасности вообще. Территориальная целостность государства защищается от внешних угроз нормами об ответственности за агрессию и государственную измену, а от внутренних угроз – среди прочих, нормой об ответственности за вооруженный мятеж. Исходя из этого, мы можем определить основным видовым объектом вооруженного мятежа общественные отношения, обеспечивающие состояние защищенности основ конституционного строя России (и территориальной целостности как их составной части) от внутренних угроз.³²¹

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления состоит из двух альтернативных действий – организации вооруженного мятежа или активного участия в нем. При этом в отличие от некоторых иных составов преступлений (ст. 208, 209, 210) в ст. 279 УК законодатель в одной части статьи предусмотрел ответственность и за организационную деятельность, и за участие в мятеже.

Организация мятежа может проявляться в самых разнообразных действиях. Так, действия организаторов заключаются в подборе и организации людей, склонных к совершению насильственных действий, агрессивных и желающих публично выразить свое «недовольство жизнью» или психически неуравновешенных лиц. Проводится работа по вооружению этих людей, подготовке предметов, которые могут быть использованы ими в

³²¹ Данное определение объекта будет справедливым и для преступлений, предусмотренных ст. 280, 282² УК РФ.

качестве оружия. Организаторы планируют развитие беспорядков, распределяют между собой роли при их проведении, готовят и обучают так называемых «provokatorov» и «boevikov», воздействуют на настроения людей непосредственно на мероприятии, распространяя листовки с призывами к насильственным действиям, организуют выступления специально подготовленных ими ораторов. Особенно опасны действия организаторов, проводимые на почве разжигания национальной или религиозной вражды, поскольку, как показывает практика, в этих случаях, как правило, неминуемы посягательства на жизни людей.³²² Уже непосредственно в процессе мятежа организаторы лично либо через своих доверенных лиц руководят действиями толпы, координируют их для наиболее эффективного сопротивления правоохранительным органам, постоянно поддерживают у людей возбужденное и агрессивное настроение выдвижением новых лозунгов, сообщением сведений, вызывающих возмущение людей, и т. д.

Как видим, среди организаторских действий отчетливо выделяются две группы: действия, совершаемые до начала мятежа (собственно организация) и действия, совершаемые в процессе мятежных выступлений (руководство мятежом). И те, и другие представляют высокую общественную опасность, однако, законодатель не указала непосредственно в ст. 279 УК на руководство мятежом в качестве признака состава преступления. Считаем такое упущение недостатком закона, поскольку, во-первых, законодателю известны понятия организации и руководства в иных статьях УК (в первую очередь, ст. 35), где им придается несколько различный смысл при равной законодательной оценке; а во-вторых, отсутствие в статье упоминания о руководстве мятежом не позволяет привлечь к ответственности лиц, которые его не организовывали и не принимали непосредственного участия в вооруженном выступлении (квалификация действий руководителя мятежа через признак активного участия в нем не отражала бы специфики выполняемой виновным функции). Таким образом, на наш взгляд, вполне

³²²Соловьев А. Массовые беспорядки: организация, участие призывы к неподчинению // <http://www.jurga.hut/all.dogs/u/a/f3n1syam.html>

возможно дополнить ст. 279 УК указанием на руководство мятежом в качестве признака состава преступления (с таким предложением согласились 76% опрошенных респондентов).

Организационная деятельность, направленная к совершению мятежа, может состоять в создании экстремисткой организации, преступного сообщества, банды, незаконного вооруженного формирования. В виду того, что эти действия предусмотрены самостоятельными статьями УК, ответственность за них должна наступать по правилам совокупности преступлений.

Деятельность участников вооруженного мятежа с точки зрения уголовного закона подлежит оценке в следующих случаях: 1) если она носила характер активной,³²³ то должна быть квалифицирована по ст. 279 УК РФ; 2) если она состояла в совершении каких-либо конкретных преступлений (убийств, грабежей, хранения оружия и т. д.), то, наряду с квалификацией по ст. 279 УК, она подлежит самостоятельной оценке по соответствующим статьям УК согласно правилам совокупности преступлений.

Участие в преступлении с позиций учения о видах соучастников в уголовном праве представляет собой выполнение субъектом различных функций: организаторских, подстрекательских, пособнических или исполнительских. Однако в виду того, что в ст. 279 УК организаторскую деятельность законодатель оговаривает отдельно, логично предположить, что участие в мятеже предполагает совершение любых действий, кроме организаторских: подстрекательство к мятежу, пособничество ему, совершение непосредственных мятежных действий (например, захват власти, применение насилия, сопротивление федеральным воинским контингентам и т. д.). При этом заметим, что подстрекательство к мятежу, как

³²³Мы согласны с утверждением, что «активное участие в вооруженном мятеже – это непосредственная сознательно-волевая энергичная, инициативная и, как правило, насильственная деятельность иных, кроме организаторов, участников вооруженного выступления в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации». См.: Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: Комментарий к главе 29 УК РФ. С постатейным приложением нормативных актов и документов /Авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М., 2001. С. 44.

форма активного участия, весьма близко граничит с публичными призывами к осуществлению экстремисткой деятельности. Считаем, что разграничение следует проводить по времени совершения действий: выполнение активной роли в мятеже возможно лишь с момента его начала, в то время как призывы к экстремисткой деятельности возможны и до начала мятежа; кроме того, призывы к экстремисткой деятельности включают в себя как призывы к мятежу, так и призывы к иным экстремистским действиям.

Указание на активное участие в совершении мятежа позволяет правоприменителю самостоятельно оценивать характер и степень опасности действий тех или иных лиц для решения вопроса о привлечении их к уголовной ответственности, служит критерием отграничения простого нахождения (пребывания) в толпе во время мятежа от собственно участия в нем. Указанный признак (в отличие от организации мятежа) является оценочным. Напомним, что «оценочные суждения должны основываться на реальных фактах, отражать требования закона, истолковываться во взаимосвязи с другими институтами и понятиями права», что «любое судебное решение, связанное с употреблением оценочных понятий и суждений, должно быть мотивировано, основано на законе и на доказанных по делу фактах и может подлежать проверке со стороны вышестоящих судебных органов».³²⁴

Как известно, законодатель в ст. 63 УК в качестве отягчающего наказание обстоятельства упоминает особо активную роль в совершении преступления. При этом в науке справедливо проводится отличие между активной ролью и особо активной ролью в совершении преступления.³²⁵ Учитывая это, отметим, что при рассмотрении дел о вооруженном мятеже на правоприменителе лежит большая ответственность, во-первых, по установлению признаков активности участия для возложения ответственности, а во-вторых, по установлению особо активного участия в

³²⁴Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 118.

³²⁵Мясников О. А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике. М., 2002. С. 176.

мятеже для индивидуализации наказания. Оценочный признак в данном случае служит и частью основания ответственности, и критерием ее индивидуализации.

Анализируемый состав преступления относится к числу формальных составов, однако момент его выполнения для организаторов и активных участников различен. Вряд ли можно согласиться с утверждением А. Ю. Шумилова, что для организатора преступление считается оконченным «с момента совершения практических действий, направленных на организацию мятежа, вне зависимости от их реализации в фактический вооруженный мятеж».³²⁶ В постановлении № 1 Пленума Верховного Суда РФ от 17. 01. 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» указано, что «в тех случаях, когда активные действия лица, направленные на создание устойчивой вооруженной группы, в силу их своевременного пресечения правоохранительными органами либо по другим, не зависящим от этого лица обстоятельствам, не привели к возникновению банды, они должны быть квалифицированы как покушение на создание банды». Полагаем, что подобная рекомендация будет справедлива и для организаторов мятежа: если действия направленные на организацию вооруженного выступления, не привели к таковому, их целесообразно рассматривать как покушение на организацию вооруженного мятежа.³²⁷ Действия же активных участников вооруженного мятежа следует признавать оконченными с момента их непосредственного совершения.

Субъективная сторона организации и активного участия в вооруженном мятеже характеризуется виной в форме умысла и специальной целью – свержение или насильственное изменение конституционного строя РФ либо нарушение территориальной целостности России. Субъект – общий.

³²⁶Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: Комментарий к главе 29 УК РФ. С постатейным приложением нормативных актов и документов /Авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М., 2001. С. 44.

³²⁷С учетом приведенных положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ считаем противоречащей сложившейся практике и официальному толкованию аргументацию Ю. М. Ткачевского и И. М. Тяжковой, отстаивающих тезис об окончании организации мятежа с момента совершения действия, независимо от наличия последующего выступления. См.: Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учебник для вузов / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 2002. С. 36 – 37.

Анализируя содержание ст. 279 УК и понятие мятежа, мы приходим к выводу о некоторых пробелах в отечественном законодательстве. В частности, речь идет о том, что мятежнические действия в ст. 279 УК связаны законодателем исключительно с конституционным строем и целостностью России, при этом упускается из виду деятельность, направленная на изменение начал власти и территории субъекта Российской Федерации. В тоже время в той или иной форме понятие основ конституционного (государственного и общественного) строя известно Уставам и Конституциям всех субъектов Федерации.³²⁸ На наш взгляд, целесообразно предусмотреть в уголовном законодательстве специальное упоминание о мятежнических действиях против основ строя и целостности территории в субъекте Федерации, для чего соответствующим образом скорректировать ст. 279 УК РФ (аналогично решению германского законодателя и согласно опыту Уложения 1903 года). С таким предложением солидарны 79% опрошенных респондентов.

В порядке предложения по усовершенствованию уголовного законодательства в науке предлагалось дополнить ст. 279 УК частью второй с санкцией вплоть до смертной казни, предусмотрев в ней квалифицированный состав мятежа: «деяния мятежников, сопряженные с посягательством на жизнь человека».³²⁹ На наш взгляд, такое «добавление» не принесет положительного эффекта, напротив, породит дополнительные проблемы в части квалификации преступления. Во-первых, не ясно, должны ли быть эти деяния активными, во-вторых, должны ли быть это деяния участников или организаторов, в-третьих, если по сложившейся практике деяния, сопряженные с чем-либо, квалифицируются по правилам совокупности преступлений,³³⁰ то наличие части второй в подобной редакции представляется бесполезным.

³²⁸Текст Конституций и Уставов субъектов Федерации см.: <http://legislature.ru/ruconst>

³²⁹См: Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 265 – 266.

³³⁰См. рекомендации Пленума Верховного Суда РФ по квалификации убийств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27. 01. 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ).

Анализ положений ст. 279 УК требует обращения и еще к одной немаловажной проблеме, близкой по своему содержанию конституционному праву – проблеме права народов на революцию. По большому счету, революция – есть насильственное и коренное переустройство общественного и государственного порядка, которое при известных условиях подлежит квалификации по ст. 279 УК как вооруженный мятеж. Означает ли это, что государство рассматриваемой уголовно-правовой нормой законсервировало свой конституционный статус? Отнюдь, нет. Государство не свободно от изменения своего общественно-политического, экономического, идеологического строя и источником этих изменений может служить воля народа, его суверенитет. Однако цивилизующая роль государства состоит как раз в том, чтобы не допустить антиправовых средств и методов государственного переустройства. Право стоит над государством, ему в равной степени подчинены и управляющие, и управляемые. В силу этого, всякий мятеж управляемых против государства, и всякая узурпация власти управляющими в равной степени являются преступными. Таким образом, возможность реализации при обычных условиях права на революцию должна быть однозначно исключена. Тем не менее, мы должны сделать оговорку относительно возможности вооруженного выступления народа против правительства и существующего строя в ситуации, когда существующий правительственный режим грубо нарушает основные права и свободы человека, препятствует свободному волеопределению народа, либо его установление само явилось результатом совершения преступлений. В подобной ситуации отрицать за суверенным народом право на вооруженное переустройство, пожалуй, нельзя. Его легитимность с точки зрения уголовного права будет обоснована правом на причинение вреда в состоянии крайней необходимости, поскольку единство и целостность государства все же менее значимые социальные ценности, нежели права и свободы человека. Еще Биндинг говорил: «для правового государства возможна лишь одна точка зрения. Государство может требовать от населения, чтобы оно оставалось в

пределах законного подчинения государственной власти лишь тогда и лишь постольку, поскольку действия самого государства остаются верными закону, поскольку они проникнуты и подкреплены авторитетом закона».³³¹

Наряду с вооруженным мятежом одной из форм противодействия законной власти УК определил организационную и призывную деятельность экстремистского характера. Экстремизм, как крайнее проявление чего-либо, в частности, взглядов и убеждений, опасен для общества по ряду причин: во-первых, выражаясь в форме запрещенных законом деяний, он развивается в условиях конспирации; во-вторых, последнее обстоятельство ограничивает возможности специально-криминологического воздействия на очаги развития экстремизма; в-третьих, высокая латентность запрещенной деятельности экстремистских организаций не позволяет обществу и государству адекватно реагировать на нее, оценив надвигающуюся угрозу – широко распространяющиеся акты терроризма как способы реализации экстремистских настроений.³³² Экстремизм опасен тем, что уродует мировоззренческие установки людей, продуцирует в обществе философию нетерпимости, ксенофобии и в конечном счете предпочтения насильственных методов решения разных проблем.

Понятие экстремизма содержится в Законе РФ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25. 07. 2002 г.³³³ В соответствии с ним экстремистская деятельность (экстремизм) определяется как:

1) *деятельность* общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц *по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:* насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; подрыв безопасности Российской Федерации; захват или присвоение властных полномочий;

³³¹Цит. по: Малянтович П. Н., Муравьев Н. К. Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. СПб., 1910. С. 123.

³³²Касторский Г. Л. Религиозная мотивация экстремизма и терроризма // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2001. № 1 (1). С. 69.

³³³Собрание законодательства РФ. .2002 № 30. Ст. 3031.

создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально - технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально – технических средств.

Рассматривая уголовно-правовые средства борьбы с экстремизмом через призму обеспечения территориальной целостности Российского государства, заметим, что в УК РФ законодатель установил ответственность за призывы к нарушению территориальной целостности Российского государства (ст. 280) и организацию деятельности религиозного или общественного объединения, осуществляющего различного рода деятельность по нарушению территориальной целостности РФ (ст. 282²).

Ответственность за агитационную и призывную деятельность против власти и строя – в традициях отечественного законодательства. Под призывами обычно понимается «такая форма воздействия на сознание, волю и поведение людей, когда путем непосредственного обращения к ним формируются побуждения к определенному виду деятельности». ³³⁴ При этом данное проявление целенаправленной деятельности следует отличать от формально схожего выражения личного мнения по вопросам государственной и политической жизни.

Право на свободу выражения мнений, взглядов и убеждений является одним из основных естественных прав человека, которое получило и международные, и конституционные гарантии. Так, ст. 19 Международного Пакта о гражданских и политических правах (1966 г.) установила: «1. Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений. 2. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иным способом выражения по своему мнению». В то же время часть третья рассматриваемой статьи определила, что «пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения». ³³⁵

Статья 280 УК, являясь средством обеспечения государственной безопасности, вводит ограничение на свободу выражения собственных взглядов. В принципе, законодатель не запрещает распространение идей (в

³³⁴Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 49.

³³⁵Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 2000 С. 59.

том числе и в форме публичных призывов) о необходимости государственного, социального, идеологического и политического переустройства общества. Гарантии подобной деятельности являются необходимым условием развития демократии и составной частью деятельности политических партий и иных общественных объединений. Законодатель вводит запрет на публичное распространение лишь таких идей, которые содержат мысль о необходимости неправовых, неконституционных способов переустройства общества.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 280 УК, заключается в публичных призывах, при этом признак публичности традиционно понимается как открытость, доступность, способность быть воспринимаемыми неопределенным кругом лиц (выступления перед группой лиц, сообщение в публично демонстрирующемся произведении и т. д.). Публичность с точки зрения признаков состава преступления характеризует обстановку совершения преступления.³³⁶ Этим понятием дается характеристика того внешнего окружения, в условиях которого совершается преступление.³³⁷

В содержательном отношении закон запрещает призывы к осуществлению экстремисткой деятельности. Напомним, что такая формулировка диспозиции в 2002 году пришла на смену «призывам к насильственному захвату власти, насильственному удержанию власти или насильственному изменению конституционного строя РФ». Учитывая приведенное выше определение экстремисткой деятельности, замечаем, что в ст. 280 УК предусмотрена ответственность за:

1. публичные призывы к осуществлению некоторых преступлений, предусмотренных, в частности, в ст. 278, 279, 208, 205, 282, 212, 213, 214;
2. публичные призывы к подрыву государственной безопасности;

³³⁶Вряд ли можно согласиться с В. А. Бикмашевым, определяющим публичность в качестве способа совершения преступления, см.: Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под ред. В. Д. Иванова. Ростов-на-Дону, 2002. С. 399.

³³⁷См.: Объективная сторона преступления (факультативные признаки). Учебное пособие. М., 1995. С. 49.

3. публичные призывы к действиям, которые не являются преступными, в частности, к демонстрированию нацистской символики, пропаганде исключительности граждан по каким-либо демографическим или социальным признакам, финансированию экстремисткой деятельности;

4. публичные призывы к публичным призывам к осуществлению экстремисткой деятельности.

Если с высокой степенью общественной опасности первого и второго типа призывов вполне можно согласиться, то обоснованность криминализации призывов к совершению административных проступков (пропаганда и демонстрирование нацистской атрибутики или символики – ст. 20.3 КОАП) и призывов к осуществлению деятельности, нормативное содержание которой не определено, вызывает сомнения. На наш взгляд, законодатель не согласовал изменения в ст. 280 УК с понятием экстремисткой деятельности, в результате чего благое намерение расширить сферу криминализации общественно опасной призывной деятельности обернулось неудачей.

В силу отсутствия практики применения ст. 280 УК в ее новой редакции смеем предположить, что суду будут привлекать к ответственности лишь за призывы первого и второго типа. По своему содержанию эти призывы отчетливо подразделяются на призывы к подрыву государственной безопасности вообще, и призывы к совершению отдельных преступлений против государственной или общественной безопасности. Такое содержание очень близко к известной прежнему УК РСФСР антисоветской агитации и пропаганде, с той лишь разницей, что новый УК не установил ответственности за распространение клеветнических измышлений против власти и строя и за распространение, изготовление или хранение литературы «антисоветского» содержания. Заметим, что в процессе судебной реформы законодатель отказался от криминализации весьма размытых по содержанию призывов к подрыву государственной безопасности («подрыв или ослабление власти»). Считаем такой подход абсолютно верным, устанавливающим

четкие границы состава преступления не допускающим произвольное толкование понятия «государственная безопасность». Учитывая изложенное, считаем возможным предложить законодателю пересмотреть редакцию ч. 1 ст. 280 УК с тем, чтобы вернуться к ее первоначальной схеме и установить ответственность за призывы к совершению строго ограниченного круга преступлений против государственной или общественной безопасности (с этим предложением согласны 90% опрошенных респондентов).

Рассуждая над содержанием этого перечня, полагаем, что в него могут войти:

1. преступления против внутренней безопасности государства (ст. 278, 279 УК РФ).

2. преступления террористического характера (их понятие дается в Законе РФ «О борьбе с терроризмом от 25. 07. 1998 г.,³³⁸ который определяет, что преступлениями террористического характера являются преступления, предусмотренные статьями 205 – 208, 277 и 360 Уголовного Кодекса Российской Федерации; кроме того, к преступлениям террористического характера могут быть отнесены и другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, если они совершены в террористических целях).

3. преступления экстремисткой направленности (их понятие дается в самом УК РФ (ст. 282¹), который причисляет к ним преступления, предусмотренные статьями 148, 149, ч. 1, 2 статьи 213, статьями 214, 243, 244, 280, 282 УК РФ, если они совершаются по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражда в отношении какой-либо социальной группы).

Призывы как самостоятельное преступление, следует отличать от деятельности, которая может быть квалифицирована как подстрекательство к совершению каких-либо преступлений. Основное отличие заключается в том, что призывы не носят персонифицированного характера, они обращены к

³³⁸Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3808. (с посл. изм.).

неопределенному кругу лиц: тем или иным группам населения (молодежи, представителям какой-либо профессии, социального слоя, национальности, конфессии и т. п.); участникам различных мероприятий (зрителям, слушателям, избирателям, делегатам, демонстрантам и т. д.); членам организаций, работникам предприятий, учреждений, военнослужащим и проч. Как справедливо отмечается в литературе, «адресатами призывов виновный может избрать и различные силы вне страны: представителей общественности, средства массовой информации, иностранные организации, государственные учреждения, даже сами зарубежные державы, если он побуждает их вмешаться для свержения, насильственного изменения советского строя или насильственного нарушения единства территории СССР».³³⁹

Субъективная сторона публичных призывов характеризуется виной в форме умысла, мотивы и цели такой деятельности не влияют на квалификацию. Субъект публичных призывов – общий.

Дифференцируя ответственность за общественно опасную призывную деятельность, законодатель указал в качестве квалифицирующих признаков совершение преступления с использованием средств массовой информации. Понятие средств массовой информации дается Законом РФ «О средствах массовой информации» от 27. 12. 1991 г. (с посл. изм.),³⁴⁰ который понимает под ними «*периодическое* печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма *периодического* распространения информации», при этом периодичность предполагает выход информационной продукции не реже одного раза в год. С учетом изложенного представляется неверным утверждение Ю. М. Ткачевского и И. М. Тяжковой, что под средствами массовой информации следует понимать все современные каналы доведения информации до широкого круга лиц, включая кино, видеофильмы

³³⁹Рябчук В.Н. Уголовная ответственность за публичные призывы к насильственным действиям против советского государственного и общественного строя // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 2. С. 67.

³⁴⁰Собрание законодательства РФ. 1995. № 3. Ст. 169.

и аудиозаписи.³⁴¹ Если кино-, видео-, аудиопродукция не носит характера периодической, рассматривать ее в качестве средства массовой информации нельзя, в данном случае может быть вменен лишь признак основного состава преступления – публичность, поскольку имеет место распространение определенных идей в публично демонстрирующемся произведении.

Призывы к совершению преступлений против государственной или общественной безопасности по своим правовым характеристикам близки призывам к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК), а потому, то, что было сказано нами ранее (см. Глава 2, § 1) о необходимости дифференциации ответственности за это преступление в зависимости от общественно-политического статуса субъекта преступления, будет справедливым и для анализируемого преступления; этого требуют и положения ст. 14 Закона «О противодействии экстремисткой деятельности».

Последним составом преступления, направленным на защиту территориальной целостности государства от сепаратизма, выступает введенный в 2002 году состав организации деятельности экстремисткой организации, предусмотренный ст. 282² УК РФ. Если в ст. 280 законодатель установил ответственность за призывы к сепаратизму, в ст. 279 – непосредственно за вооруженные проявления сепаратизма, то в ст. 282² – за организацию деятельности внешне легальной организации, преследующей сепаратистские цели.

В ст. 282² УК фактически содержится два самостоятельных состава преступления: организация деятельности религиозного или общественного объединения или иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете в связи с осуществлением экстремисткой деятельности; и участие в деятельности подобной организации.

В рамках анализа этого преступления первоочередное значение имеет отграничение его от состава организации экстремистского сообщества. Его

³⁴¹Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учебник для вузов / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 2002. С. 42.

следует проводить по нескольким признакам. Во-первых, - по форме экстремисткой группы: если в ст. 282² говорится о сообществе, то есть изначально криминальной форме объединения людей, то в ст. 282¹ – о религиозном или общественном объединении, иными словами о структуре, которая имеет легальные аналоги, форма которой разрешена законом. Во-вторых, - по целям функционирования группы: осуществление экстремисткой деятельности в ст. 282² – более широкое понятие, нежели совершение преступления экстремисткой направленности (об этом указывалось выше) в ст. 282¹. В-третьих, по характеру действий виновных лиц (в первую очередь, организаторов): если в ст. 282¹ криминализована деятельность по созданию или руководству группой, то в ст. 282² – только деятельность по «организации деятельности», иными словами только по руководству группой, поскольку создание религиозного или общественного объединения не запрещено законом.

Итак, экстремистская организация – есть легально созданное религиозное или общественное объединение или иная организация, которая в процессе функционирования выходит за рамки законной деятельности.

Для уяснения содержания анализируемого состава преступления следует обратиться к ряду нормативных актов (что подразумевает скрытую бланкетность диспозиции статьи): Гражданскому Кодексу РФ (1994 г.), Закону РФ «Об общественных объединениях» от 19. 05. 1995 г. (с посл. изм.)³⁴², Закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26. 09. 1997 г. (с посл. изм.)³⁴³, Закону «О политических партиях» от 11. 07. 2001 г. (с посл. изм.)³⁴⁴, Закону «О противодействии экстремистской деятельности» и др.

В соответствии с этими законами легальные организации, предусмотренные ст. 282² УК могут быть подразделены на несколько групп или видов: организации, которые являются юридическими лицами, и организации, которые не являются юридическими лицами. И те, и другие, в

³⁴²Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

³⁴³Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

³⁴⁴Собрание законодательства РФ. 2001 № 29. Ст. 2950.

свою очередь, могут быть подразделены на коммерческие и некоммерческие. Коммерческие организации - юридические лица могут создаваться в форме хозяйственных товариществ и обществ, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий). Некоммерческие организации - юридические лица могут создаваться в форме потребительских кооперативов, общественных или религиозных объединений, благотворительных и иных фондов, а также в других формах). Коммерческие организации, которые не являются юридическими лицами, могут быть представлены гражданами, занимающимися предпринимательской деятельностью без образования юридического лица (крестьянское фермерское хозяйство). Некоммерческие организации, которые не являются юридическими лицами, представлены религиозными группами, группами граждан, реализующими свое право на объединение без образования юридического лица.

Указанная классификация организаций имеет не только гражданско-правовое значение для определения объема их правоспособности и специфики правового статуса; она важна и для решения уголовно-правовых задач борьбы с экстремизмом, поскольку позволяет привлекать к ответственности не только тех лиц, которые составляют «интеллектуальную основу» экстремизма и сепаратизма, но и тех, кто под прикрытием легальных коммерческих структур осуществляет финансирование экстремисткой деятельности. В этом отношении статья близка положениям ст. 205¹ УК, установившим запрет на финансирование актов терроризма или террористических организаций. Однако мысль о запрете финансирования экстремисткой деятельности, экстремистских сообществ и экстремистских организаций в ст. 282² УК выражена весьма нечетко. А потому мы считаем возможным специально оговорить финансирование экстремизма в числе признаков анализируемого состава преступления, с чем выразили свое согласие 95% опрошенных респондентов.

Закон «О противодействии экстремисткой деятельности» четко регламентировал основания и порядок ликвидации и запрета деятельности организации в связи с осуществлением ею экстремисткой деятельности. Ликвидация и запрет деятельности выступают в качестве «последней стадии» борьбы с функционированием экстремистских организаций.

Первоначально на основании ст. 6 Закона, при наличии достаточных и предварительно подтвержденных сведений о готовящихся противоправных действиях, содержащих признаки экстремистской деятельности, и при отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель либо подчиненный ему соответствующий прокурор или его заместитель направляет руководителю общественного или религиозного объединения либо руководителю иной организации, а также другим соответствующим лицам *предостережение* в письменной форме о недопустимости такой деятельности с указанием конкретных оснований объявления предостережения. Подобное предостережение может быть обжаловано в суд в установленном порядке. Если предостережение не было учтено организацией, то в соответствии со ст. 7 Закона общественному или религиозному объединению либо иной организации в случае выявления фактов, свидетельствующих о наличии в их деятельности, в том числе в деятельности хотя бы одного из их региональных или других структурных подразделений, признаков экстремизма, выносится *предупреждение* в письменной форме о недопустимости такой деятельности с указанием конкретных оснований вынесения предупреждения, в том числе допущенных нарушений. В случае если возможно принять меры по устранению допущенных нарушений, в предупреждении также устанавливается срок для устранения указанных нарушений, составляющий не менее двух месяцев со дня вынесения предупреждения. Предупреждение общественному или религиозному объединению либо иной организации выносится Генеральным прокурором Российской Федерации или подчиненным ему соответствующим

прокурором. Предупреждение общественному или религиозному объединению может быть вынесено также федеральным органом исполнительной власти в сфере юстиции или его соответствующим территориальным органом. Предупреждение может быть обжаловано в суд в установленном порядке. В случае если предупреждение не было обжаловано в суд в установленном порядке или не признано судом незаконным, а также если в установленный в предупреждении срок соответствующими общественным или религиозным объединением, либо иной организацией, либо их региональным или другим структурным подразделением не устранены допущенные нарушения, послужившие основанием для вынесения предупреждения, либо если в течение двенадцати месяцев со дня вынесения предупреждения выявлены новые факты, свидетельствующие о наличии признаков экстремизма в их деятельности, соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация подлежит *ликвидации*, а деятельность общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, подлежит *запрету*.³⁴⁵

В случае осуществления общественным или религиозным объединением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, соответствующие должностное лицо или орган с момента их обращения в суд с заявлением о ликвидации общественного или религиозного объединения либо запрете его деятельности вправе своим решением *приостановить* деятельность общественного или религиозного объединения до рассмотрения судом указанного заявления.

³⁴⁵В силу того, что коммерческой деятельностью граждане могут заниматься без образования юридического лица, и что эта индивидуальная предпринимательская деятельность также может содержать характеристики экстремистской, полагаем, что в Законе «О противодействии экстремистской деятельности» следовало бы предусмотреть возможность запрета деятельности не только некоммерческих организаций, не являющихся юридическими лицами, но и индивидуального предпринимателя без образования юридического лица.

Как видим, Закон «О противодействии экстремисткой деятельности» разграничивает понятия «приостановление» деятельности, с одной стороны, и «запрет» деятельности, ликвидация организации, с другой. Уголовная ответственность наступает только в случае продолжения деятельности организации после вступления в силу решения суда о ликвидации организации или запрете ее деятельности; продолжение деятельности после ее приостановления не может быть квалифицировано по ст. 282² УК РФ, оно влечет административную ответственность согласно ст. 20.2.1 КОАП РФ.

Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 282² УК, справедливо рассматривать в качестве специального деликта по отношению к неисполнению приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК).³⁴⁶ Однако конкуренция этих норм по правилам общей и специальной нормы возникает только в том случае, если судебное решение не исполняется служащим коммерческой или иной организации.³⁴⁷ Вряд ли можно допустить конкуренцию, если судебное решение о ликвидации или запрете деятельности организации не исполняется государственным служащим, служащим органа местного самоуправления или служащим государственного или муниципального учреждения. Если указанные лица не являются членами запрещаемой организации, то их противодействие исполнению судебного решения квалифицируется по ст. 315 УК, если же они выступают в качестве служащих запрещаемой организации, то занимаемая ими должность в государственных или муниципальных органах и учреждениях безразлична для квалификации (естественно, при отсутствии признаков должностного преступления).

Рассмотрение состава организации деятельности экстремисткой организации как разновидности неисполнения судебного решения ставит на повестку дня вопрос о квалификации действий руководителей и участников организации в ситуации, когда ликвидация организации или запрет ее

³⁴⁶Это дает основание для определения дополнительным объектом рассматриваемого преступлений отношений, обеспечивающих стабильность судебных решений и авторитет судебной власти.

³⁴⁷О понятии служащего коммерческой или иной организации см.: Волженкин Б. В. Службные преступления. М., 2000. С. 84 – 89.

деятельности были осуществлены судом либо в результате судебной ошибки, либо в результате преднамеренного вынесения неправосудного решения. Определенной гарантией от таких ситуаций выступает содержащееся в законе указание на то, что судебное решение вступает в силу. Но оно не исключает полностью возможности данной ситуации. В ее разрешении оформилось два принципиально противоположных подхода. Так, В. Н. Кудрявцев указывает, что ввиду того, что в формальном составе преступления для установления объекта достаточно установления противоправности совершенного деяния, то рассматриваемая ситуация должна быть квалифицирована как преступление.³⁴⁸ Иного мнения придерживается А. А. Тер-Акопов, полагающий, что если какие-либо специальные правила были возложены на гражданина ошибочно, то признать неисполнение этих правил преступлением не оснований.³⁴⁹ Нам представляется, что последняя точка зрения имеет больше аргументов, и в первую очередь, с позиций принципа вины в уголовном праве. А потому считаем, что организация деятельности или участие в деятельности организации, которая была ликвидирована или чья деятельность была запрещена ошибочно, не является преступлением.

С объективной стороны организация деятельности запрещенной или ликвидированной организации может состоять в самых разнообразных действиях: реализация прав общественного или религиозного объединения как учредителей средств массовой информации; пользование государственными и муниципальными средствами массовой информации; организация и проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирования и иных массовых акций или публичных мероприятий; участие в выборах и референдумах; использование банковских вкладов и т. д.

Участие в деятельности такой организации состоит в выполнении конкретных действий, направленных на достижение уставных целей организации, в том числе пропагандирование деятельности запрещенной организации, взнос или сбор членских взносов и пожертвований,

³⁴⁸Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 132.

³⁴⁹Тер-Акопов А. А. Бездействие как форма преступного поведения. М., 1980. С. 64.

участие в проводимых организацией акциях, сочинение произведений, осуществление издательской деятельности и т. д.

Проявлением участия в деятельности запрещенной или ликвидированной организации может стать создание или распространение экстремистских материалов. К таким материалам, согласно ст. 13 Закона «О противодействии экстремистской деятельности», относятся: а) официальные материалы запрещенных экстремистских организаций; б) материалы, авторами которых являются лица, осужденные в соответствии с международно-правовыми актами за преступления против мира и безопасности человечества и содержащие признаки экстремизма; в) любые иные, в том числе анонимные, материалы, содержащие признаки экстремистской деятельности.

Вместе с тем, следует заметить, что, несмотря на прямое предписание Закона о необходимости привлечения к административной или уголовной ответственности лиц, виновных в изготовлении, распространении или хранении в целях последующего распространения экстремистских материалов, ни в УК, ни в КОАП соответствующие нормы не введены. Статья 20.3 КОАП РФ подверглась редакционным изменениям после принятия Закона «О противодействии экстремистской деятельности»: вместо ответственности за демонстрирование фашистской атрибутики или символики, действующая редакция говорит об ответственности за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения. Но, во-первых, нацистская символика и материалы экстремистского содержания – несовпадающие понятия; во-вторых, пропаганда и публичное демонстрирование не охватывают всех вариантов распространения; в-третьих, деятельность по созданию и хранению в целях распространения ни нацистской символики, ни тем более экстремистских материалов не запрещена. С учетом изложенного считаем необходимым законодателю

вернутся к пересмотру содержания ст. 20.3 в КОАП РФ с тем, чтобы расширить границы административно противоправного поведения за счет указания на создание, распространение или хранение в целях распространения материалов экстремистского содержания (с таким предложением солидарны 78% опрошенных респондентов). В таком случае самостоятельное, инициативное распространение экстремистских материалов лицом, не являющимся участником запрещенной или ликвидированной организации будет влечь административную ответственность, а аналогичная деятельность члена экстремистской организации – уголовную.

С субъективной стороны анализируемое преступление совершается только умышленно; субъект преступления – общий. Умыслом организаторов и участников должны охватываться все обстоятельства совершения преступления: и экстремистский характер осуществляемой деятельности, и факт наличия вступившего в силу судебного решения о запрете деятельности или ликвидации организации.

Подводя итог рассмотрению проблем обеспечения территориальной целостности Российского государства от различных проявлений сепаратистской деятельности, считаем возможным предложить законодателю собственное видение соответствующих статей Уголовного Кодекса.

Статья 279. Вооруженный мятеж

Организация вооруженного выступления в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации или субъекта Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, а равно руководство им или активное участие в нем, - наказывается ...

Статья 280. Публичные призывы к совершению преступлений против государственной и общественной безопасности

1. Публичные призывы к насильственному захвату власти или насильственному удержанию власти, вооруженному мятежу, совершению

преступлений экстремисткой направленности или преступлений террористического характера, - наказывается ...

2. То же деяние, совершенное государственным или общественным деятелем, а равно с использованием средств массовой информации, - наказывается ...

Статья 282². Организация деятельности экстремисткой организации

1. Организация деятельности общественного, религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремисткой деятельности, а равно финансирование экстремисткой деятельности или экстремисткой организации, - наказывается...

2. Участие в деятельности общественного, религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремисткой деятельности, - наказывается ...

Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности общественного, религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремисткой деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Считаем также возможным изменить редакцию и антиэкстремисткой статьи Кодекса об административных правонарушениях.

Статья 20.3 Незаконные действия в отношении экстремистских материалов

Создание, распространение или хранение в целях распространения экстремистских материалов, - влечет ...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Соблюдение принципа территориальной целостности и неприкосновенности государства является сегодня одним из столпов международного права. Его положения твердо гарантируют невмешательство во внутренние дела государства, признание и уважение его суверенитета и существующих государственных границ, обеспечивают соблюдение мира во взаимоотношениях между государствами.

Россия, являясь постоянным членом ООН, участницей (в качестве правопреемника СССР) Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, поддерживая Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, признает, что предписания принципа территориальной неприкосновенности и целостности являются основой для развития ее международных отношений и национального права.

Правовая система России содержит ряд предписаний относительно соблюдения принципа неприкосновенности государственной территории, при этом особая роль в деле охраны общественных отношений, складывающихся по поводу соблюдения этого принципа, принадлежит уголовному праву.

Проведя теоретико-правовой, историко-правовой, компаративно-правовой, догматический, социологический анализ положений Российского уголовного закона в части обеспечения территориальной целостности и неприкосновенности государства, мы пришли к следующим основным выводам.

1. Принцип территориальной целостности и неприкосновенности государств, являясь универсальным и общепризнанным, выступает в качестве одного из источников Российского уголовного права, детерминируя появление в нем правовых предписаний, устанавливающих санкции за приобретение чужой территории путем угрозы силой или ее применения, нарушение неприкосновенности государственных границ, инспирирование и

поддержку сепаратистских движений, использование иностранной территории без согласия ее суверена, использование своей территории таким образом, что этим наносится ущерб территориям других государств.

2. Эволюция нормативных предписаний отечественного уголовного законодательства, направленных на защиту неприкосновенности и целостности территории России, проходила на фоне становления международного понимания государственной территории и границ, и внедрения принципа территориальной неприкосновенности в практику межгосударственного общения. При этом Российское государство изначально криминализовало посягательства на территориальную целостность со стороны его граждан (подданных) в форме государственной измены, бунта, заговора (XV – XVII в. в.); затем установило ответственность за различного рода преступления, связанные с нарушением неприкосновенности Государственной границы (XIX в.); и лишь в новейшей истории установило уголовную ответственность за насильственный захват чужой государственной территории (XX в.).

3. Современная система уголовно-правовых норм об охране территориальной целостности и неприкосновенности России включает в себя предписания о запрете агрессии и пропаганды агрессии (ст. 353, 354 УК), о запрете незаконного пересечения или изменения Государственной границы (ст. 270, 322, 323 УК), о запрете сепаратизма, его пропаганды и сепаратистских организаций (ст. 279, 280 282² УК).

4. Сравнительно-правовой анализ Российского и зарубежного уголовного законодательства в части обеспечения территориальной целостности и неприкосновенности государства позволяет выявить некоторые преимущества зарубежных законов, проявляющиеся: а) в усилении ответственности за пропаганду войны против своего государства, б) в дифференциации ответственности за развязывание и ведение войны, в) справедливо криминализируют любые формы незаконного пересечения границы и устанавливают ответственность за организационную

деятельность, направленную на пересечение границы; а также некоторые погрешности, заключающиеся в установлении ответственности за нарушение территориальной целостности иностранного государства и в криминализации нарушения правил пограничного режима.

5. Нормы российского УК об агрессии могут быть применены как к российским гражданам, планирующим, подготавливающим, развязывающим и ведущим агрессивную войну против иностранного государства, так и к иностранным гражданам, осуществляющим аналогичные действия против РФ. В целом, соответствуя задачам обеспечения мира и безопасности человечества, они могут быть скорректированы за счет: а) криминализации указанных в ст. 353 УК действий не только в отношении агрессивной войны, но и в отношении войны в нарушение международных договоров; б) перенесения признака развязывания агрессивной войны в часть вторую ст. 353 УК; в) включения в текст УК примечания к ст. 353, определяющего понятие агрессии, понятие войны в нарушение международных договоров и устанавливающего круг субъектов данных преступлений; г) криминализации любой формы пропаганды агрессивной войны; д) расширения круга субъектов в квалифицированной пропаганде войны путем дифференциации ответственности государственных и общественных деятелей.

6. К нормам об охране Государственной границы следует отнести предписания ст. 271 УК «Нарушение правил международных полетов», которая в совокупности со статьями 322 и 323 УК может стать основой отдельной главы в структуре УК – «Преступления против неприкосновенности Государственной границы», следующей после главы о преступлениях против правосудия. Совершенствование законодательства об охране неприкосновенности границы может включать в себя: а) установление в части первой ст. 322 УК ответственности не только за пересечение границы без документов или разрешения, но и за пересечение границы в неустановленном месте; б) исключение указания на цель действий в составе противоправного изменения границы с одновременной фиксацией признака

их противоправности; в) изменение названия статьи 323 УК; г) введение уголовной ответственности за организацию незаконного пересечения Государственной границы.

7. Защита РФ от проявлений сепаратизма установлена нормами о запрете вооруженного посягательства на территориальную целостность РФ, пропаганды экстремисткой деятельности и организации деятельности экстремисткой организации. Их совершенствование может включать в себя: а) определение мятежа в тексте диспозиции ст. 279 УК как вооруженного выступления; б) криминализацию вооруженных посягательств на конституционный строй и территориальную целостность не только РФ в целом, но и ее субъектов; в) уточнение круга деяний, призыв к совершению которых можно квалифицировать как преступление за счет указания на преступления, предусмотренные ст. 278, 279 УК, а также на преступления террористического характера и преступления экстремистской направленности; г) криминализацию финансирования экстремисткой деятельности или экстремисткой организации. В КОАП РФ нуждается в совершенствовании ст. 20.3, содержание которой необходимо привести в соответствие с положениями Закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Указанные положения, не претендуя на бесспорность, способны, на наш взгляд, обеспечить последовательность в соблюдении международных обязательств России на национальном уровне, гарантировать ее национальные интересы, повысить степень защищенности ее территориального суверенитета, и тем самым способствовать укреплению положения России на международной арене.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Нормативно-правовые акты

1. Устав Организации Объединенных Наций (1945 г.) // Действующее международное право. Т. 1. М., 1996. С. 7 – 33.
2. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М., 1977. С. 544 – 589.
3. Декларация о праве народов на мир (1984 г.) // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 2000. С.104.
4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (1970 г.) // Действующее международное право. Т. 1. М., 1996. С. 65 – 73.
5. Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях (1987 г.) // Действующее международное право. Т. 1. М., 1996. С. 103 – 110.
6. Декларация о неприменении силы или угрозы силой во взаимоотношениях между государствами – участниками Содружества Независимых Государств (1992 г.) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 4. С. 5.
7. Резолюция ООН 3314 об определении агрессии // Донской Д. Агрессия – вне закона. Об общепризнанном определении агрессии. М., 1976. С. 132 – 135.
8. Римский Статут Международного уголовного суда (1998 г.) // Костенко Н. И. Международный уголовный суд. М., 2002. С. 190 – 263.
9. Конституция Российской Федерации (1993 г.). М., 1993.
10. Уголовный кодекс РФ (1996 г.). М., 2003.

11. Закон РФ «О государственной границе» от 01. 04. 1993 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594.
12. Закон РФ «О континентальном шельфе Российской Федерации» от 25. 10. 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. № 49. Ст. 4694.
13. Закон РФ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» от 17. 12. 1998 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6273.
14. Закон РФ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» от 31. 07. 1998 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3833
15. Закон РФ «О безопасности» от 05. 03. 1992 г. // Российская газета. 1992. 6 мая.
16. Закон РФ «О недрах Российской Федерации» от 03. 03. 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. № 10. Ст. 823.
17. Концепция национальной безопасности. Утверждена Указом Президента РФ 17. 12. 1997 г. // Собрание законодательства РФ. 1997. № 52. Ст. 5909.
18. Концепция внешней политики // Российская газета. 2003. 11 июля.
19. Постановление Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» от 15 апреля 1926 г. // Собрание законодательства СССР. 1926. № 32. Ст. 203.

2. Литература

20. Абдулатипов Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000.
21. Адельханян Р. А. Преступность деяния по международному уголовному праву. М., 2002.
22. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права. В сб.: Очерки сравнительного права. М., 1991. С. 38.

23. Бабурин С. Н. Взаимосвязь территории и гражданства государства как фактор Российской геополитики // Вестник Омского университета. 1996. Вып. 2.
24. Бабурин С. Н. Современные проблемы Российской государственности: территория и гражданство // Государство и право. 1996. № 11.
25. Бабурин С. Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997.
26. Барсегов Ю. Г. Самоопределение и территориальная целостность. М., 1993.
27. Барсегов Ю. Г. Территория в международном праве. М., 1958.
28. Барциц И. Н., Левакин И. В. Территориальная целостность Российской Федерации: вопросы теории // Журнал Российского права. 2002. № 10.
29. Беляев С. С. Конституция Российской Федерации и международное уголовное право // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1995. №3.
30. Бьюкенен Алэн. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М., 2001.
31. Вишняков В. Г. К вопросу о понятиях «территория», «территориальная целостность», «самоопределение народов» в Конституции Российской Федерации // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1997. № 1 (18).
32. Водько Н. П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: Научно-практическое пособие. М., 2000.
33. Волова Л. И. Нерушимость границ – новый принцип международного права / Отв. ред. А. М. Аваков. Ростов, 1987.
34. Волова Л. И. Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве / Отв. ред. В. К. Собакин. Ростов, 1981.
35. Галенская Л. Н. Международные преступления и международно-правовая ответственность // Правоведение. 1965. № 1.

36. Голик Ю. Глобализация преступности и преступность глобализации // Федерализм. 2002. № 1.
37. Донской Д. Агрессия – вне закона. Об общепризнанном определении агрессии. М., 1976.
38. Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999.
39. Дьяков С. В., Игнатъев А. А., Карпушин М. П. Ответственность за государственные преступления. М., 1988.
40. Жулев В. И. Транспортные преступления. Комментарий законодательства. М., 2001.
41. Земцов В. И. Уголовная ответственность за незаконное пересечение и противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2000.
42. Иванов Н. М., Овчинникова В. П. Уголовная ответственность и освобождение от ответственности за незаконный переход Государственной границы. М., 1968.
43. Каболов В. В. Преступления против мира и безопасности человечества. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002.
44. Камаровский Л. А., Ульяницкий В. А. Международное право. М., 1908.
45. Карапетян Л. М. Грани суверенитета и самоопределения народов // Государство и право. 1993. № 1.
46. Карма Набулси Jus ad bellum / jus in bello. В кн.: Военные преступления. Это надо знать всем./ Под ред. Роя Гутмэна, Дэвида Рифа. Пер. с англ. О. А. Варшавер, С. Б. Ильина, Л. А. Резниченко. М., 2002.
47. Карпец И. И. Международная преступность. М., 1988.
48. Касторский Г. Л. Религиозная мотивация экстремизма и терроризма // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2001. № 1 (1).

49. Кибальник А. Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. СПб., 2003.
50. Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. М., 1974.
51. Клименко Б. М. Мирное решение территориальных споров. М., 1982.
52. Клименко Б. М., Порк А. А. Территория и граница СССР. М., 1985.
53. Клягин В. С. Ответственность за особо опасные государственные преступления. Минск, 1973.
54. Коробеев А. И. Транспортные преступления. СПб., 2003.
55. Костенко Н. И. Международный уголовный суд. М., 2002.
56. Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / Под ред. А. И. Гурова. М., 2000.
57. Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966.
58. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. М., 1999.
59. Малянтович П. Н., Муравьев Н. К. Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. СПб., 1910.
60. Манов Б. Г., Кирсанов Г. В. Противоправность действий чеченских бандформирований с точки зрения международного и внутригосударственного права // Журнал Российского права. 2000. № 8.
61. Международное уголовное право. Учеб. пособие. / Под ред. В. Н. Кудрявцева. Изд 2-е, перераб. и доп. М., 1999.
62. Менжинский В. И. Неприменение силы в международных отношениях. М., 1976.
63. Миграян А. Н. Конфликт между двумя принципами. Россия и современный мир. М., 1994.
64. Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000.

65. Моджорян Л. А. Становление и развитие демократических принципов международного права. М., 1969.
66. Моджорян Л. А. Субъекты международно-правовой ответственности // Советское государство и право. 1969. № 12.
67. Молибога О. Ю. Уголовная ответственность за наемничество. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000.
68. Наумов А. В. Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // Государство и право. 1995. № 6.
69. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1961.
70. Пикуров Н. И. Квалификация следователем преступлений со смешанной противоправностью. Волгоград, 1988.
71. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: Комментарий к главе 26 УК РФ. с постатейным приложением нормативных актов и документов / Авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М., 2001.
72. Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983.
73. Ромашкин П. С. К вопросу о понятиях и источниках международного уголовного права // Советское государство и право. 1948. № 3.
74. Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М., 1967.
75. Рыбаков Ю. М. Вооруженная агрессия – тягчайшее международное преступление. М., 1980.
76. Рябчук В.Н. Уголовная ответственность за публичные призывы к насильственным действиям против советского государственного и общественного строя // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 2.
77. Саруханян А. Р. Преступления против порядка управления: понятие, общая характеристика. Диссертация ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002.

78. Стивен Р. Ратнер Агрессия. В кн.: Военные преступления. Это надо знать всем./ Под ред. Роя Гутмэна, Дэвида Рифа. Пер. с англ. О. А. Варшава, С. Б. Ильина, Л. А. Резниченко. М., 2002.
79. Тельнов П. Ф. Иные государственные преступления. Учебное пособие. М., 1970.
80. Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. М., 1969.
81. Трофимов С. В. Уголовно-правовые аспекты ответственности за преступления в сфере безопасности полетов и эксплуатации воздушного транспорта. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002.
82. Трунцевский Ю. В. Нормы международного права как источник российского уголовного права. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995.
83. Шармазанашвили Г. А. Право мира. Тбилиси, 1961.
84. Шеслер А. В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000.
85. Шибков О. Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000.
86. Щербаков А. С. Государственная граница и право // Государство и право. 1995. № 9.

Приложение 1. Динамика преступлений, связанных с нарушением территориальной целостности и неприкосновенности³⁵⁰

Вид преступления	Год					
	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Нарушение запрета на приобретение территории путем угрозы или применения силы						
ст. 353 УК «Планирование, подготовка и развязывание агрессивной войны»	0	0	0	0	0	0
ст. 354 «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны».	0	0	0	0	0	0
Нарушение неприкосновенности государственных границ						
ст. 271 «Нарушение правил международных полетов»	0	0	0	0	0	0
ст. 322 «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации»	28	54	44	44	58	93
ст. 323 «Противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации»	1	1	2	0	3	0
Сепаратизм, инспирирование и поддержка сепаратистских движений						
ст. 279 «Вооруженный мятеж»	0	0	3	3	1	2
ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремисткой деятельности»	2	0	11	2	5	5
ст. 282 ² «Организация деятельности экстремисткой организации»	Статьи не существовало					Нет данных
Использование государственной территории без согласия территориального суверена						
ст. 256 «Незаконная добыча водных растений или животных»	3279	4682	5489	6333	7900	9170
ст. 258 «Незаконная охота»	826	774	972	728	904	707
ст. 260 «Незаконная порубка деревьев или кустарников»	2609	2955	5672	7514	8114	10654
ст. 261 «Уничтожение или повреждение лесов»	182	146	190	142	258	730
Использование своей территории в ущерб территории иностранных государств						
ст. 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики»	2	2	3	0	76	105
ст. 220 «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами»	61	39	15	23	15	27
ст. 236 «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»	26	52	40	38	25	37
ст. 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ»	6	2	3	5	3	9
ст. 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов»	20	31	30	26	40	54
ст. 248 «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими	0	0	0	0	0	0

³⁵⁰ Данные приводятся по источникам: Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 546 – 560; Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы. М., 2003. С. 258 – 269.

биологическими агентами или токсинами»						
ст. 249 «Нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений»	12	6	5	1	1	5
ст. 250 «Загрязнение вод»	7	7	8	18	16	12
ст. 251 «Загрязнение атмосферы»	2	4	7	7	6	6
ст. 252 «Загрязнение морской воды»	6	2	1	3	1	0
ст. 254 «Порча земли»	3	6	7	10	4	13

Приложение 2. Динамика лиц, выявленных в совершении преступлений, связанных с нарушением территориальной целостности и неприкосновенности³⁵¹

Вид преступления	Год					
	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Нарушение запрета на приобретение территории путем угрозы или применения силы						
ст. 353 УК «Планирование, подготовка и развязывание агрессивной войны»	0	0	0	0	0	0
ст. 354 «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны».	0	0	0	0	0	0
Нарушение неприкосновенности государственных границ						
ст. 271 «Нарушение правил международных полетов»	0	0	0	0	0	0
ст. 322 «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации»	10	13	15	33	23	51
ст. 323 «Противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации»	0	1	2	0	2	0
Сепаратизм, инспирирование и поддержка сепаратистских движений						
ст. 279 «Вооруженный мятеж»	0	0	20	17	1	2
ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»	0	1	1	0	2	1
ст. 282 ² «Организация деятельности экстремистской организации»	Статьи не существовало					Нет данных
Использование государственной территории без согласия территориального суверена						
ст. 256 «Незаконная добыча водных растений или животных»	4262	5458	7112	8006	9280	9328
ст. 258 «Незаконная охота»	885	832	934	734	731	507
ст. 260 «Незаконная порубка деревьев или кустарников»	2081	2321	3800	5240	4061	4264
ст. 261 «Уничтожение или повреждение лесов»	114	115	158	117	102	119
Использование своей территории в ущерб территории иностранных государств						
ст. 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики»	10	9	5	6	8	24
ст. 220 «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами»	28	16	22	19	21	24
ст. 236 «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»	41	42	43	44	22	20
ст. 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ»	3	1	1	2	4	1
ст. 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов»	4	17	22	23	26	20

³⁵¹ Данные приводятся по источникам: Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 546 – 560; Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы. М., 2003. С. 258 – 269.

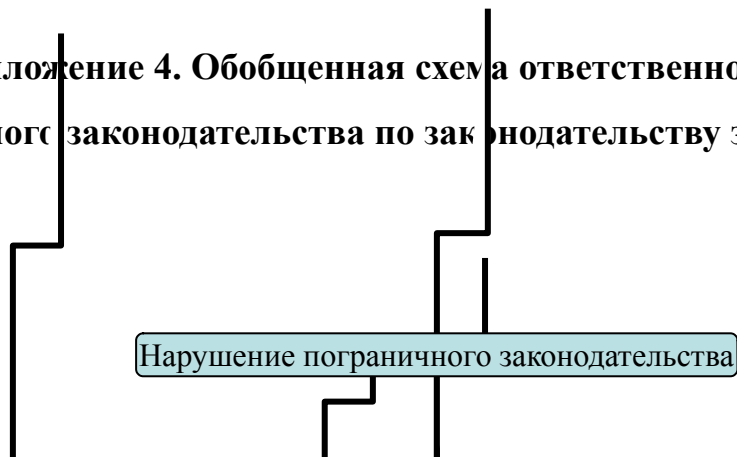
ст. 248 «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами»	0	0	0	0	0	0
ст. 249 «Нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений»	7	6	6	3	2	4
ст. 250 «Загрязнение вод»	9	10	0	5	8	3
ст. 251 «Загрязнение атмосферы»	0	4	6	3	4	3
ст. 252 «Загрязнение морской воды»	1	3	1	0	0	0
ст. 254 «Порча земли»	1	2	2	4	2	2

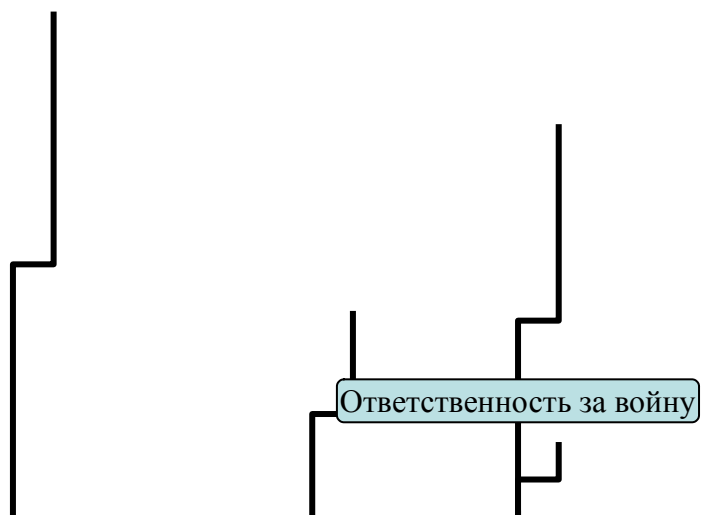
**Приложение 3. Обобщенная схема ответственности за нарушение
территориальной целостности государства «изнутри» по
законодательству зарубежных стран**

Ответственность за нарушение территориальной целостности государства «изнутри»

Пр Деятельность по созданию орга(Насильстве(Деятельность по заданию иност(Деятельность по изменению территориального статуса ин

**Приложение 4. Обобщенная схема ответственности за нарушение
пограничного законодательства по законодательству зарубежных стран**

Планирование, подготовка, развязывание войны; Подстрекательство иностранного государства к войне против собственного государства

Приложение 5. Обобщенная схема ответственности за войну по законодательству зарубежных стран